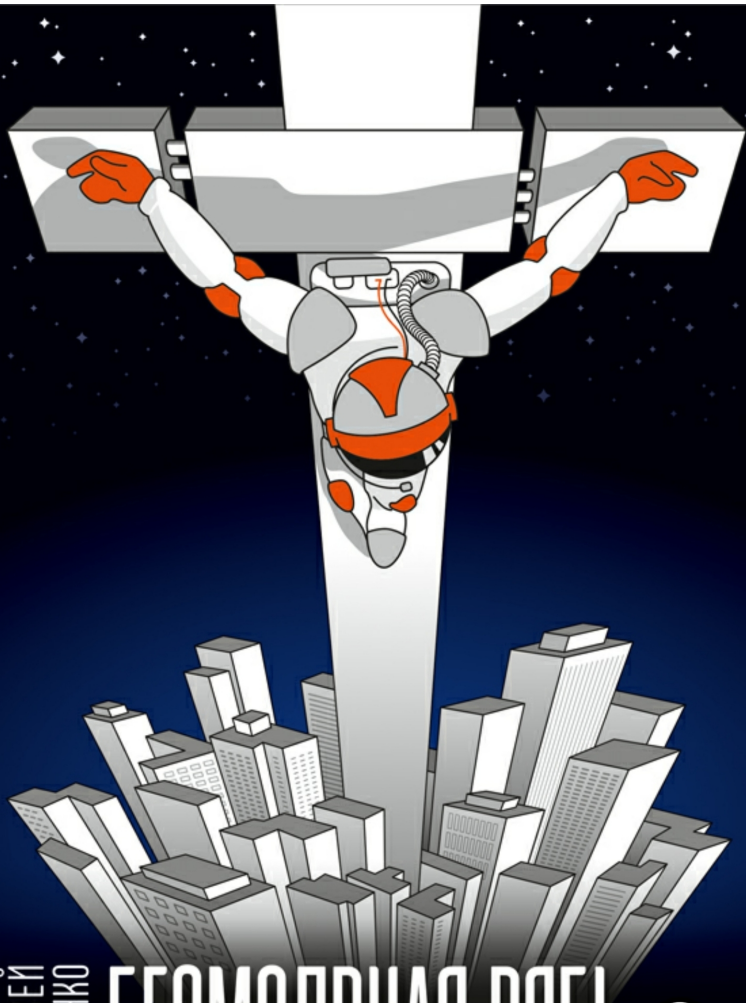

АЛЕКСЕЙ
КОСТЕНКО

БЕЗМОЛВНАЯ РЯБЬ

12+

Алексей Костенко

Безмолвная рябь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60207396

SelfPub; 2020

Аннотация

Залог безопасности Солнечной системы – крейсера Объединенных сил, что контролируют ближний космос. По крайней мере, таково мнение военных. Флот может позволить основать колонию на дальних планетах, или вести разработку ископаемых на астероидах, пока ему это выгодно, и пока не может дотянуться до наглецов. Но однажды это изменится. Объединенные силы бережно хранят наследие великого ученого, основателя гравитационной физики. И умело спекулируют результатами эксперимента его сына. Но это игра, в которую могут играть двое противников. Военные разведки, религиозные деятели, криминальные элементы, несостоявшиеся и выдающиеся ученые, а также обычные люди – все они вынуждены выбирать сторону. Напряженные события романа-эпопеи охватывают несколько поколений, и все больше людей втягиваются в водоворот событий, и сталкиваются с последствиями эксперимента, который не должен был состояться. В издание входят обе книги серии.

Содержание

Книга I	5
Пролог	5
2047	17
2079	33
2081	88
2082	133
2083	144
2084	156
2085	178
Часть II	194
2181	194
Конец ознакомительного фрагмента.	216

*Спасибо Татьяне Бабинской,
что книга получилась именно такой.
И вообще получилась.*

Книга I

Пролог

– Внимание! – раздалось в наушниках. – Четвертый сектор закрыт для прохода.

Ян потянулся к панели, и убедился, что указанная область засветилась на навигаторе красным. Полигон лежал в стороне от его маршрута, но осторожность никогда не бывает лишней. Особенно здесь. На всякий случай, он проверил датчики радиации, но излучение было в пределах нормы. Нормы для Луны, разумеется. Впрочем, будь авария серьезной, сигнализация ровера известила бы его об опасных для жизни условиях.

Ян невесело улыбнулся. Если бы техника могла бы быть откровенной – лампы на панели оповещения мигали бы беспрестанно. Пробыв на станции без малого два года, он с уверенностью мог сказать, что Луна не просто безразлична к человеку, она ему враждебна. Только и ждет момента, когда ты оступишься или забудешь проверить заряд аккумулятора. И главное, что до этого нет никому дела. Вот и сейчас, у него должен быть напарник, не говоря уже о том, что образцы из лаборатории должны доставляться по автоматизированной линии.

Тем не менее, Ян мог признаться (по крайней мере, самому себе), что в качестве водителя от него пользы больше, чем если бы он занимался своими прямыми обязанностями.

Почти все свое время он проводил за терминалом, моделируя запуски и производя расчеты. Он тысячи раз проверял и перепроверял теоретические данные, но это так и не привело к результатам, которые ожидалось уже на первом году работы базы. Несмотря на свои огромные вычислительные возможности, компьютер не догадается, что зажигание может сработать на полсекунды раньше из-за неправильно размещенного конденсатора. Теория показывала прекрасные возможности ионного двигателя, но каждый запуск заканчивался провалом. Будь станция оборудована обычными лабораторными стендами, множества ошибок удалось бы избежать еще на этапе подготовки. Но всю суть лунной базы можно было выразить девизом: «Все и сразу».

Ян подумал, что нужно быть невероятным глупцом, чтобы разместить научную базу в месте, куда сложно доставить запчасти для автоматической линии, не говоря уже о каком-либо специфическом оборудовании. Впрочем, он тут же себя одернул: два года назад он сам верил, что благодаря его работе отправить килограмм груза на Луну будет не дороже, чем посылку на Рождество тетушке Ядвиге в Латвию.

Два года назад он сам считал это неплохой идеей. На Земле испытание двигателя связано со многими трудностями, и только согласования могут занять несколько месяцев. Ка-

залось замечательным, что есть площадка, где даже если он взорвется, до этого не будет никому дела. В теории, прямые испытания, без множества промежуточных этапов, должны были ускорить разработку и внедрение с десятков всего до нескольких лет. А на практике... Вот сегодня от него больше пользы в кабине ровера, чем на испытаниях.

Лаборатория экстремальных воздействий находилась всего в полчаса езды, и он был рад что может провести это время в одиночестве. Разумеется, одиночная поездка была вопиющим нарушением техники безопасности, но, благодаря своим габаритам, Ян едва помещался в кабине, рассчитанной на двоих. На двоих азиатов. Почти двух метров роста, и едва ли меньше в плечах, он имел все основания недолюбливать технику, произведенную в Поднебесной. Но сейчас он был рад, что колпак кабины отделяет его от остального персонала базы. От таких же бесполезных ученых, как и он сам.

Колесо подпрыгнуло на камне, и Ян обернулся проверить, не выпали ли ящики. Хотя, кому какая разница? Все более-менее стоящие внимания результаты были получены в первые месяцы, и, на этом, по мнению норвежца, ценность и лаборатории, и опытного производства, были исчерпаны. Кристаллы кремния, призванные покрыть дефицит сырья в микроэлектронике, действительно, росли почти на половину быстрее, но оказались ни к чему не пригодными. Мало того, что невероятно хрупкими, так еще и совершенно неподхо-

дящей структуры.

Проезжая мимо станции гравитационной связи, Ян поморщился. Она словно служила ему молчаливым напоминанием о днях юношеской глупости. Молчаливым напоминанием. Уголки его губ непроизвольно поднялись от этого каламбура. Почти трехсекундная задержка, когда приходится ждать ответа с Земли, раздражала неимоверно. Все сотрудники базы с нетерпением ждали когда же, наконец, заработает гравирадио, и лишь для Яна его молчание служило, пусть слабым, но утешением.

Он не раз вспоминал тот разговор с однокурсником. Они практически не были знакомы, но оба оказались словно за бортом вечеринки. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что вечеринка была так себе.

Как представители братства, они не могли ее просто покинуть, и поэтому коротали время за случайной беседой.

– Я бы хотел работать на Луне, – сказал тогда Ян.

– Почему бы и нет, – сокурсник пожал плечами. – Через год мы закончим учебу. Еще, примерно через три, закончится строительство станции. Успеешь наработать резюме и подать заявку.

Яна удивил его тон. Казалось, что нет ни одного выпускника, который бы не мечтал оказаться в числе счастливицков, в числе тех, чьи имена войдут в историю. Ян взвесил слова, прежде чем ответить.

– Разве ты не хотел бы быть частью чего-то значимого?

Его собеседник рассмеялся.

– Ты еще скажи «оказаться на передовом крае науки». Нет. Думаю, я и здесь найду себе занятие по душе.

Еще в детстве, когда космос был доступен лишь для избранных, Ян мечтал побывать на другой планете. На любой. Казалось, что не может быть ничего более величественного, чем взглянуть на звезды из-под чужого неба. И он был готов на любую должность на лунной базе, лишь бы осуществить свою мечту. Отчасти, именно поэтому, он и отказался от нового курса гравитационной физики. Несмотря на свой интерес к предмету, Ян понимал, что пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем самая захудалая гравитационная лаборатория сможет уместиться хотя бы в одном здании. Да и тогда, вряд ли, ее будут строить на Луне: любая точка в солнечной системе одинаково подходит для изучения гравитации.

Ян бросил взгляд на простирающуюся вокруг серую пустыню, и с грустью подумал, что, может быть, все было бы иначе, если бы он действительно оказался на другой планете, а не на спутнике Земли.

Все было совершенно не так, как он себе представлял. Наверное, притягательность профессии космонавта в том, чтобы быть первым. А когда более трехсот человек, словно термиты в муравейнике, копошатся под куполом, занимаясь каждый своим делом, это становится обычной рутинной. Может быть, это и не имело бы особого значения, если бы они были «на передовом крае науки», но вся идея лунной лабо-

ратории оказалась сплошным провалом. За два года ее существования, не то что не произошло прорыва в науке, но и не было сколь либо значимых результатов, которые, хотя бы частично, оправдали бы вложенные средства.

Возможно, лишь из-за опытов с приемником гравирадио, ее до сих пор и не закрыли.

Не то, чтобы Ян не понимал этого раньше, но его всегда спасала София. Он мог часами слушать, как она рассказывает о своем родном Белграде. Он мечтал побывать в этом городе, присесть за столик в уличном кафе, и слушать как София рассказывала ему о... Да без разницы о чем.

За два года он так не завел друзей на базе. Почти сразу же он познакомился с девушкой из Сербии, и влюбился в нее с первого взгляда. Все свободное время они проводили вместе. Немногочисленным развлечениям на базе, они предпочитали беседы. София часто его высмеивала, но делала это совершенно беззлобно. Собственно говоря, с этого и началось их знакомство. Он сидел в столовой с серыми стенами, и пытался подключить коммуникатор к сети базы.

– Эй, астронавт, я бы на твоём месте этого не делала.

Ян поднял глаза, и автоматически спросил:

– Почему?

Незнакомка ткнула пальцем в телефон. Жест у нее получился какой-то обвиняющий, и Ян с трудом подавил желание спрятать устройство.

– Как только он увидит сеть, сразу начнет тянуть новости,

обновления, и прочую мишуру. Потом удивишься, когда получишь расчетки.

Великан, все-таки, спрятал телефон.

– Спасибо, что предупредила.

Девушка фыркнула.

– А толку? Помучаешься два дня с настройками, пытаешься ограничить доступ не нужным приложениям, а потом решишь: «Ну и ладно, Интернет все равно нужен».

Ян улыбнулся.

– Ты не очень хорошего мнения о моих умственных способностях.

– Не в этом дело. У тебя топовая модель, а функционал настроек в ней проигрывает младшим версиям. И где здесь здравый смысл?

Девушка развернулась чтобы уйти,

– Может быть, мы вкладываем разные значения в понятие «здравый смысл»?

София обернулась.

– Иногда я поражаюсь. Как такие как ты вообще попадают на Луну?

Ян не хотел, чтобы она уходила, и, оглядевшись по сторонам, ткнул в первый попавшийся раздатчик.

– Ты не могла бы мне помочь с этим?

– С чернильницей? – удивилась она. – Ну, если ты про-
сишь.

Она показала как сделать заказ, и снизу появилась чашка

с темно синей дурно пахнущей жидкостью.

– Это автомат для коктейлей. Я тебе сделала витаминный. Пей.

Ян сделал маленький глоток, и тут же захотел его выплюнуть. Но, подавив в себе это желание, он проглотил содержимое чашки.

Девушка рассмеялась.

– Еще ни разу не видела, чтобы кто-нибудь выпил эту гадость. София, – протянула она узкую ладошку.

Ян осторожно ее пожал, и понял, что мир для него изменился навсегда.

Если бы не София – он давно бы наплевал и на контракт, и на штрафы, и при первой же возможности убрался бы на Землю. Кажется, она была единственным счастливым человеком на базе, и благодаря ее оптимизму Ян смог смириться с Луной.

София занималась системами жизнеобеспечения, и получала удовольствие от своей работы. Поначалу, они часто обсуждали положение дел на базе, но, со временем стали стараться как можно меньше говорить о работе. Тяжелые, однообразные дни полностью выматывали, и вечером хотелось ярких впечатлений, которые были доступны в виртуальности. Каждый раз они в шутку спорили, куда отправиться на этот раз: Ян предпочитал фантастические миры, а София любила дикую природу. Они наслаждались почти реальными впечатлениями, порою, просто сидя на берегу океана, держа

друг друга за руки и разговаривая.

Однажды, отключая костюм ВР, София спросила:

– Тебе надоели наши прогулки?

– С чего ты взяла? – притворно удивился он.

– Ты как воздушный шарик. Сначала был ярким и веселым, но постепенно начинаешь выглядеть так, как-будто из тебя выходит воздух.

Ян немного помолчал, и пытаясь обратить все в шутку, сказал:

– Мне не нравится Луна.

София фыркнула.

– Никому не нравится. Мы здесь не за этим.

Ян посмотрел на нее, и от веселого тона не осталось и следа.

– Я летел за этим. Сидеть в ВР я мог бы и на Земле.

Девушка улыбнулась:

– Но там бы не было меня.

– Да, и только поэтому я еще не прокрался в трюм первого же корабля, который идет на Землю.

На этот раз пауза затянулась надолго.

– Говорят, дом там, где твое сердце. Мое сердце с тобой. Но не на Луне.

– К чему ты клонишь? – Спросила София.

– Взгляни, – Ян обвел рукой комнату.

София послушно осмотрелась вокруг. Руководство старалось поощрять пары, считая, что это благоприятно сказыва-

ется на настроении персонала. Их каюта была немного больше стандартной, но мало отличалась убранством от прочих. Унифицированная кровать и мебель, голые стены и крошечный санузел вряд ли могли вызвать какие-либо чувства кроме отвращения. Единственное, что создавало хоть какую-то видимость уюта – засохший букет на столе.

Ян случайно узнал в службе снабжения, что, каким-то чудом, там оказались семена хризантем. И сумел выменять их на спирт, который, несмотря на официальный запрет, являлся чем-то вроде подпольной валюты.

Вторым чудом было что ему их удалось как-то вырастить. София была счастлива, когда он подарил ей букет, но Яну казалось, что она недовольна, что кладовщики смогли что-то от нее скрыть, пусть даже такую мелочь.

– Это все неправильно. Мы должны стремиться в космос, а вместо этого сидим здесь, лишь издали любуясь на звезды.

Он повернулся к панели и включил имитацию окон. София подошла сзади, обняла его за талию, и они стояли молча смотря на звезды.

– Это только проекция. Они даже не настоящие, – с горечью сказал он.

– Настоящие. И, благодаря твоей работе, мы, когда-нибудь достигнем их.

Ян рассмеялся.

– Это вряд ли. Исследования межзвездных полетов дело не прибыльное.

Уловив перемену в настроении Яна, София улыбнулась.

– Ну, может быть, тогда инопланетяне к нам прилетят?

– Ну, для этого они должны, как минимум, существовать.

София отстранилась, и с удивлением посмотрела на своего великана.

– Ты не веришь, что среди этого бесчисленного количества звезд, есть другие цивилизации?

Прежде чем ответить, Ян взвесил каждое слово.

– Иногда я задумываюсь об этом. И мне становится страшно, что мы можем оказаться одни.

Девушка хотела ответить шуткой, но, на секунду задумавшись, поежилась.

– Знаешь, теперь, когда ты об этом сказал, мне тоже стало не по себе.

Ян кивнул.

– Вдруг, мы единственная попытка Вселенной? Единственные, кто может узнать ее тайны, единственные, кто может наполнить ее жизнью?

София стала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Когда ты так говоришь, мне хочется щелкнуть тебя по носу, чтобы сбить этот пафос.

Сначала он поцеловал ее волосы, а потом, улыбнувшись, спросил:

– То есть, ты считаешь, что мы не одиноки, потому, что это слишком пафосно?

– Нет. Скорее потому, что звезд слишком много. Не может

быть, чтобы только наша была уникальна.

– Жаль, что мы этого никогда не узнаем. Слишком много звезд, слишком большие расстояния.

– Может быть, когда-нибудь, мы сможем очень громко крикнуть: «Эй! Есть там кто? Отзовитесь!».

Ян рассмеялся. Он достал из кармана кольцо, контрабанда которого стоила едва ли не дороже самого украшения, стал на одно колено, и сказал:

– Прямо сейчас у меня есть гораздо более важный вопрос.

С вершины горы Утлиберг открывался сказочный вид. Раскинувшийся вдалеке Цюрих светился огнями, и выглядел так, как и положено современному мегаполису. Аш любил старые фильмы, и подсознательно ожидал увидеть небольшой городок с невысокими кирпичными зданиями, зажатый между гор, и усыпанный снегом.

Отец рассказывал, что первая зима в Нью-Йорке едва не вынудила вернуться на родину – так сильно его пугал холод. Конечно, он знал, что здесь бывает снег, но был совершенно сбит с толку, когда, проснувшись однажды утром, увидел улицу, заметенную сугробами. До конца жизни, это оставалось его самым сильным впечатлением. Отец часто рассказывал эту историю, и делал это настолько красочно, что Аш хотел, во чтобы это ни стало, увидеть снег своими глазами. Но Нью-Йоркские зимы становились все теплее, лишь изредка раздражая дождями. А во Флориде, куда он уехал на учебу, «зимой» называли время года, когда на пикник ездят в кроссовках, а не шлепанцах.

Тем не менее, ему нравился Орlando, и когда, по окончании учебы, ему предложили работу в недавно созданной лаборатории гравитации при университете, Аш, не раздумывая, согласился.

И вот сейчас, почти двадцать лет спустя, с бокалом в руке,

он стоит и смотрит на далекие заснеженные вершины Альп.

– Профессор Вармер? – раздалось за спиной.

Аш повернулся, и встретился взглядом с улыбающимся толстячком. Он искренне улыбнулся в ответ, протягивая руку для приветствия.

– Доктор Уитли! Рад вас видеть. Как добрались? – Аш помнил, что Оскар Уитли совершенно не переносит авиаперелеты.

– Чудесно, просто чудесно, если бы не этот постоянный контроль безопасности.

Аш кивнул, непроизвольно бросив взгляд в сторону входа. Несмотря на грамотную организацию пропускных пунктов, ему пришлось простоять более сорока минут, прежде чем попасть в здание. А бедному Оскару, на пути из Манчестера, пришлось повторить эту процедуру, как минимум, два раза: на входе и на выходе с вокзала. И то, если ему повезло добираться без пересадок.

– Совершенно не понимаю, чего они опасаются. Неужели я так похож на неблагонадежного элемента?

Розовощекий Уитли, больше всего походил на Санта Клауса, сбрившего бороду, и сама мысль, что он может вынашивать разрушительные планы, не могла не вызвать улыбку.

– С вас, дорогой Оскар, спрос, как раз, вдвойне: вы же ученый, а значит можете пронести с собой, как минимум, атомную бомбу.

Доктор отмахнулся пухленькой ручкой настолько забав-

ным жестом, что вызвал улыбки у всех, кто это видел.

— Куда мне, простому звездочету. Это, Аш, скорее, по вашей части.

Аш, не скрываясь, рассмеялся. Он вспомнил, как Оскар, рыча на нерадивых техников словно разъяренный тигр, собирал фильтр для подавления шумов. Четкие, уверенные движения рук, безошибочно выбирающие из беспорядка на столе нужную деталь, включенные остатки шевелюры и пылающие глаза как нельзя лучше складывались в образ безумного профессора, создающего адскую машину.

Аш уважал Уитли, за то, что тот всегда старался разобраться в вопросе, прежде чем высказать собственное мнение.

Среди астрономов упоминание гравитационного телескопа считалось дурным тоном, он оставался объектом для насмешек и не более чем бесполезной игрушкой. Считалось, что уважающий себя ученый не подойдет и на милоу к этому устройству. Оскар же, прежде чем признать, что он, действительно, не очень подходит для наблюдения за массивными объектами, провел почти два месяца в лаборатории Вармера. После чего, он сказал Ашу, что не видит разницы между телескопом и гравидетектором почти полувековой давности. Но, признал, что если телескоп не подходит для астрономических наблюдений, то это не значит, что больше он ни на что не годится.

— Не прибедряйтесь, Аш. Я слежу за вашими публикаци-

ями, и, честно говоря, эти статьи мне частенько напоминают старый добрый детектив. Когда кажется что развязка уже близко, появляются новые факты, которые придают истории совершенно новый окрас.

Профессор рассмеялся.

– Вам следовало бы стать врачом. Из ваших рук даже самая горькая пилюля казалась бы шоколадной конфетой.

Оскар, казалось, обиделся.

– Вы же знаете, Аш, что я всегда стараюсь говорить правду. И если бы я считал, что ваши исследования бесперспективны, то я бы вам об этом обязательно сказал.

Профессор Вармер поднял руки в примирительном жесте. Что правда, то правда. Уитли считал, что если человек дурак, то ему нужно об этом сказать. Тем не менее, он не упустил возможности пустить шпильку.

– Возможно, если бы вы более внимательно ознакомились с работами Свенсона, он бы не рискнул делать такое громкое заявление.

Уитли хмыкнул.

– Ваши предубеждения мешают трезво взглянуть в лицо фактам. Не скажу, что Свенсон всегда прав, не скажу даже, что он лучший из астрофизиков, но многие его выводы, как минимум, интересны.

Вармер покачал головой.

– Убеждать он умеет, не спорю. Но опираться на недоказанные теории...

Оскар непонимающе посмотрел на Аша, и вдруг заразительно, по-детски, расхохотался.

– Так вот в чем дело! Вас раздражает, что он охотится в ваших угодьях!

– Шум Хогана, – горячо начал Вармер, – это даже не наука, это чистой воды профанация, сказка, которую рассказывают детям на ночь.

Он хотел еще что-то добавить, но глядя на лучащееся улыбкой лицо Оскара, тоже улыбнулся.

– Хотя, вынужден признать, иногда его идеи бывают интересными.

– А что такое «Шум Хогана»? – раздался у него за спиной женский голос.

Раздраженный столь бесцеремонным вмешательством в их беседу, профессор Вармер, сначала ответил, и лишь затем обернулся.

– Единорог гравитационной теории, только в плохом смысле.

И тут же пожалел о своем резком тоне. Прямо перед ним, в темно синем вечернем платье, более уместном на званом ужине, стояла темноволосая девушка. Ее огромные глаза мгновенно покорили Аша.

– Профессор Вармер, познакомьтесь, – Уитли попытался сгладить неловкую паузу, – Абигэйл Форрестер, журналист Би-Би-Си.

Аш попытался подобрать подходящие слова, но Абигейл первой протянула руку, и сказала:

– Приятно познакомиться, профессор.

Аш осторожно сжал ладонь, и ответил:

– Аналогично.

Журналистка улыбнулась.

– А можно немного подробнее о единороге?

После секундной паузы, Аш попытался объяснить:

– Это спорная теория, которая предполагает некую зернистость...

– Как будто скрип песчинок, которые трутся друг о друга, только из этих песчинок состоит наша Вселенная, – не дал ему закончить Оскар, и с улыбкой добавил, – извините, что перебил вас, профессор.

Аш кивнул.

– Но эта теория так и не была доказана, а Свенсон не стесняется использовать ее в своих выкладках.

Уитли неодобрительно покачал головой.

– Вы упускаете, дорогой Аш, что он приводит работы Хогана как иллюстрацию, ссылаясь лишь на подтвержденные результаты. Его кластерная теория, несмотря на то, что пока подтверждена лишь теоретически...

– Вот именно! Это просто теория, неподтвержденная экспериментальными данными...

– Но уравнения хорошо согласуются с известными фактами, заполняя пробелы...

Аш снова хотел перебить Оскара, но тяжелый вздох Абигейл, отбил у него всякое желание спорить.

– А как вы думаете, – обратилась она к Уитли. – О чем именно хочет сообщить Свенсон?

Пока Оскар высказывал свои предложения, Аш старался незаметно рассмотреть Абигейл. Лишь немного ниже него, с точенными чертами лица, и, как он успел заметить, с замечательной улыбкой. Ему вдруг стало интересно, как бы смотрелась его смуглая рука на ее белоснежной коже.

Он почти не слушал Оскара, выхватывая лишь отдельные слова.

– Больше всего, это похоже на куски льда, вмерзшие друг в друга. Все они разной формы, разного размера, но, по крайней мере, это позволяет отследить четкие границы, создать карту структуры пространства.

Конференц зал заполнялся людьми, и к окну, возле которого они разговаривали, все чаще подходили любопытствующие, чтобы бросить взгляд на открывающийся вид.

– Профессор Вармер?

Аш не сразу понял, что Абигейл обращается к нему.

– Да?

– Доктор Уитли объяснил мне, разумеется, в общих чертах, кластерную теорию, но говорит, что вы в корне с ней не согласны. Могу я узнать почему?

Аш задумался.

– Не то, чтобы я был против самой теории. Как я уже го-

ворил, мне не нравится что из нее делают выводы, не имеющих под собой достаточных оснований.

В глазах Абигейл загорелись озорные искорки.

– А вы не думали о том, чтобы опровергнуть теорию?

Аш сдержанно улыбнулся.

– Мои интересы лежат несколько в другой сфере. Я работаю над совершенно новым способом коммуникации, основанном на использовании гравитационных волн.

– Вы говорите о гравирадио, построенном почти три года назад на Луне? – с невинным видом уточнила журналистка.

Улыбка физика стала несколько натянутой.

– Экспериментальный приемник. Да. Он часть моей работы.

– Насколько мне известно, он пока не работает?

Аш смотрел на Абигейл, и не понимал, как, еще несколько минут назад мог испытывать к ней симпатию.

– Держу пари, доктор Уитли, вы приехали только для того, чтобы послушать мое выступление.

Подойдя к ним, Свенсон коротко кивнул Вармеру, и снова обратился к Оскару.

– Рад вас видеть, дружище. Не представите меня мисс Форрестер?

Аш никогда бы не подумал, что ему будет приятна компания Свенсона, но сейчас был рад, что Абигейл переключила внимание на астрофизика.

Свенсон поцеловал ей руку, и, словно спохватившись, из-

винился:

– О, надеюсь я не помешал вашей беседе?

– Ну что вы, – Аш натянуто улыбнулся, и кивнул в сторону шведского стола. – Я так счастлив вас видеть, что пойду поем от счастья.

– Ну и чудненько, – казалось, Свенсон тут же забыл о его существовании.

Он взял Абигейл под руку, и увлек ее в сторону.

Аш развернулся, и пошел к столу с закусками.

– Бурбон, – бросил он официанту.

– И мне, пожалуйста, – присоединился подошедший Оскар.

Аш взял стакан, и, не сумев справиться с раздражением, спросил:

– А вы почему не пошли со светилом?

Оскар рассмеялся.

– Нет уж, увольте. Одно дело его статьи, и совершенно другое он сам. Не хотел бы я оказаться на месте Абигейл.

То и дело им на глаза попадался Свенсон, общающийся то с одной, то другой группой, и цепко держащий под руку журналистку.

Конференция прошла как-то скомкано. Казалось, каждый докладчик хочет как можно быстрее завершить свое выступление, словно стесняясь незначительности своей темы.

Ашу был интересен доклад представителя ЦЕРНа, но тот, повинуясь общей тенденции, сократил до минимума свою

речь, и так быстро перелистывал слайды, что решительно невозможно было что-либо понять.

Наконец, на трибуну поднялся Свенсон. В отличии от прочих, он никуда не спешил, и, прежде чем начать, неспешно налил в стакан воды, и так же неспешно, как будто это была самая вкусная вода в его жизни, выпил.

– Безусловно, вы все знакомы с моей кластерной теорией, но позвольте ее вам вкратце напомнить.

Это «вкратце» растянулось почти на полчаса, и настолько изобиловало ненужными объяснениями и цитатами, что Аш чуть не уснул.

Видимо, Свенсон и сам почувствовал, что теряет внимание аудитории, и поспешно перешел к результатам расчетов. В какой-то момент, Вармер поймал себя на том, что с интересом следит за уравнениями, и вынужден был признать, что они не лишены некоторого изящества.

В конце речи он даже затаил дыхание, поняв, к чему ведут результаты расчетов. Магию разрушил сам Свенсон. Со снисходительной улыбкой, он заявил:

– Как вы видите, в рамках кластерной теории, мы можем сделать оценку конечной массы и протяженности нашей Вселенной, и однозначно можем заявить, что она конечна и замкнута.

Раздались бурные овации, и даже Аш, забыв о своей неприязни и к самой теории, и к Свенсону, задумался об эквивалентности инерциальных систем в такой Вселенной.

Если бы он на этом и закончил, то назавтра же все газеты вышли бы с заголовками, объявляющими его новым Эйнштейном. Но, не в силах расстаться со вниманием восторженных зрителей, Свенсон продолжал стоять на трибуне. И когда аплодисменты стихли, продолжил:

— Разумеется, моя теория опережает современную науку на десятилетия. Остальным направлениям придется приложить серьезные усилия, чтобы если и не стать вровень, то, хотя бы, научиться ее понимать.

Он открыл рот, чтобы поддержать смех зала над своей шуткой, но ответом ему было гробовое молчание.

Зал был полон настоящих ученых, которые, после последней фразы, словно опустились с небес на землю. За красивыми словами и напором, с которым Свенсон подавал свои выводы, они, словно под гипнозом, забыли, что всякая теория должна быть подтверждена экспериментом. Несмотря на всю стройность и кажущуюся убедительность, это были всего лишь уравнения, умозрительные заключения, возможно, гениальные, но не обязательно соответствующие действительности.

Со сцены Свенсон спускался низко опустив голову. Кажется, он еще не понимал, что именно произошло, но подсознательно ждал свиста и улюлюканья.

Он быстро покинул зал.

Некоторое время никто не шевелился, словно давая Свенсону с достоинством удалиться.

Наконец, делегаты стали расходиться. Не было свойственного таким мероприятиям гомона голосов, обсуждавших доклады, люди не оставались пропустить стаканчик после бурных дебатов. Гости чувствовали себя обманутыми. Сенсация, с таким пафосом, заявленная гвоздем программы, не оправдала их ожиданий, оттянув на себя внимание от более интересных тем.

Аш подумал, что, наверное, было бы лучше сразу поехать в горы.

Он огляделся по сторонам, надеясь найти Абигейл. Он хотел попрощаться, и показать ей, что не держит зла. В конце концов, она просто делала свою работу.

Не найдя ее в зале, Аш выбросил Абигейл из головы.

К вечеру он заселился в номер, так и не сумев ничего рассмотреть в темноте. Тем приятнее было следующим утром, попивая грог на крытой террасе, любоваться белоснежными склонами.

– Вот уж не думала, что вы тоже любите лыжи, – раздался знакомый голос.

Аш обернулся, и непроизвольно улыбнулся, увидев Абигейл в лыжном костюме.

– Это потому, что я родом из Индии?

Девушка улыбнулась в ответ. Не спрашивая разрешения, она села напротив.

– Я хотела бы извиниться. Мне правда было интересно поговорить с вами, но...

Аш беспечно махнул рукой.

– У вас не было ни единого шанса. Свенсон вцепился в вас как аллигатор.

Абигейл кивнула.

– И это тоже. Моей последней работой был цикл передач о молодежной субкультуре, и, боюсь, у меня осталась некоторая резкость, после общения с ее представителями.

Чтобы не смущать журналистку, Аш решил сменить тему.

– И как вам смена окружения? Понравилось освещать конференцию?

Абигейл тяжело вздохнула.

– Боюсь, стоящего материала не получится. Я рассчитывала рассказать о сенсационном открытии, но кому какое дело до Вселенной?

Аш почувствовал, как в нем просыпается обида.

– Именно благодаря таким исследованиям, наука и продвигается вперед. Когда-то и электричество считалось не более чем забавной диковинкой, не имеющей практического значения, служащей лишь для забавы в лабораториях. Тем комфортом, что мы имеем сейчас, мы обязаны ученым, которые делали такие вот бесполезные открытия.

Абигейл рассмеялась.

– Я думала, вам не нравится Свенсон.

– Мне не нравится бездоказательность его теории.

Девушка на секунду задумалась.

– Хорошо. Почему тогда он не докажет свою теорию?

Теперь рассмеялся Аш.

– Порой, на постановку эксперимента уходят годы, а то и десятилетия. Многие гениальные догадки были подтверждены уже после смерти людей, их выдвинувших.

– Но если это важно, должен же быть какой-то способ проверить?

Аш пожал плечами.

– На данном этапе развития, мы не сможем извлечь пользу из этих знаний. Пройдет еще не одна сотня лет, прежде чем нам станет критично знать замкнута Вселенная или нет.

Абигейл прищурилась, и с легкой улыбкой спросила:

– А не вы ли только что говорили, что не бывает бесполезных открытий?

Профессор усмехнулся.

– Сверхпроводники, элементарные частицы, гравитационная физика – вот на чем сосредоточена современная наука. Астрономия никогда не была в приоритете.

– И все же, – настаивала Абигейл, – ведь можно же как-то проверить прав Свенсон или нет?

Аш на минуту задумался, потом достал из кармана ручку, и расстелил на столе салфетку. Нарисовав окружность, примерно в ее середине он поставил точку и подписал: «Земля».

– А круг это, видимо, границы Вселенной? – догадалась Абигейл.

Аш кивнул.

– В теории, мы могли бы построить устройство, которое

вызовет гравитационное возмущение пространства, как бы, одновременно в каждой точке Вселенной.

Он добавил к рисунку волнистую линию, тянущуюся от Земли к краю Вселенной.

– И, если Свенсон прав, и мы находимся словно внутри сферы, то получим отражение на внутренней границе.

Он продолжил волнистую линию вдоль окружности.

– Похоже на волну, – сказала журналистка.

Аш рассеяно кивнул.

– Если он прав в этом, значит верна и кластерная теория. Она предполагает, что кластеры пространства смещены друг относительно друга в более высоких измерениях, а значит, будет происходить преломление сигнала.

Он нарисовал рядом окружность, потом перечеркнул ее, и нарисовал что-то, больше всего похожее на цветок ромашки.

– Их взаимное расположение подчиняется четким законам, а это значит...

Он начал линию от центра, и, каждый раз, когда она наткалась на границу лепестка, Аш слегка менял направление. И описав полный круг, она вернулась к центру.

– Это значит, что любой сигнал, рано или поздно, возвращается в точку, откуда был послан.

Абигейл пыталась переварить услышанное.

– То есть, волна отразится от стенки...

– Нет, – перебил ее Аш. – Искажение возникнет одновре-

менно в каждой точке, и мы сможем зафиксировать его отражение.

– Так почему бы не попробовать?

Аш развел руками.

– Здесь есть два нюанса. Для эксперимента понадобится огромное количество энергии. Вряд ли, правительства пойдут на то, чтобы отключить от энергоснабжения мегаполисы.

Подумав, Абигейл согласно кивнула.

– Вы сказали, есть два нюанса.

Вармер достал коммуникатор и запустил программу.

– Не смотря на то, что гравитация является свойством пространства, и, с точки зрения Ньютона, распространяется мгновенно, – сказал он, не отрываясь от расчетов, – при прохождении границы кластера будет возникать задержка во времени: сигнал будет словно исчезать за пределами трехмерного пространства, а потом снова появляться в нашем континууме.

Он углубился в расчеты, а Абигейл наблюдала за его длинными пальцами, и думала, что не зря послушалась Оскара, когда тот посоветовал именно этот отель, узнав, что она собирается покататься на лыжах.

Девушка вздрогнула когда Аш сказал:

– По приблизительным расчетам получается около ста сорока лет.

Профессор Вармер совершенно забыл, что приехал сюда любоваться снегом.

– Переключи на Нобеля – попросил Ричард.

Бармен окинул взглядом почти полностью заполненное заведение, и равнодушно ткнул кнопку на пульте. Гиру, крупному парню со сломанным ухом, было плевать на посетителей, но эти двое постоянных клиентов вызывали в нем некоторое уважение, подкрепляя его каждый раз щедрыми чаевыми.

– Между прочим, это финал лиги, – пробурчал сидящий рядом Клаус.

Ричард не оборачиваясь, ткнул пальцем за спину.

– Думаешь кому-нибудь из этих животных есть дело до футбола? Их интересует только то дерьмо, которое каждые два часа привозит поезд.

Клаус бросил взгляд назад, и пришел к выводу, что Ном имел ввиду не людей, а именно то, что везут пассажиры.

Зал был заполнен разношерстной компанией, но особенно бросались в глаза арабы и азиаты. Наверное потому, что казались неуместными на Аляске, так же, как и сам город на маршруте. Москва, Нью-Йорк, Лондон и Ном. Четыре узловые станции вакуумного монорельса, из которых путешественники разъезжаются по всему миру.

Клаус постоянно порывался спросить Ричарда, случайно ли так получилось, что экспериментальная площадка нахо-

дится в городе, название которого звучит так же, как и его фамилия. Но, подозревая, что это всего лишь банальное совпадение, предпочитал не знать ответа и строить домыслы, скорее всего, не имеющие ничего общего с действительностью.

Когда выяснилось, что газовый пузырь неподалеку от Фэрбанка, залегает на меньшей глубине, чем показала предварительная разведка, власти Номы, в котором не насчитывалось и десяти тысяч жителей, сделали все, чтобы станцию построили именно здесь.

Почти полное освобождение от налогов и привлечение дешевой рабочей силы помогли добиться желаемого. Но по окончании строительства, город по уши увяз в кредитах. Мэр ожидал помощи от инвесторов, но те, привлеченные небывало выгодными экономическими условиями, не спешили идти навстречу, шантажируя полным закрытием бизнеса, при изменении финансовых обязательств.

Город пошел ва-банк, и объявил себя зоной свободной для предпринимательства, предпочитая не замечать, что бюджет, по большей части, наполняется за счёт проституции и тирекса.

Конечно, в Номе, как и по всему миру, блистер из семи разноцветных таблеток, официально был объявлен вне закона, но это не мешало любому желающему, даже не знающему ни одного из международных языков, купить желаемое. Достаточно было знать название. Или даже просто, поджав

руки к груди, издавая рыки, покрутить головой, изображая динозавра.

Новый наркотик не зря получил такое название. Описать его можно было одним словом: мощный. Он стал настолько популярным, что вызвал отток игроков из виртуальной реальности, а каждая таблетка получила свое имя: красная – «поцелуй», желтая – «солнце», зеленая – «тоска» и так далее. Разумеется, больше всего названий, было у черной, которую нужно было принять, чтобы наркотик начал действовать. «Базовая», «ключ», «яд», «телепорт», названий было великое множество, как и вариантов воздействия на психику. Все зависело от комбинации и времени между приемами таблеток разных цветов, и от того, чем запивать. Вода, сладкий чай, алкоголь – каждый по-своему, мог в корне изменить действие «радуги».

Как ни странно, сам препарат был относительно безвреден, чего нельзя было сказать о людях, под его воздействием.

Все больше энтузиастов искали новые комбинации, публикуя схемы употребления. Некоторые даже шутили, что пора вводить эту дисциплину в олимпийскую программу, и даже дав одной из комбинаций название «Олимпиада».

И именно это и вызывало опасения. Как выяснил один из адептов нового наркотика, если разбавить радугу «Хулиган» тыквенным соком, то бесшабашное бесстрашие сменяется такой глубокой безмятежностью, что больше чем у половины людей, воспользовавшихся рецептом, останавлива-

лось дыхание.

Но это не остановило поиски комбинаций, а, наоборот, подстегнуло их, добавив пикантности: теперь каждая новая радуга встречалась с ещё большим восторгом, а на автора сыпались комплименты о его смелости и самоотверженности.

К счастью, изготовление препарата, представляло некоторые сложности, предполагая кое-какие знания и наличие, пусть и не очень сложного, но специфического оборудования. К тому же, он состоял из девятнадцати компонентов, большая часть из которых могла быть синтезирована только в лабораториях семи крупнейших корпораций. Подвох был в том, что все эти лаборатории работали на нужды фармакологической промышленности. Все попытки запретить производство лекарств, включающих в себя вещества, необходимые для тирекса, натыкались на ответные жесткие иски о недобросовестной конкуренции. Максимум, чего удалось добиться, это запрещения одновременного распространения в каждом из жестко разграниченных регионов более 30% препаратов из «списка тирекс».

Ном тоже входил в один из таких регионов, но, в отличие от других городов, в нем не было уголовной ответственности, за хранение запрещенных препаратов. Поэтому, пассажиров на контрольном пункте не спрашивали, зачем им, например, шестьдесят упаковок ребетадина. Может быть, он везет их по просьбе родственников, страдающих болями в суставах.

Клаус снова посмотрел на «родственников». Половина тряслась в ожидании дозы, но не решалась проглотить таблетки, пока не встретят прибывших путешественников. Парадоксально, но в городе практически отсутствовала преступность, и каждый турист знал, что может заработать легких денег, ничем не рискуя. Ном стал городом, где словно конструктор, собирался тирекс из частей, свозимых из разных концов мира.

– Вообще-то, я смотрел, – проворчал Клаус.

Ричард рассмеялся.

– То, что ты немец не делает тебя страстным болельщиком. Спорю, что ты даже не знаешь, сколько в команде защитников.

– Левый, правый, полулевый, полуправый, – наобум ответил Клаус

Ричард снова рассмеялся.

– Полуцелые игроки? Узнаю профессиональную деформацию.

Немец, не уверенный, что верно назвал позиции, но не желающий это признать, спросил:

– И как же, по-твоему, они правильно называются?

Ричард пожал плечами.

– Понятия не имею. Именно поэтому, я и попросил переключить на трансляцию Нобелевской премии. Уж в этом то мы, друг мой, худо-бедно разбираемся.

Клаус скривился.

– Ты же сам говорил, что она давно уже превратилась в шоу, где важнее рейтинги, чем реальные достижения.

– Именно, – согласился Ричард. – И с нетерпением жду, когда введут онлайн голосование, чтобы каждый желающий мог высказать свое мнение, за что вручать награду: за описание физической модели темной материи или изобретение тостера, который сам будет нарезать хлеб.

Ричард с такой силой опустил стакан на стойку, что Клаус подумал, что не выдержит либо стекло, либо дерево

«Что будет, если всеразрушающее ядро врежется в неразрушимую стену?» – вспомнил он детскую загадку.

– Ядро разрушит себя, – сказал Ричард, и Клаус понял, что как это часто случается, когда он задумывается, последнюю фразу пробормотал вслух.

На экране, на несколько секунд, появился Кирк Вармер. Излучая голливудскую улыбку, он делал вид, что увлеченно слушает седовласого японца.

– Как будто он хоть слово понимает из того, что говорит ему Саито! – Ричард одним глотком опустошил стакан, и сделал знак бармену повторить.

– Ну почему же? Мистер Саито-сан очень неплохо говорит по-английски – немец, казалось, выплеснул весь сарказм, отпущенный ему природой.

– Вот, Клаус, – словно не услышав последней фразы, Ричард ткнул пальцем в направлении телевизора, где снова появился Кирк. – Именно это лицо современной науки.

Клаус поднял свой стакан, с легким звоном коснулся стакана друга, который тот сжимал в руке, словно стараясь раздавить, и сказал:

– Пока есть такие как ты, старый хоппи, для физики еще не все потеряно.

Ричард, по своему обыкновению, хотел было едко ответить, но, было видно, что похвала ему приятна, и на лице появилась улыбка.

– За хоппи, – поддержал он тост.

Они соприкоснулись стаканами, и выпили.

– В конце концов, не тебя ли «Лайф» назвал человеком науки этого года?

Ричард скривился

– Долго ты еще будешь меня донимать этими «гравитационными турбинами»?

– Турбинами на гравитационных подшипниках, – настаивательно подняв палец, поправил Клаус.

Ричард тяжело вздохнул, а Клаус рассмеялся.

– Ну, по крайней мере, суть твоей работы они не переврали.

– Ну да. И я этим удивлен не менее твоего. Как это Кирк донес хотя бы часть правды?

Клаус ненадолго задумался, произвольно барабанил пальцами по стойке, и осторожно сказал.

– По-моему, ты несправедлив к нему, – он жестом остановил Ричарда, готового снова бросить какую-нибудь кол-

кость. — Все-таки, именно его центр финансирует перспективные разработки. В том числе, и твои турбины.

Ричард фыркнул.

— Его интересует только то, что можно продать репортажам. Да и кто бы его слушал, не будь Аш Вармер его отцом.

Кlaus кивнул.

— Он не ученый, с этим я согласен. Но, будем откровенны, для того, чтобы ты и я могли делать свою работу, нужны такие как Кирк. Нужны администраторы.

— Денежные мешки ты хотел сказать, — проворчал Ричард.

— Не совсем, — Klaus покачал головой. — Сколько времени тебе понадобилось, чтобы запустить опытный образец?

— Четыре года, — неохотно ответил Ричард.

— А сколько до этого ты пытался заинтересовать «денежных мешков» своим проектом? Молчишь? А я помню, как ты два месяца искал деньги на генератор, чтобы продолжить эксперимент.

— Насос высокого вакуума, — поправил его Ричард.

— Неважно, — отмахнулся Klaus. — Зато теперь, ты можешь не только спокойно работать, но и чуть ли не каждые выходные, покидать свой мрачный Лондон и ездить в солнечный Ном.

Ричард выглянул в окно, словно ожидая увидеть море и песчаные пляжи. Но чуда не произошло: на улице все так же сверкал снег.

Зал потихоньку стал заполняться пассажирами с прибыв-

шего поезда, и то тут, то там шла оживленная торговля.

В дверь вошел новый человек, и заметив, брошенный на него невзначай взгляд, направился к стойке.

– Хей! Налей три текилы! – крикнул он бармену, и для верности показал три пальца.

Гир кивнул, поставил перед незнакомцем три стопки, и наполнил их. Парень небрежным жестом подвинул две текилы завсегдатаям, поднял свою, и произнес:

– За знакомство! – ловко опрокинув стопку, он потянулся за лимоном.

– Боже храни королеву! – улыбнулся Клаус, и проигнорировав недовольный взгляд Ричарда, не менее ловко оприходовал свою.

Видимо, решив, что необходимый ритуал выполнен, незнакомец развалился на стуле, и, так же небрежно, как до этого выпивку, бросил на стол упаковку веретида.

– У меня с собой еще триста, точнее, двести девяносто девять таких пачек, – сообщил он с довольной улыбкой.

Ричард уставился на него с явно читающимся ужасом в глазах.

– Надеюсь, вы сдавали его в багаж? – он ткнул пальцем в рюкзак за спиной парня.

Незнакомец смотрел на него с непониманием.

– Разумеется нет.

– Судя по выговору, вы из штатов?

– Ну да. Сел на поезд в Нью-Йорке.

– И все это время, препараты были при вас?

– Конечно, – ответил незнакомец, не понимая, к чему клонит собеседник.

– Триста упаковок, – покачал головой Ричард. – Мне вас искренне жаль.

– Да в чем дело? – запаниковал американец.

– Триста упаковок, – Ричард обхватил голову руками. – От самого Нью-Йорка.

– Да что случилось-то? – незнакомец сорвался на крик.

– Дело в том, – сочувственным голосом продолжил Ричард – Что упаковка не герметична. Обычно, это неважно, но триста штук... Видите ли, действующее вещество этого препарата весьма эффективно, а одним из побочных последствий его приема, является импотенция.

Незадачливый продавец побледнел, глаза его расширились так, что казалось, прямо сейчас перед ними проносится вся жизнь.

Клаус не выдержал, и расхохотался.

– Да ну вас к черту! – со злостью бросил незнакомец, и схватив упаковку, направился в зал. – Найду других покупателей.

– Спасибо за выпивку! – бросил ему вслед Клаус, и потянулся за текилой, к которой Ричард так и не прикоснулся.

– Знаешь, он чем-то похож на Кирка, – сказал Ричард, глядя в спину незнакомца – Так же ищет где заработать лишний цент, не особо задумываясь о законности сделки.

– Ага. И это именно те деньги, которые ты тратишь на турбину в лаборатории, и на выпивку в Номе.

– Я не об этом, – отмахнулся Ричард. – Помнишь, когда началась вторая космическая гонка, казалось, что вот, наконец-то, ресурсы пойдут в нужное русло, и мы двинемся вперед с небывалой скоростью.

Ричард перевернул ладонь, и согнув два пальца, вызвал голографическое изображение со вживленного коммуникатора.

– Еще больше цветов, выше четкость, и полуживая лунная база. А мы так и продолжаем выпрашивать деньги на фундаментальные исследования.

Клаус пожал плечами.

– Хоппи не ходят на баррикады. Нельзя мгновенно поменять сознание, заставив людей отказаться от привычного комфорта, предложив взамен великую цель. Да просто представь, что тебе урезали финансирование, например, чтобы основать колонию на Марсе, как бы ты отреагировал?

– Это разные вещи, – насупился Ричард.

Клаус поставил стакан, и в упор посмотрел на друга.

– Ты понял о чем я.

Ричард отвел взгляд, и кивнул на экран.

– Давай послушаем, что он скажет.

Широко улыбаясь, на сцену концертного зала в Стокгольме поднимался Кирк Вармер.

Представитель фонда протянул руку для приветствия, и

пожимая ее, Вармер слегка повернулся на каблуках, увлекая за собой распорядителя, чтобы предстать в более выгодном для камер ракурсе.

– Для нас большая честь вручить вам эту награду.

– Для меня не меньшая честь, оказаться на этой сцене, – ослепительно улыбнувшись, ответил Кирк.

Он стоял под лучами софитов, наслаждаясь взглядами, прикованными к его персоне, и почти не слушал речь с перечислением заслуг. Кирк всматривался в лица, с легкостью читая эмоции. Очень красивая девушка в третьем ряду смотрела на него с восхищением, настолько явным, что ее спутник от беспокойства начал ерзать в кресле. Вармер на секунду задержал на ней взгляд, слегка наклонил волевой подбородок, отчего незнакомка пришла в полнейший восторг, и тут же забыл о ней, продолжая всматриваться в зал.

Замечая интерес, он тут же оценивал финансовый потенциал человека, и если находил его достаточно интересным, делал мысленную пометку пообщаться с ним на предстоящем фуршете. Эта премия была ему как нельзя на руку: кто же откажется поговорить с нобелевским лауреатом?

За время, пока представитель фонда говорил, Кирк успел наметить более дюжины потенциальных инвесторов, и, оценив вероятность успеха примерно в 80 процентов, остался доволен результатом.

– За достижения в области физики в этом году награда вручается Ашу Вармеру, за открытие способа модуляции

гравитационной волны.

Несмотря на то, что Кирк был полностью поглощен своими наблюдениями, его мозг безошибочно среагировал на ключевые слова, и он изящно поклонился публике.

Взяв награду, он снова повернулся к залу, выдержал эффектную паузу, и поблагодарил с искренностью в голосе:

– Я благодарен всем вам, за столь высокую оценку заслуг моего отца перед лицом науки. К сожалению, в связи с тяжелой болезнью, он не смог лично прибыть на церемонию, но в зале присутствует моя мать, жена Аша Вармера, которой вы можете выразить свое уважение.

Он театральным жестом указал на Абигейл Вармер. Жест получился слегка смазанным: Кирку понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить, где сидит мать.

Раздались аплодисменты, и распорядитель, привыкший к краткому заключительному слову, направился к Кирку, чтобы еще раз поблагодарить перед тем, как тот покинет сцену.

Но Вармер не шевелился, терпеливо ожидая пока стихнут овации, а потом продолжил:

– Как вы знаете, я являюсь руководителем фонда инновационных исследований имени Аша Вармера. Имени человека, который является не только моим отцом, но и одним из величайших ученых нашего времени. Наша цель не только дальнейшее развитие идей моего отца, но и, если можно так выразиться, поиск путей их применения на благо всего человечества.

Кирк ожидал аплодисментов после этих слов, но и повисшая тишина его совершенно не смутила. С удовлетворением Кирк отметил, что почти все из намеченных инвесторов продолжают слушать его с интересом.

– Мой отец – великий ученный. И он дал нам в руки могучий инструмент для исследования мира. Аш Вармер потратил долгие годы на разработку своей гравитационной теории, и я не знаю человека более достойного этой награды.

Кирк замолчал на несколько секунд, и, вдруг, резко подавшись вперед, продолжил хорошо поставленным громовым голосом:

– Но неужели у нас не останется фантазии пойти дальше? Модуляция, без сомнения, ключевой эксперимент, открывший нам тайны гравитации. Но я снова спрошу вас: что дальше? Будем ли мы без конца разбирать Вселенную до самого мелкого кирпичика, до самой мелкой шестеренки, узнавать все ее законы, все механизмы, и радоваться новым знаниям? Или же мы сделаем шаг, смелый шаг за горизонт, туда, куда человечество и не надеялось шагнуть, пока Аш Вармер, мой отец, не показал как мы можем это сделать.

Кирк замолчал, на этот раз, наслаждаясь тишиной. И помолчав, тихим голосом добавил:

– Скажите мне, готовы ли вы пойти дальше?

Он тянул паузу дольше, чем это было нужно, почти физически ощущая сконцентрированное на нем внимание. Кирк едва заметно улыбнулся: весь зал с нетерпением ждал про-

должения.

– Как все вы, без сомнения, помните, более тридцати лет назад, в дискуссии с профессором Свенсоном, отец предложил эксперимент, который должен был подтвердить его теорию.

В этот раз, он сделал паузу, просто чтобы насладится нетерпением публики. Наконец, Кирк был в своей стихии, и полностью контролировал ситуацию.

– Суть его весьма проста, что нисколько не умаляет гения моего отца. Если пустить гравитационную волну, то она, словно круги на воде, разойдется во все стороны, и обойдя всю Вселенную, снова вернется к нам.

Кирк отметил, что услышав основную интригу, часть публики потеряла интерес к дальнейшему рассказу. Он мысленно улыбнулся. Искусство удерживать внимание публики уже давно превратилось в науку, и Вармер ее в совершенстве освоил.

– Само по себе это знание бесценно. Но что, если я вам скажу, что мы сможем узнать еще кое-что. Что-то более важное?

Он с некоторым мстительным удовольствием бросил взгляд на заскучавших было зрителей, и продолжил, словно обращаясь именно к ним:

– Что, если я вам скажу, что мы сможем понять замысел Божий?

Вармер любил яркие сравнения, и сейчас, как никогда,

была бы уместна фраза «тишину можно резать ножом». Поразмыслив несколько мгновений, Кирк, с сожалением, решил от нее отказаться, не сумев придумать, как можно было бы вставить ее в речь.

– Ведь что такое, по сути своей, модуляция? Изменение свойств волны, чтобы она могла нести информацию. И я спрошу вас, так ли важно, что мы отправим? И вы мне ответите: нет. Важно, что мы услышим в ответ.

Кирк замолчал, наблюдая за публикой. Как он и ожидал, сначала раздались разрозненные хлопки. Все больше людей подхватывали аплодисменты, и вскоре грохот оваций стал просто оглушающим. Улыбаясь, он поклонился и спустился со сцены, надеясь, что не слишком много людей правильно поняли его мысль, и он сможет лично растолковать ее избранным инвесторам. Кажется, речь получилась настолько удачной, что их не придется долго уговаривать.

И он оказался прав: ни один не сумел отказаться.

Сидя в домашнем кресле, все еще в смокинге, Кирк снова и снова возвращался к сегодняшнему вечеру, снова и снова переживая свой триумф. Он настолько был доволен собой, что хотелось с кем-нибудь поделиться этой радостью.

Кирк отбросил мысль разбудить жену – она никогда не интересовалась наукой. Он вспомнил об отце, и набрал его номер.

– Да? – послышался сонный голос.

– Поздравляю, па. Ты теперь нобелевский лауреат!

– Я слышал. Шесть часов назад. По телевизору.

– Ты видел мою речь? – улыбнулся Кирк.

– Выключил на середине твою телепроповедь. Знаешь ли, разные часовые пояса.

Кирк вздохнул. Старик иногда был просто невыносим. Возраст, что поделаешь.

– Извини, что разбудил, па.

– Ничего. Спокойной ночи. И поздравляю.

– Спасибо, па. Спокойной ночи.

Кирк отключился. Настроение было настолько чудесное, что даже отец не смог его испортить.

Ноги вязли в размокшей глине, труп был тяжелым, а руки то и дело соскальзывали с воротника комбинезона. В очередной раз уронив бочкообразное тело в грязь, Иван выругался, и снова внимательно осмотрел свою ношу. Голова синая и гладкая, ни ушей, ни носа – ничего за что можно было бы ухватиться. Глаза и рот были почти человеческими, и, немного подумав, он отказался от мысли тащить пришельца за верхнюю челюсть.

Костюм тоже был абсолютно гладким, без каких либо карманов или петель. Иван бросил взгляд в сторону, откуда пришел, и с удовлетворением отметил, что к месту крушения ведут отчетливые следы от ног пришельца, волочащихся по земле, и его легко будет найти.

Он вздохнул, подавил желание забросить труп на плечи, и,

снова схватившись за воротник, пятясь спиной вперед, потащил пришельца дальше.

– Брось кореша, и ступай своей дорогой, сталкер, – раздался сзади голос с сильным акцентом.

Иван отпустил труп, разогнул спину, отряхнул руки, и лишь потом обернулся.

Невдалеке на камне сидел мужчина средних лет. На нем была одежда известных брендов, стильная и красивая, но мало подходящая для условий Африки. Больше всего, он походил на денди, случайно оказавшемся в колонии.

– Я думал, это вообще никто не читает, – сказал Иван.

Мужчина поднялся, и направился к Ивану.

– А я думал, что мы уже давно не играем в эти игры, – денди кивнул на труп пришельца.

Иван отстегнул от пояса флягу, сделал несколько глотков, и, словно невзначай, бросил:

– Этот настоящий, Смит.

Джон Смит ошалело уставился на труп, потом перевел взгляд на Ивана, и расхохотался.

– Черт побери! На секунду я почти поверил!

– Вы, американцы, вообще народ доверчивый, – улыбнулся Иван.

Смит скривился.

– Это у вас все засекречено, а нам «розуэлльский инцидент» до сих пор аукается.

– Может поможешь? – Иван кивнул на труп. – Мне еще

два километра его тащить.

Американец махнул рукой.

– Не стоит беспокоиться, товарищ.

Иван вздохнул.

– Ты же в курсе, что это обращение неактуально уже лет сто.

– Ага, – радостно согласился Смит. – Мне это известно, товарищ.

Иван снова вздохнул. Ей-богу как дети.

– Как сам? Барсучий жир пригодился?

– Ты же знаешь, что я не могу разглашать такую информацию, – с серьезным видом сказал Смит.

Порывшись в рюкзаке, он достал коробку сигар, и протянул ее русскому.

– Кубинские. Я слышал, ты получил новое звание.

– Да ты вроде тоже уже далеко не полковник, – проворчал Иван, но было видно, что подарок ему понравился. – Спасибо.

Американец кивнул, принимая благодарность.

– Так значит, ты поведешь туристов? – спросил Иван.

– Ага. Мы тут недалеко заблудились. Пройдут лишних два километра, ничего с ними не случится. Все ж лучше, чем этого тащить.

Смит взялся за комбинезон, приподнял инопланетянина, и удивился:

– Ого! Да в нем фунтов двести! Как ты его вообще тащил?

Иван улыбнулся:

– В армии не спрашивают...

– ...как ты будешь выполнять невыполнимую задачу, – закончил Джон Смит.

Наушники совершенно не спасали от грохота. Брайан со злостью посмотрел на управляющего, сидящего за стеклами полудюймовой толщины, и зло сплюнул. Филипп был всего на два года старше, но чертов везунчик окончил колледж, и теперь ему не придется горбатиться до старости, чтобы заработать мизерную пенсию.

Брайан обхватил двумя руками заготовку, и потащил ее к прессу. Разумнее было бы воспользоваться тележкой, но он не без основания гордился собственной мускулатурой, и не упускал случая продемонстрировать ее.

Бросив болванку возле станка, он спрятался за его корпусом, решив переждать десять минут оставшихся до обеда. За станиной пресса стояла табуретка, принесенная сюда, видимо, таким же рьяным работником. Станина стояла под углом к стенке, образуя закус, невидимый для камеры.

Присев на табуретку, разнорабочий вытянул ноги, давая им отдых.

Не заметив его, к выходу быстрым шагом прошел Филипп. Глядя ему в спину, Брайан с отвращением скривился. Нельзя так выглядеть в 26 лет. Управляющего нельзя было назвать толстым, но он был каким-то бесформенным, с визг-

ливым, как у бабы, голосом. Каждый раз, когда он отчитывал Брайана, тому хотелось сломать ему челюсть. Не из злости, а именно из-за омерзения. Да еще эта его привычка: выбежать пораньше, чтобы занять в буфете место у окна. Кулаки парня произвольно сжались, и он с трудом подавил в себе желание догнать Филиппа, и, схватив за волосы, пару раз приложить головой к двери. Если бы не условный срок, он бы однажды так и сделал, и плевать на эту работу. Но в тюрьму Брайану не хотелось.

Раздался сигнал, и рабочие, отключив оборудование, потянулись радостным ручейком на обед.

Брайан достал свой бокс с едой, и пошел за всеми.

В буфете он взял горячий чай, повертел головой, и не найдя никого из знакомых, сел за свободный столик. Два дня назад его перевели в другую смену, и он здесь никого не знал. Другие рабочие, наслышанные о его крутом нраве, старались держаться подальше.

Сейчас он исподлобья рассматривал обедающих людей, вспоминая, как веселил его за обедом Коротышка Том, тыкая в кого-нибудь пальцем, и отпуская едкие шутки.

Несмотря на то, что Брайан уже успел проголодаться, ел он без особого аппетита.

Напротив него, без приглашения, опустился парень.

– Э, тебя здороваться не учили? – набычился Брайан.

– Ну, привет, – растягивая слова, и, как-то расслабленно улыбаясь, парень протянул руку. – Джек.

Брайан скрестил руки на груди, и, прищурившись, посмотрел на парня.

– Это тебе не лавочка в Гайд-парке, где можно расслажиться бесплатно.

Брайан был рад компании. Ему уже порядком надоело разговаривать самому с собой.

Джек расстегнул карман рабочего комбинезона, и бросил на стол блестящую упаковку таблеток. Сообразив, что лежит перед ним, Брайан мгновенно сгреб блистер, и зажал в руке, исподтишка поглядывая по сторонам, не заметил ли кто, что именно дал ему Джек.

– Рекомендую «Майский день». Черная, синяя, белая, красная. Очень расслабляет.

«Ага, ищи дурака», – подумал Брайан. Лондонская полиция, почему-то решила, что должна очистить город от тирекса, и теперь разноцветные таблетки стоили, как минимум, две сотни. И то, если повезет.

Спрятав подарок, Брайан включил все свое обаяние.

– А еще есть, братишка?

Улыбка Джека стала еще шире, но сам он как-то подобрался, словно готовясь к драке. Брайан, для которого уличные потасовки были столь же привычны, как и умывание по утрам, понял, что парень не так прост, как ему показалось вначале.

– Есть, разумеется. Только ты не путай. Первая – подарок. За остальные, если захочешь, будешь отдавать по полторы

сотни.

Брайан думал. Считай, две сотни у него есть. Отказаться, а вечером, после работы, ломануть Джека? По комплектции, он явно проигрывал Брайану. Или лучше выследить, а потом с друзьями почистить его берлогу?

Джек, видя, что парень задумался, достал нож и начал чистить яблоко. При взгляде на лезвие, Брайан понял, что попробовать отобрать радугу силой не самый лучший вариант.

– Че, вроде нормальная тема, – наконец, решил он.

Джек достал еще три упаковки, и, в этот раз, передал их аккуратно, пряча от чужих глаз.

– Деньги – через два дня, – сказал он поднявшись. – И подумай, Скотт, что выгоднее: кинуть меня один раз, или каждую неделю получать товар на реализацию.

Весь остаток дня Брайан Скотт то и дело проверял карман, в котором почти явственно ощущал шуршики. По полтиннику за три упаковки, да еще двести – итого три с половиной сотни. Неплохо для одного дня.

По окончании смены, добравшись автобусом до своего района, Брайан решил заглянуть в ломбард к Давиду. Это был и так далеко не Сити, а путь к лавке старика лежал еще и мимо свалки. Спотыкаясь в темноте, и уже пожалев о своем решении и испачканных ботинках, Брайан, тихо ругаясь, добрался до неприметного подвала.

– Скотти! – обрадовался хозяин ломбарда. – Давненько тебя не было видно!

– Да к тебе пока дойдешь все ноги переломаешь, – про-
бурчал Брайан.

– Что поделатъ, – развел руками старик. – Недвижимость
дорогая. Нужно довольствоваться тем, что есть.

«Тебе ли на бедность жаловаться» – подумал Брайан. Он
бы не отказался пошарить в подвале ломбарда, да только вот,
по слухам, Давид платил за охрану туркам, а связываться с
ними не хотел никто. Так это или нет, никто точно не знал,
но то что полиция в ломбард никогда не заглядывает, было
главной причиной, почему Скотт пришел именно сюда.

Небрежным жестом, он бросил две упаковки тирекса в
монетницу под решеткой.

– Возьмешь, дед?

Старик удивился, но не стал задавать вопросов.

– По сотне за каждую, – ответил он.

Брайан аж задохнулся от такой наглости, и попытался за-
брать таблетки. Но Давид, с невероятным для его возраста
проворством, сгреб упаковки, и сказал:

– Сто двадцать.

Понимая, что тирекс не вернуть, Скотт ожесточенно тор-
говался. Кое–как выщиганив три с половиной сотни, он за-
брал деньги, и, в очередной раз зарекся ходить к Давиду.

Тем не менее, настроение его заметно улучшилось, и под-
нимаясь по лестнице недостроенного здания, он насвисты-
вал простенькую мелодию.

Брайан отодвинул паллету, закрывающую вход, и шагнул

в комнату.

– Эй, закрывай дверь, не выпускай тепло! – крикнул сидящий спиной Кот.

Брайан подошел к костру, и протянул озябшие руки.

– Тебе холодно, ты и закрывай.

Кот молча поднялся, и поставил паллету на место.

В ярком свете костра Скотт рассмотрел фингал под глазом Коротышки.

– Где это ты так? – спросил он.

– В раздевалке споткнулся, – неохотно ответил Том.

– Два раза? – ткнул он пальцем в ссадину. – Или лоб треснул от того, что думаешь много?

Кот и Диггер засмеялись.

– Слышишь, – обратился к Скотту Том. – Тут Льюис на пару дней уехал, в магазине сын за него. Может наведаемся, потрясем гаденыша?

Двое остальных приятелей делали вид, что заняты своими делами, но их выдавали напряженные позы. Брайан знал, что они ожидают его решения. Зажав между указательным и средним пальцем две купюры, он потряс ими в воздухе, и сказал:

– Не сегодня. Звоните Люку и Зубатому, пусть подходят в «Старого льва».

Барбара сидела с таким кислым выражением лица, что Кирк прикинул, какие встречи можно было бы отменить ра-

ди поездки в Италию. Он любил жену, и с удовольствием бы провел с ней время в Милане, но, как это часто бывает, нашлись дела поважнее. Хотя, если честно, Флорида ему нравилась больше.

Ужин был замечательный, но Барбара почти не притронулась к еде, и говорила лишь когда к ней обращались. Кирк подумал, что жена будет дуться еще, как минимум, дня два, и решил что дела могут и подождать. Он только собирался ей сказать, что они завтра же летят в Европу, как подали напитки, и Барбара, сославшись на недомогание, ушла в спальню.

Отец, казалось, даже обрадовался. Он тут же набил трубку, и закурил прямо за столом. Абигейл покосилась на него, но решила не напоминать, что неоднократно просила не курить в доме.

– Па, мне это бы очень сильно помогло, – сказал Кирк.

Аш выпустил облако дыма, и сказал:

– Боюсь, я вряд ли смогу врать так же убедительно как ты.

Абигейл накрыла руку сына своей ладонью.

– Ты же знаешь, отец не любит публичные выступления.

Кирк подавил раздражение, и заставил себя говорить спокойным голосом.

– Я не сказал ни слова неправды. Если ты не заметил, то я опирался только на твои работы, – он, все-таки, не смог удержаться от сарказма.

– Что-то я не припомню, чтобы упоминал о внеземных цивилизациях, – усмехнулся Аш.

Кирк отмахнулся.

– Думаешь, можно получить финансирование под исследования, не завернутые в красивую обертку?

Аш закрыл глаза, и одной рукой стал массировать лоб над бровями. Абигейл с беспокойством посмотрела на мужа. Головная боль была побочным действием от приема лекарств, и в последнее время случалась все чаще.

– О каких исследованиях ты говоришь? Наши технологии могут лишь зарегистрировать прохождения волны. Может быть, сможем отследить изменения, которые неизбежно возникнут при взаимодействии с огромными массами. Например, когда на ее пути окажется сверхмассивная черная дыра. Или галактика.

Кирк упрямо поджал губы.

– Через сто лет гравитационные детекторы станут более совершенными. И, по крайней мере, мы сможем составить полную карту Вселенной.

Аш тяжело вздохнул, и ненадолго задумался.

– Дело не в детекторах. Сама волна должна иметь совершенно иную структуру. Здесь, если привести не совсем удачную аналогию, мы сталкиваемся с такой же ситуацией, как если бы попытались запечатлеть трехмерный мир, располагая одномерной видеокамерой, к тому же...

Наклонившись, Абигейл поцеловала мужа, и тот, поняв, что лишь запутался в собственных объяснениях, смущенно замолчал.

– Это как попытаться изучить океан, прочесав его сетью, ячейка которой размером с футбольное поле. Что-то на ней останется, но вряд ли удастся понять что это, и откуда взялось, – миссис Вармер повернулась к мужу. – Я правильно поняла, дорогой?

– Абсолютно неверная интерпретация, и невероятно точный вывод, – рассмеялся тот, и обратился к сыну. – Берегись журналистов, они всегда все перевирают.

Последнее замечание стоило ему шутливого тумака от жены.

– Не в этом суть, – не сдавался Кирк. – Ты же сам говорил, что не бывает бесполезных экспериментов. Волна, если можно так выразиться, принесет новую информацию, и я уверен, это позволит науке сделать огромный шаг вперед, такой шаг, на который, иначе понадобились бы десятилетия!

Отец скривился, словно съел что-то кислое, а мать рассмеялась.

– Тебе нужно было идти в журналистику, а не в экономику.

Кирк обиделся.

– У меня, между прочим, два высших образования. А не только экономическое.

– Мы оба знаем, что в университете Оклахомы, в отличие от Йеля, ты не проявлял особого рвения, – едко заметил отец.

Кирк промолчал. Диплом бакалавра физики действительно-

но интересовал его меньше, чем полученная ранее магистерская степень по экономике. Но он и не ставил перед собой цели стать великим ученым. Разумеется, он мог бы заняться научной деятельностью, и, скорее всего, добился бы серьезных успехов, но его настоящее призвание было в управлении финансовыми потоками. Кирку было мало просто биржевых спекуляций. Ему хотелось чего-то большего, чего-то значимого. Хотелось вписать свое имя в историю, и он не видел в этом ничего невозможного. В конце концов, его отцу же это удалось.

Подняв руки, словно признавая правоту отца, он согласился:

– Хорошо, признаю, что я не великий ученый как ты. Доволен?

Отец хотел сказать, что недоволен тем, что Кирк выбрал деньги, а не науку, но Абигейл его опередила:

– Тут ты прав. Аш Вармер единственный и неповторимый.

Она взяла мужа под руку, и прижалась к плечу. Улыбнувшись, Аш поцеловал ее в макушку.

Кирк решил попробовать зайти с другой стороны.

– Я же не прошу тебя заняться разработкой антенны. Слава Богу, с этим справится любой более-менее толковый профессор.

Он выждал секунду, но отец молчал. Что ж, все равно зацепить самолюбие отца шанс был мизерный. Вряд ли человек, который создал гравитационную теорию в нынешнем

виде, клюнул бы на столь примитивную приманку. Человек, чье имя и так уже навеки в истории.

Показав, что он готов к компромиссу, Кирк тяжело вздохнул, и вернулся к тому, с чего начал.

– Неужели тебе так сложно хоть раз поддержать меня? – он достал лист бумаги, и протянул отцу. – Я написал для тебя небольшую речь. Просто взгляни на нее.

Обычно спокойный Аш выпрямил спину, и годы, словно отвратительная короста, слетели с него. За столом возвышался старик, но его пылающий взгляд, осанка, звенящий голос, заставляли сомневаться в том, что видят глаза.

– Поддержать тебя? Да я всю жизнь только этим и занимаюсь! У тебя были способности к точным наукам, но ты решил, что финансы перспективнее. Ты решил воспользоваться моим именем, и открыть центр Аша Вармера, а я, проглотив гордость, улыбался на камеры. Да ты, в конце концов, не ударив палец о палец, получил Нобелевскую премию! Все, для того, чтобы ты был счастлив!

Кирк инстинктивно втянул голову в плечи. Чувствовал он себя так, как будто его отхлестали по щекам. Отец крайне редко давал волю чувствам, но тогда, казалось, мог испепелить своим гневом. Кирк украдкой бросил взгляд на мать, словно ища у нее защиты, но и она, казалось, боялась пошевелиться.

Аш сделал несколько глубоких вдохов, и продолжил значительно более спокойным голосом:

– Извини, но я не собираюсь участвовать в твоей авантюре.

Кирк лишь молча кивнул.

Взяв стакан, Аш повертел его в руке и продолжил:

– Хотя, это даже не авантюра. Какая-то детская игра «поймай инопланетянина».

– Ты не веришь в их существование? – осторожно поинтересовался Кирк.

– В нашей галактике более ста миллиардов звезд. А во Вселенной сотни миллиардов галактик. Было бы глупо верить, что мы уникальны, – ответил отец.

«Центр имени Аша Вармера, занимающийся проектом, который не поддерживает Аш Вармер – вот что по-настоящему глупо» – подумал Кирк.

– Так почему же ты отказываешься?

Если бы рядом не было матери, Кирк поспешил бы удалиться в свою комнату. Но в ее присутствии, отец не мог долго злиться. Аш Вармер уже принял решение, и уговаривать его бесполезно. Но, как говорится, вода камень точит. К тому же, как и у любого ученого, у него было слабое место. Если отца удавалось втянуть в обсуждение идеи которая ему не нравилась, то он честно начинал искать аргументы против, но сам вопрос рассматривал очень внимательно и всесторонне.

– Ну вот взять, например, самую идею отправки. Ты предлагаешь последовательно, через равные промежутки време-

ни, отправить три волны. Так?

– Так, – кивнул Кирк. – Первая позволит наблюдателям зафиксировать факт отправки, вторая – покажет когда ждать третью, а в последнюю они смогут поместить свое сообщение.

Аш улыбнулся.

– Ты заранее приписываешь чужим цивилизациям человеческую логику. Откуда нам знать, как они мыслят? Вдруг, у них вообще нет понятия последовательности? Может быть, они считают каждое событие единичным, и никак не связанным с другими?

Сжав зубы, чтобы не ответить колкостью, Кирк постарался придать своему голосу максимально нейтральный оттенок.

– Язык математики универсален. Мы отправим сообщение, состоящее из простейших формул, которые будет легко расшифровать.

– И снова не согласен, – покачал головой Аш. – Да, наверное, это самый лучший вариант, но что если их система счисления построена на совершенно иных принципах? Что, если им понадобятся годы на дешифровку? С каким промежутком ты собираешься отправлять сигнал? Неделя? Месяц? Или двадцать лет?

Кирк молчал. В глазах Аша загорелся лукавый огонек.

– А что, если я скажу, что отправлять три волны глупо?

– Ты уже сказал, – проворчал Кирк.

– Нет, – усмехнулся Аш. – Я сказал, что идея сама по себе глупая. Но, если допустить, что волна ушла, остальные две не понадобятся.

– Что ты имеешь ввиду? – заинтересовался Кирк.

– Ты же сам говоришь, что волна пройдет через всю Вселенную. Так?

– Это следует из твоих формул, – осторожно ответил Кирк. Он не понимал куда клонит отец, и ожидал подвоха.

– Если взглянуть более внимательно, – с улыбкой продолжил Аш, – то из них следует, что это не совсем волна. Возбуждение возникнет дважды в каждой точке: инициированное и отклик. Или, по пути туда, и на пути обратно, если все же, предпочитаешь рассматривать сигнал в упрощении до волны.

Глядя на вытянувшееся лицо сына Аш Вармер расхохотался. Абигейл тоже улыбнулась, но тут же на ее лице появилась тревога: муж опять начал массировать лоб.

Кирк был ошеломлен. Хорошо еще, что на ошибку указал ему отец. Рано или поздно, кто-нибудь заметил бы этот просчет, и над Кирком Вармером смеялся бы весь мир.

– У них будет несколько десятков лет, чтобы понять наше сообщение, и подготовить ответ, – прошептал он, не замечая ни тревоги матери, ни головной боли отца.

– Именно, – Аш убрал руку от лица, и откинулся на спинку кресла. – А еще мы сэкономим уйму энергии.

Кирк знал, что нельзя давить на отца. Сейчас он заронил

зерна сомнения, и, оставив спор незавершенным, можно было бы вернуться к нему позже. Но, все же, не удержался и спросил:

– Но есть и настоящая причина. Я прав, па?

Отец отвернулся, и глядя в окно, сказал:

– Представь, что ты нашел волшебную лампу. Теоретически, ты знаешь, что если ее потереть, появится джин, который должен исполнить три желания. Но ты совершенно не имеешь представления, о том, какие процессы ты запускаешь, чтобы вызвать джина. – Он повернулся и в упор посмотрел на сына – И знает ли джин о том, что должен выполнить три желания.

От звука разбившегося о стену терминала Адам подскочил, и, развернувшись в прыжке, уставился на разъяренного мистера Нома.

– Рекомендует он мне! – прорычал Ричард.

Адам, решив, что в данный момент руководитель, скорее всего, не нуждается в его услугах, стал осторожно, бочком, продвигаться к двери.

– Наша цель – приоритетные направления! – вслед за терминалом, в стену полетела неизвестно как оказавшаяся в лаборатории ваза.

Ассистент не стал ждать, пока мистеру Ному надоест швырять предметы в неодушевленную стену, и он переключит свое внимание на живых людей. Адам резво бросился к

дверям.

– Эй, куда? – крикнул Ричард, и швырнул вдогонку аспиранту книгу по термодинамике.

Осмотревшись по сторонам, и не найдя больше ничего, что можно было бы эффектно разбить, он схватил куртку, и широкими шагами направился к выходу.

То ли Адам на бегу успел предупредить остальных, то ли перекошенное от бешенства лицо Ричарда подавало какие-то сигналы, но, едва увидев профессора, немногочисленные сотрудники пытались спрятаться за первыми попавшимися дверями.

Так и не встретив никого, на ком можно было бы сорвать злость, он дошагал до парковки, и чуть не оторвал ручку, садясь в машину.

Он коснулся панели, и тут же раздался приятный женский голос:

– В данный момент, вы можете представлять опасность для других участников дорожного движения. Управление будет осуществляться автопилотом. Назовите, пожалуйста, адрес.

– К черту на рога! – с сердцах рывкнул Ричард.

– Идиома, предполагающая удаленное место, – отозвался автопилот. – Пункт назначения – Эйлсбери.

Раздосадованный, что не удалось сорвать злость «на других участниках дорожного движения», он вызвал Клауса.

Вызов шел, но голограмма все не появлялась.

– Да? – наконец отозвался друг.

– Я у тебя в черном списке, или просто лень руки поднимать? – сдерживая злость, спросил Ричард.

– Вижу, ты не в настроении, – сказал Клаус. – Что случилось?

Голос друга немного притушил бушевавшую в нем ярость.

– Накаркал. Свернули мою работу.

– В пользу марсианского поселения? – удивился немец, вспомнив давний разговор в баре.

– Почти. «На данном этапе финансирование вашего проекта менее целесообразно, чем другие задачи. Рекомендуем вам обратить внимание на перспективные направления, смежные с вашей работой», – зло процитировал он.

– Сейчас? На этапе проектирования электрогенерирующего контура? – Клаус был явно растерян.

Уже более двадцати лет шла работа по созданию термоядерной электростанции на основе реактора международного института плазмы в Грайфсвальде, и одним из ключевых вопросов были именно турбины. Признанные мировые гиганты наперебой предлагали свои проекты, но турбины Нома обладали рядом неоспоримых преимуществ. В них практически отсутствовало трение, что давало возможность работать при больших давлениях и температурах. Это позволяло минимизировать потери мощности и значительно улучшало коммерческие перспективы станции. К тому же, более про-

стая конструкция повышала надежность. По крайней мере, в теории.

К сожалению, институт плазмы сам испытывал острую нужду в средствах, и не мог финансировать эти работы. С большим трудом, несмотря на активное противодействие гигантов машиностроения, удалось найти инвестора. И если сейчас Кирк Вармер прекратит финансирование, новые турбины на многие годы останутся лишь компьютерной моделью.

Дело не только в том, что из-за своих особенностей такой генератор имеет огромные размеры, и применение ему можно найти пока только на электростанциях. Дальнейшие усовершенствования, со временем, позволили бы уменьшить габариты основных узлов, и гравитационные подшипники находили бы все более широкое применение. Но, если сейчас, в начале нового века энергетики, на них поставят крест, гравитационная физика еще надолго останется лишь уделом теоретиков, не имеющей в глазах обывателя никакой практической пользы.

Ричард разразился потоком отборной брани, и Клаус сделал мысленную пометку взять у него мастер-класс в этой дисциплине.

– Этот поддоник делает это специально, – ругался Ричард. – Его интересуют только газетные заголовки!

Клаус попытался достучаться до разума друга, затуманенного злостью:

– Не думаю, что все настолько плохо. В конце концов, он бизнесмен и заинтересован в том, чтобы вернуть затраченные средства.

– Заинтересован он лишь в том, чтобы видеть в новостях свою довольную рожу! – отрезал Ричард.

Ричард Ном был прекрасным ученым, замечательным собеседником и неплохим другом. Но в такие моменты с ним решительно невозможно было разговаривать. Буквально несколькими фразами он мог легко вывести из себя обычно невозмутимого Клауса.

– Так какого черта ты звонишь мне? – рявкнул он. – Хочешь поговорить о Кирке – звони Кирку.

Немец сбросил вызов.

Обескураженный столь резким ответом, и так и не найдя выхода своему гневу, профессор Ном скомандовал автопилоту:

– На вокзал.

– Из контекста вашего диалога, я делаю вывод...

Голос смолк, как только Ричард коснулся панели и отключил уведомления.

Все еще кипя от гнева он купил билет в международном терминале, и через сорок минут уже сидел в вагоне.

За время, проведенное в дороге, профессор Ном почти успокоился, и уже даже жалел о своем опрометчивом решении. Он вполне мог бы обсудить все вопросы по телефону, тем более, что горячее желание, гнавшее его в Америку, в

поезде значительно остыло. Вряд ли ему без помех удастся спокойно придушить Кирка Вармера.

Из-за разницы во времени он прибыл в Нью-Йорк ранним утром, и добирался до центра имени Аша Вармера не спеша, надеясь найти причину, по которой мог бы отказаться от визита. Может быть, он бы плюнул на все, и вернулся в Лондон, но мысль о том, что Клаус, при каждом удобном случае, будет припоминать эту поездку, беспокоила чуть ли не больше, чем прекращение финансирования.

Он старался как можно меньше пользоваться транспортом, и большую часть прошел пешком, но, все равно, пришлось прождать больше часа в приемной, прежде чем Кирк появился в офисе.

Едва завидев ученого, директор центра широко расставил руки, и шагнул вперед, собираясь обнять Ричарда.

– Мистер Ном! Какая неожиданность!

– Приберегите объятия для журналистов, – проворчал тот.

Нисколько не смутившись, и продолжая улыбаться, Кирк провел Ричарда в кабинет и подвинул стул гостю.

– Я совершенно забыл, что у вас, англичан, не принято выражать свои эмоции. Так чем я обязан вашему визиту?

Поколебавшись, профессор опустился на предложенный стул. Пешая прогулка его изрядно утомила. Вармер сел напротив, всем своим видом выражая вежливое ожидание. Ричард попытался собраться с мыслями. Гнев давно прошел,

и сейчас, при виде оппонента он испытывал лишь раздражение. Которое, впрочем, совершенно не мешало трезвости мышления.

– Я оказался в Нью-Йорке по личным делам – сказал он, осторожно подбирая слова. – И, заодно, решил встретиться с вами, чтобы уточнить перспективы моей работы.

С той же улыбкой, Кирк кивнул.

– Мы очень ценим то, что вы делаете, и, поверьте, я не меньше вашего желаю скорейшего и успешного окончания этого проекта.

Ричард не сводил глаз с лица спонсора, пытаясь понять, не издевается ли он. Так и не придя ни к какому выводу, он спросил, как надеялся, безразличным тоном.

– Так почему же вы прекратили финансирование?

Теперь Кирк смотрел на ученого с изумлением, или, по крайней мере, весьма удачной его имитацией.

– Быть того не может! – воскликнул он. – Подождите, пожалуйста, минуту.

Кирк ткнул пальцем в терминал, и начал перелистывать страницы. Англичанин смотрел на него, и силился понять: действительно ли Вармер ничего об этом не знает, или же ломает комедию. Кирк хмыкнул.

– Здесь сказано, что ваши счета заблокированы в связи с предстоящим аудитом. Наверняка, это какая-то ошибка. Я запросил более подробную информацию. Не желаете ли чаю, мистер Ном?

Ричард похолодел. Он лихорадочно размышлял, что именно могло вызвать подозрения. Средства он старался выводить аккуратно, так, чтобы в статьях расходов фигурировало только то, что могло иметь отношение к турбинам. Подрядчики тоже отпадают. Заказы на изготовления деталей и механизмов он размещал на высокотехнологичных заводах, которые охраняли свои секреты почище чем ЦРУ пресловутую зону 51, и вряд ли предоставили бы кому-либо документацию даже по решению суда, просто затянув ее передачу до бесконечности силами своих многочисленных адвокатов. Единственный человек, что мог бы заметить разницу между заказанными и полученными материалами был Адам.

Ричард пожалел, что зря израсходовал вазу, разбив ее об стену. Голова ассистента теперь казалась ему более подходящей мишенью.

– Мистер Ном? – повторил Кирк.

– А? Нет, спасибо, – отозвался профессор, сообразив, что так и не ответил на вопрос о чае.

– Как я уже говорил, мы высоко ценим вашу работу, и я уверен, что сможем уладить это досадное недоразумение. Вы же знаете, что приоритетным направлением для нашего центра являются исследования в области гравитационной физики. Да что там греха таить. Я лично заинтересован в продолжении работ моего отца. Кстати, что вы думаете о моей идее поиска внеземных цивилизаций?

Ричард попытался ответить, но горло пересохло так, что

он не мог издать ни звука. Он затравленно посмотрел на кувшин, стоящий на столе, и взвесив, что будет меньшим злом: охрипший голос, или трясущиеся руки, мистер Ном, все-таки, потянулся за водой.

– Я нахожу ее весьма смелой, – утолив жажду, ответил Ричард.

Кирк широко улыбнулся.

– Я рад, профессор, что вы меня поддерживаете. А вот и файл с подробным отчетом – сказал он, бросив взгляд на экран. – Вы знаете, было бы замечательно, если бы кто-то вроде вас, занялся подготовкой отправки сигнала. Разумеется, не в ущерб основной работе, а, так сказать, возглавил коллектив специалистов, работающих над данной проблемой.

«Да уж, намек прозрачнее некуда», – горько подумал Ричард.

– Это очень интересная проблематика. Поработать над ней было бы сущим удовольствием, – выдавил он из себя, надеясь, что голос звучит не слишком фальшиво.

– О! Я не смел вас и просить об этом, – Ричард мог бы поклясться, что в этот раз он услышал насмешку. – Вы просто не представляете, как сложно найти компетентного человека на такую должность. Да что там говорить. На любую должность. Вот взять хотя бы клерка, что прислал отчет. Наверняка прицепился к какой-то мелочи, и теперь тратит ваше и мое время. Уверяю вас, дорогой Ричард, что финансирование проекта возобновится в ближайшее время.

Ричард поднялся

— Благодарю вас, — он замялся, и, протянув руку, продолжил. — За ваше доверие.

Кирк вскочил, горячо схватив обеими руками ладонь профессора, словно не желая отпускать дорогого гостя.

— Ну что вы, что вы. Это вам спасибо. Вы не представляете, как долго я искал достойного человека для этого проекта!

Профессор кивнул, и, не найдя что еще добавить, вышел.

Улыбка тут же сползла с лица Кирка, и он с облегчением вздохнул. Слава Богу, что этот британец приворовывал. Ассистент рассказал все что знал, стоило лишь его как следует припугнуть. Кирк на секунду задумался. А сломал ли бы он в действительности карьеру этому, как его, Адаму? Несмотря на то, что его раздражала излишняя пафосность физиков, он, все же, испытывал к ученым симпатию. Как ни крути, а именно они двигали прогресс. Если не брать в расчет совсем уж оголтелых хоппи, большинство из них были нормальными парнями. Со странностями, конечно, но Кирка они не беспокоили, пока не доходили до крайностей. Точнее, пока не начинали заявлять, что наука не его конек.

К Ричарду же Кирк испытывал даже нечто вроде уважения. Старик был каким-то правильным, что ли. Хотя он все не мог взять в толк: как в нем уживались идеалы хоппи и банальное воровство?

Хотя последнее обстоятельство и сыграло ему на руку, Кирк, все же, был немного разочарован в профессоре.

Но кто знает, смог бы ли он найти хоть кого-то, кто захотел бы возглавить проект «Рябь»? Все более или менее достойные ученые бежали от него словно от чумы, едва он заводит об этом речь.

Конечно, все было бы по-другому, если бы Аш Вармер, ученый с мировым именем, поддержал бы его идею. Но играть приходилось теми картами, что достались при сдаче.

Кирк решил заняться финансовой отчетностью по другим проектам, но его мысли то и дело перепрыгивали на предстоящее выступление, и он постоянно проговаривал про себя речь, сглаживая и шлифуя не совсем удачные места.

Поняв, что не может сосредоточиться на документах, Вармер отправился домой.

Здесь он еще раз просмотрел речь, и несколько раз повторил ее перед зеркалом, время от времени, внося правки по тексту.

Надев безупречно отутюженный костюм, он зашёл в комнату к Барбаре.

– Дорогая, ты готова?

Жена обернулась, и у Кирка перехватило дыхание. Платье цвета морской волны струилось по ней как вода, обволакивая идеальную фигуру. Барбара поправила кольцо, и Кирк чуть не ослеп от блеска камней.

– Еще пять минут, – промурлыкала она.

Кирк вздохнул, но говорить ничего не стал. Жена любила приемы, и считала, что на каждом должна быть неповторима.

Решив, что платье не подходит, Барбара выскользнула из него, и в задумчивости рассматривала гардероб.

Кирку захотелось плюнуть на все, обнять жену, и провести вечер с ней, но, представив, как она будет возмущена, что не попадет на прием, он снова вздохнул, и ещё раз окинув взглядом такое манящее тело, спустился на первый этаж, и стал просматривать новости.

Барбара справилась на удивление быстро. Не прошло и полчаса, как она появилась в дверях.

– Я готова.

Кирк поднял глаза, и замер в восхищении.

– Если бы ты не была моей женой, я бы прямо сейчас сделал тебе предложение.

Барбара звонко рассмеялась.

– Не уверена, что второй раз сделала бы ту же ошибку.

Кирк улыбнулся шутке, но улыбка вышла не такая уверенная как перед камерами.

Он встал, и, полушутя, предложил ей руку. Казалось, Барбара не заметила его жеста, но, судя по тому, что в машине она подчёркнуто держала дистанцию и почти не разговаривала, предложение пришлось ей не по душе.

Но стоило им выйти на кодовую дорожку, и жена прильнула к нему, дав обнять себя за талию. В этот раз улыбка Кирка была вполне искренней, и не только потому, что на них были нацелены камеры.

Оказавшись внутри, и выполнив все полагающиеся риту-

алы, Барбара поцеловала мужа в щеку, и, извинившись, пошла к шоколадному фонтану, возле которого группка женщин смеялась над шутками жены мэра.

Кирк огляделся по сторонам, и, заметив одного из инвесторов, направился напрямик к нему.

Они пожали друг другу руки, и едва успели перекинуться несколькими фразами, как Кирка пригласили на сцену.

Он слегка поклонился, и, выждав, пока стихнут приветственные аплодисменты, начал:

– Друзья! Я счастлив присутствовать на этом вечере, не только потому, что он преследует благородную цель, но и потому, что нахожусь среди людей, разделяющих мои идеалы.

Снова раздались аплодисменты, и на этот раз они были немного громче, и длились дольше.

Человек в смокинге с ленивым интересом смотрел на сцену, а когда большинство начало хлопать в ладоши, предпочел взять в руку бокал.

– Нехватка воды одна из серьезнейших проблем нашего времени, – продолжил Кирк. – Очистка и опреснение – одно из приоритетных направлений в исследованиях нашего центра, но только работать в этом направлении недостаточно. Недостаточно использовать только знания. Сострадание, сочувствие – вот, что подвигло всех нас прийти сюда сегодня.

К человеку с бокалом подошел генерал, и, встав рядом, стал слушать оратора, который вновь вынужден был замолчать, прерванный овациями.

– Сотню на то, что следующая фраза будет об отце – не глядя на собеседника, бросил военный.

Человек в смокинге кивнул.

– Годиться, – он повернулся откровенно разглядывая генеральский мундир. Взгляд на мгновение задержался на погонах с четырьмя звездами, потом на надписи «[U.S. Air Force](#)», и уголки губ слегка приподнялись. – Я смотрю, ты не стесняешься.

Казалось, генерал слегка обиделся.

– Мы действуем на своей территории. А вот вы кто? Не узнаю вас в гриме.

Выпрямив спину, человек слегка щелкнул каблуками, и коротко кивнул:

– Позвольте отрекомендоваться. Денис Давыдов, советник по культуре при российском посольстве.

Генерал не выдержал и слегка улыbnулся.

– Решили вспомнить старых героев?

Денис махнул рукой.

– Это ты историей интересуешься, а большинство о гусаках и не слышали.

Зал стих, и Кирк продолжил свою речь.

– Мы используем не только традиционные наработки, но, как и мой отец, ищем другие пути. Пути, которые позволят сделать наш мир лучше.

Советник кивнул, принимая проигрыш.

– Еще сто на то, что к волне он перейдет в течении бли-

жайших двух минут, – бросил он.

Генерал включил секундомер, и подтвердил свое согласие.

– Принято.

Он обвел взглядом зрителей, внимательно слушающих Вармера, и удовлетворенно улыбнулся.

– Все-таки, это Кирк отличный парень. Замечательная находка.

– Скорее, мальчишка с гранатой.

Военный рассмеялся, и похлопал русского по плечу.

– Не бойся, солдат. Она учебная.

Денис в сомнении покачал головой.

– С его талантом убеждать, вполне может и рвануть.

Генерал пожал плечами.

– Не для этого ли мы ему ее и дали?

– Ты никогда, ради смеха, не думал, что будет, если он все-таки запустит проект?

Американец снисходительно улыбнулся.

– Ты посмотри в зал. Эти недохоппи пришли сюда, чтобы покичиться чувством собственной значимости. Наш парень дает им идею, которая позволяет думать, что они участвуют в чем-то значимом. Они будут его поддерживать ровно до тех пор, пока им это ничего не стоит.

– Ничего не стоит? – Денис приподнял бровь.

– Ты думаешь те пару тысяч, что они пожертвуют так важны? – удивился генерал. – Seriously думаешь, что их инте-

решает что-то, кроме красивых слов?

– Ну вон та, например, очень внимательно слушает, – Давыдов продолжал дразнить военного, указав на ухоженную женщину в годах с большими, умными глазами.

– Я тебе даже могу сказать, о чем она сейчас думает. Что-то вроде: «Нужно запомнить несколько умных слов, чтобы при случае блеснуть в интервью».

Русский коротко хохотнул.

– Ты злой человек, Уильям. Нельзя так плохо думать о людях.

Генерал нахмурился.

– Не могу себе позволить обманываться. В нашей работе это серьезный недостаток.

Денис молча согласился.

– Может, мы вообще зря тратим силы? Вдруг Китай на это не клюнет, – вслух подумал он.

– Ты хочешь сказать, что одна из ведущих стран мира не захочет поучаствовать в старой доброй гонке вооружений?

– Не знаю, – русский задумчиво рассматривал свой бокал. – Вдруг они, все же вместо этого, решат осваивать Марс, и мы окажемся в дураках?

– Так будет даже веселее: у них поселение, а у нас корабли, чтобы... кхм... охранять инфраструктуру.

– А может, было бы лучше, объединиться с китайцами, и вместе колонизировать Марс? – все так же глядя в бокал, сказал Денис.

Американский генерал подозрительно прищурился:

– Это новая позиция твоего правительства?

Давыдов отмахнулся.

– Не бери в голову. Просто мысли вслух. Курс прежний – не допустить усиления Поднебесной.

Уильям шумно выдохнул.

– Я уже начал прикидывать, когда именно новую директиву упустил.

– Ничего ты не упустил. Мы все так же обрабатываем высшее общество, а англичане занимаются рабочим классом.

Генерал скривил недовольную мину.

– Не понимаю я этого разделения. Мы шишек раскачиваем, британцы – бедноту. А вы, кажется, и не шевелитесь. Наоборот, бомбите сеть статьями о псевдо научности и бесполезности этого предприятия. Вы точно не сговорились с Китаем?

Денис рассмеялся.

– У нас менталитет другой. Если правительство что-то поощряет, значит, по мнению большинства, задумало какую-нибудь гадость. Зато, если ведет разъяснительную работу против какой-либо идеи, то насколько бы она ни была бредовой, люди думают, что идея стоящая.

Уильям покачал головой.

– Как вы так вообще живете-то?

– Менталитет такой, – повторил Денис.

Генерал посмотрел на часы.

– Минута сорок две. Я почти чувствую, как становлюсь богаче еще на одну сотню.

Собеседники сосредоточили свое внимание на Кирке, и невольно поддались его обаянию. Речь, поставленный голос, сама манера держаться, внушали уважение, будили интерес. Уильям мог бы держать пари, что в зале найдется, по крайней мере, несколько человек, что затаили дыхание.

– Сострадание, сочувствие – вот те качества что делают нас людьми. Но не только они. Надежда. Мы можем дать ее тем, кто испытывает жажду. Но кто утолит нашу жажду знаний? Открывая новые горизонты, познавая мир, мы познаем и самих себя. Задавая вопросы, человек ждал ответа от Бога, но, может быть, пришло время найти другие его творения? И вместе задать вопросы звездам.

Коротко пикнул секундомер, и генерал, бросив взгляд на циферблат, с досадой щелкнул языком.

– Еще бы немного, и я обул бы тебя на две сотни.

Денис рассмеялся, и потрепал американца по плечу.

– Иногда, остаться при своих – уже удача.

Американец внимательно посмотрел на советника.

– Вот убей не пойму, как вы с такой психологией умудряетесь войны выигрывать?

– Что смотришь? – спросил Скотт, опускаясь на лавку.

Джек повернул экран так, чтобы Брайан мог видеть картинку, и тот тут же потерял всякий интерес. Куча мужиков

в смокингах и баб в блестящих платьях с умными лицами сидят и слушают другого мужика в смокинге. Скотт обратил внимание, что костюмы у всех практически одинаковые, и беспокойно заерзал, предположив, что все будут выступать по очереди, а ему придется сидеть здесь, пока Джек будет их слушать.

Заметив взгляд Брайана, приятель вздохнул, и выключил трансляцию.

– Ты хоть чем-то интересуешься?

Скотт набычился:

– Не тупее других буду.

– Согласен, поэтому и советую послушать этого Вармера.

Тип додумался, как с помощью гравирадио связаться с инопланетянами.

Раньше Брайан с подозрением относился к увлечению Джека всякой уфологией, и старался поскорее забрать таблетки и свалить. Но после того, как дилер выставился несколькими пинтами пива, Скотт понял, что тот умеет интересно рассказывать, и постепенно между ними возникло что-то вроде дружбы.

В прошлый раз, парни аж рты раскрыли, когда он пересказывал, как в Африке туристы наткнулись на труп пришельца. А когда увидели фотки – вообще обалдели. Естественно, те были не очень хорошего качества: военные заставили стереть все снимки. Точнее, почти все. Одному ушлому американцу удалось нащелкать, как солдаты грузят труп в грузо-

вик, и даже издалека снять разбившийся корабль.

Хоть Скотт в этом бы никогда и не признался, но он старался почаще встречаться с Джеком не только из-за тирекса. Бабки, конечно, никогда не лишние, но на районе только и разговоров, кто кому да кто кого.

– И что нам с этого? – спросил Брайан.

– Эх, никакой у тебя фантазии. Что мы с тобой видели? Завод да футбол по вечерам? А если эта тема выгорит, представляешь, какая движуха начнется? Золотая лихорадка отдышает.

Скотт молчал, размышляя над услышанным. Джек, видя, что приятель не врубается, зашел с другого конца.

– Вот почему у тебя тирекс берут?

Брайан пожал плечами.

– Ну, типа, развлечься там. Забалдеть.

Джек кивнул.

– Потому, что это качает, потому, что интересно. А представь, что может быть у инопланетян. Да там, не знаю, даже фонарик их какой загнать – желающие в очереди стоять будут.

Брайан усмехнулся, и поиграл мускулами.

– Ну да. Только его сначала как-то забрать надо.

Джек сплюнул в стоящую рядом урну.

– У тебя все мысли только в одном направлении работают. Было бы что, а как раздобыть придумаем. Головы у нас с тобой, слава Богу, с правильной стороны растут.

Брайану польстило, что приятель сказал «мы». Это его наполнило какой-то уверенностью. Раз Джек говорит что можно будет пожить, значит так оно и есть. Видя, что Скотту идея пришлась по душе, Джек продолжал ее развивать, все больше и больше распаляясь.

– Нет, по-любому все поменяется. Тут будет главное поймать волну. Кто первый встал – того и тапки. Представляешь, прилетят, а где-то жить надо. А мы пустырь расчистим – садите сюда тарелочку. Здесь вас никто не побеспокоит. В наш район и так особо чужие не суются, а мы еще пацанов организуем, чтобы никого не подпускали. Ну и провожать их будем там во дворец, в ООН, куда им там надо. А если чего найти или достать надо, так они к нам обращаться будут.

Брайан сидел и молча кивал. Иногда он завидовал тому, как Джек умеет складно рассказывать. Послушаешь поначалу – вроде и чушь несет, а он раз, раз – и разложил все по полочкам. Под конец, Скотт даже представил как они пинками выпихивают Давида из ломбарда, чтобы пришельцы могли посадить там свой корабль.

Похоже он так замечтался, что Джеку, чтобы привлечь внимание, пришлось несколько раз щелкнуть пальцами у него перед носом.

– Есть кто дома спрашиваю?

Брайан пробурчал невразумительный ответ и вернулся на землю. Приятель протянул ему пакет.

– Держи. Заболтался я с тобой. Извини, еще дела есть.

Они распрощались, и Брайан сразу же переключился на полученный товар.

Джек улыбнулся. Ему нравилось иметь дело со Скоттом. С ним было легко, и не приходилось рассчитывать на разного рода неожиданности. Впрочем, он именно так и подбирал «приятелей». Дилер бросил взгляд на часы. Сегодня у него еще три встречи со «скоттами».

Поглядывая на Брайана с бокалом красного вина в руке, Джек едва сдерживал смех. За два года Скотт сильно изменился, и теперь его категорически не устраивали встречи в пабах или парках. Вести переговоры он предпочитал исключительно в центре города и только в хороших ресторанах. Не останавливало его даже то, что приходилось минут по двадцать искать парковочное место для своего «Бентли».

Каждый раз, при взгляде на это вагон размером с два нормальных автомобиля, Джек ловил себя на мысли, что за эти деньги Брайан мог бы купить вполне приличный дом в своем районе, вместо того, чтобы и дальше ютиться в убогой квартирке. Впрочем, вряд ли он там часто бывал: домашнему уюту Скотт предпочитал ночные клубы и шумные вечеринки, отсыпаясь днем в гостях своей очередной пассии.

Джек вынужден был признать, что при таком образе жизни, шикарный автомобиль гораздо важнее приличного дома.

Глядя как Скотт режет мясо, откладывает нож и цепляет кусок вилкой, Джек не выдержал и улыбнулся.

– Что смешного? – тут же с подозрением поинтересовался Брайан.

– Справа от тебя сидит парнишка.

Брайан повернулся и окинул бесцеремонным взглядом посетителя. Тот сначала сжался, но, тут же сообразив, что

в ресторане бояться нечего, расправил плечи и с нарочитой беспечностью погрузился в изучение меню. Бандит скользнул взглядом по его шуплой фигуре, отметил стильную одежду, и, в особенности брюки со штанинами разного цвета. Ультрамодные, но просто выводившие его из себя.

– Обычный тип на понтах, – сказал он, вернувшись к еде.

– Значок видел?

– Неа.

– «Звезды! Голос!», – процитировал Джек. – Терпеть не могу таких засранцев.

– Угу, – согласился Брайан, вспомнив разноцветные штаны – У нас на районе такие опасаются появляться.

Джек рассмеялся.

– Хочешь, буду платить тебе по двадцатке за каждый снятый значок?

Скотт хищно улыбнулся.

– Скажу парням, что могут влегкую подзаработать, да может и сам раз-другой разомнись.

Брайан сцепил пальцы рук, и вывернув их ладонями наружу, потянулся.

Услышав хруст костяшек, парень за соседним столиком дернулся.

Джек мысленно себя поздравил со столь удачной идеей. В последнее время волна Вармера набирала все большую популярность, и стала настоящим трендом. Словно цепная реакция она поддерживала сама себя и становилась все мощ-

нее, так и норовя выйти из под контроля. Созданная как пугало, она начинала жить собственной жизнью.

– Ну да, заработок лишним не будет. Учитывая, что с облигациями у тебя как-то не очень, – вернул разговор в деловое русло Джек.

Брайан обиженно засопел. Не раз и не два у него возникало желание врезать приятелю, когда тот начинал пенять ему за разную туфту. Но, по здравому размышлению, несмотря на страх и уважение на районе, основные деньги шли от Джека. Несмотря на то, что Скотт это прекрасно понимал, каждый раз ему было все тяжелее сдерживаться.

– Мы ведем разъяснительную работу, но не шибко это помогает, – проворчал Брайан, бросив мимолетный взгляд на свой кулак.

Джек промолчал. Было намного проще, когда перед ним стояла задача донести до населения необходимость запуска волны, и приукрасить грядущие за ней ужасы. И вот теперь, когда он достиг цели, установки кардинально поменялись. Хорошо отлаженная машина, на создание которой ушло почти два года, оказалась не нужна. И даже более того – теперь предстояло развернуть ее на сто восемьдесят градусов.

Джек не видел всей картины в целом, и не знал, чем вызвана смена курса. Он просто выполнял приказ. Высокие чины, причастные к этой программе, наверное, и сами не воспринимали ее всерьез. Но когда проект запуска получил широкое общественное одобрение – задумались о последстви-

ях. Мало того, что из экономики придется изъять огромное количество энергии, так еще неизвестно, как поведет себя сигнал. Может быть, он создаст помехи для каналов связи, или гравитационное возмущение заставит упасть спутники. К тому же Кирку удалось популяризировать идею настолько, что она стала оттягивать деньги от госзаказов, ранее пользовавшихся огромной популярностью среди населения.

Джек же просто считал, что глупо кричать на весь космос о родной планете, не догадываясь, кто может их услышать.

Но ему было жалко потраченных усилий.

Работая с проблемной, косной частью общества, которой претят любые перемены, Джек не сразу нащупал правильную стратегию. Поначалу деньги службы уходили как вода в сухую землю, совершенно не давая отдачи. Все его попытки донести идею поиска натыкались на глухую стену. Он вспомнил, как пытался раздражить воображение детей инопланетными цивилизациями, которые существуют где-то там между звездами, но те, уткнувшись в гаджеты, совершенно его не слушали. Как можно донести идею до родителей, если даже детям это неинтересно? Правда, он получил некоторое удовольствие, работая напрямую со взрослыми. Достучаться до них не удавалось, зато получалось сорвать злость и почесать кулаки.

Идея со школами тогда показалась многообещающей: директора из школы вон лезли, чтобы обеспечить внеклассные занятия, как того требовало министерство образования. А

при вечном дефиците бюджета это представляло серьезную проблему. Они легко пришли к соглашению: Джек, на общественных началах, организовывает курсы по астрономии и основам физики, а руководство обеспечивает явку. Вот только школе это было нужно лишь для галочки, чтобы отчитаться перед вышестоящим начальством, и на эти занятия заходили провинившихся хулиганов.

Джек очень быстро понял, что ничего таким образом не добьется. Все программы, направленные на внедрение какой-либо идеи сходились в одном: нужно создать группу носителей этой самой идеи. Здесь же он себя чувствовал словно в лесу, где дикие звери совершенно не понимают человеческой речи.

Но именно это и натолкнуло его на мысль использовать нехарактерную для таких задач публику. Он выбрал несколько кандидатов, и даже устроился на завод, чтобы создать себе легенду трудяги. Первое время Джека преследовали неудачи, и несмотря на тщательную подготовку, все его планы шли прахом. От Скотта он тоже не ожидал многого, но, к его удивлению, парень быстро набрал вес в своем кругу, и решил не отказываться от сотрудничества с Джеком. Не спеша, небольшими порциями, он доносил до Брайана необходимую информацию, и в скором времени тот и сам не заметил, как стал пересказывать вложенные мысли своим товарищам. Джек делал все, чтобы Скотт, а потом и другие его агенты, нарабатывая авторитет, уже сами притягивали после-

дователей.

И вот теперь ему предстояло все перевернуть с ног на голову, теперь доказывая, что нужно поддерживать правительство.

Джек хмыкнул. С таким контингентом это будет нелегкая задача.

Истолковав это как недовольство, Скотт беспокойно заерзал на месте.

– Не, ну если надо – завтра они на последние купят. Сожжем пару домов, и побегут как миленькие.

«Только этого не хватало», – подумал Джек.

– Нет, скандалы нам ни к чему. Если пойдет слух, что госзаем втюхивают насильно, нам с тобой крепко прилетит по шапке.

Почувствовав, что Джек не собирается лишать его тирекса, Скотт откинулся с вальяжным видом, и спросил:

– Так чего ты от меня хочешь? Эта бумага никому и бесплатно не нужна.

Джек покачал головой.

– А тут ты не прав. Займы на космическую программу – очень неплохое вложение капитала. В любом случае, пойдут ли деньги на строительство кораблей, или на обустройство баз – это реальное имущество, на которое ты будешь иметь право.

Брайан ухмыльнулся.

– Ага. Держи карман шире. Мой старик, когда началась за-

варушка в Польше, тоже прикупил военные облигации. Мастер на заводе сказал либо покупаешь, либо идешь на биржу труда. И где его бабки? Торчат где-то дулом вверх из болота.

Джек понял, что недооценил парня, и сбавил обороты.

– Я не заставляю тебя в это верить. Просто сделай, чтобы народ видел, что уважаемые люди покупают. И разъясни, что это для их же безопасности. Мало ли что эти яйцеголовые своей волной накличат?

Брайан молча смотрел на Джека, размышляя, как вывернуться из этой западни, не потеряв ни бабки, ни поставщика.

Джек вздохнул.

– Я потом у тебя их выкуплю. Даже немного заработаешь.

– Годиться, – Брайан расплылся в улыбке, довольный, что все само собой разрешилось. – Сколько брать?

Джек прикинул свой бюджет, и назвал сумму. Брайан присвистнул. Видя алчный огонь в глазах Скотта, Джек поспешил выдвинуть ряд условий, которые, хоть в какой-то мере, гарантировали успех предприятия. Скотт поначалу скис, но прикинув барыш, не раздумывая, согласился.

Глядя как Скотт небрежно, словно в ней грязное белье, закинул сумку с тирексом в багажник, Джек с тоской подумал, какие аргументы он еще не использовал в своих просьбах об увеличении финансирования.

Несмотря на холодный ветер Аляски, запах горелого пластика ощутимо раздражал ноздри.

– Да не должен он был загореться! – оправдывался техник. – Все несколько раз просчитано, тут просто неоткуда взяться напряжению пробоя!

Ричард задумчиво смотрел на оплавленный корпус и молчал. Это еще больше нервировало рабочих, и, зная резкий характер профессора, они с опаской переминались с ноги на ногу, готовые в любой момент дать деру. Но руководитель всех удивил, и махнув рукой, отправился к небольшому зданию на краю полигона.

Войдя в координационный центр, Ричард с трудом сохранял угрюмое выражение на лице до тех пор, пока не закрылся в своем кабинете. Здесь, уже не скрывая нетерпения, он загрузил результаты испытаний, и жадно их просматривал. На кривой колебания гравидетектора, он с удовлетворением отметил пик именно в том месте, где и ожидал его увидеть. Непосвященный наблюдатель не заметил бы здесь ничего необычного: всего лишь незначительная флюктуация несущей волны, но именно так это и должно было выглядеть для посторонних глаз. Ричард бы, конечно, предпочел погонять устройство на разных режимах, и, возможно, даже не один день, но приходилось все делать втайне.

Работая над гравитационными подшипниками, он наткнулся на паразитический эффект, и сначала было отмахнулся от него, посчитав, что потери будут настолько незначительными, что ими можно пренебречь. Из чистого, ничем не обоснованного любопытства, замерив плотность поля в

завихрении, он тотчас забыл о турбинах.

По сути, ничего нового в гравитационных подшипниках не было. Основную работу выполняли магниты, а гравитационная составляющая использовалась лишь для измерения и коррекции магнитного поля. Конечно, со временем его идеи усовершенствуют, и они найдут применение во многих отраслях, но к тому времени наука шагнет настолько далеко вперед, что его изобретение будет казаться всего лишь незначительной модернизацией. А вот завихрения открывали невероятные перспективы. Очаги имели плоскую структуру, и это указывало на то, что гравитацию можно поляризовать. Другими словами, вытянув вдоль оси заставить распространяться в четко заданном направлении.

Его так и подмывало сразу же сообщить руководству института, и посмотреть на выражения их лиц. Как говорили в старину: «эта идея на миллион долларов». Но, помня сколько бед принесли ему импульсивные решения, Ричард усилием воли погасил желание немедленно рассказать всему миру о своем открытии, решив вначале все хорошенько обдумать. Да и проработать хотя бы основы явления тоже не будет лишним.

После бессонной ночи в лаборатории мысль поделиться своими идеями не казалась ему такой уж замечательной. Если он окажется прав, то открытие станет не менее значимым, чем модуляция Вармера, и найдется чересчур много желающих разделить с ним эту честь. К тому же, по закону Соеди-

ненного Королевства, он не сможет претендовать на патент, если окажется, что изобретение имеет прямое отношение к обороноспособности.

Можно было бы перебраться в Штаты, где законодательство, в этом смысле, более либерально, но тут, он был уверен, Кирк не упустит своего, и найдет способ доказать, что открытие совершено под эгидой его центра, а значит, в лучшем случае, станет соавтором.

Не придумав ничего лучшего, Ричард решил поработать над этой проблемой пока в одиночку, делая что возможно в лондонской лаборатории, а полевые испытания проводить в Номе, маскируя их под испытания узлов турбины.

Когда Кирк поймал его на «нецелевом использовании» гранта, и, фактически, заставил работать над антенной, Ричард думал, что это конец. Но все обернулось не так уж плохо. Установка для генерации волны предполагала бесчисленное количество узлов, и настолько запутанную схему, что не представляло никакого труда добавить еще несколько компонентов, даже не особенно утруждаясь в обосновании их необходимости. На руку Ричарду играло еще и то, что у Кирка не было особого выбора. Персонал, собранный для этого проекта, мягко говоря, очень слабо разбирался в поставленной задаче, и уличить профессора у них просто не хватало компетентности.

Но тут, неожиданно, перед Ричардом встала совершенно иная проблема. В первые два месяца он практически пол-

ностью составил принципиальную схему передатчика, и уже через полгода мог бы завершить проект. Но работа над линзой, которая поляризует гравитацию, и создаст поле анти тяготения, требовала гораздо больше времени. Не умея работать плохо, или вполсилы, он каждый день тратил кучу времени, на то, чтобы вычленить кусок из дееспособной схемы, и испортить ее настолько, чтобы показать какой-нибудь результат, но не дать толчок к дальнейшему прогрессу. И, все равно, работа шла слишком быстро. Ричард не гордился собой, но, тем не менее, не гнушался прямого саботажа. Он не любил выражения «цель оправдывает средства», но был вынужден поступать бесчестно.

Если бы он смог продемонстрировать действие гравитационной линзы при запуске антенны, то этим обеспечил бы себе иммунитет от притязаний посторонних на открытие. Но все упиралось в деньги. Он вспомнил старую русскую сказку о дудочке и кувшинчике, которую ему в детстве читала мать. Суть была в том, что девочку послали за ягодами, но она их не могла найти, пока волшебник не дал ей дудочку, которая приподнимала листики. Но взамен попросил кувшинчик, и ей стало некуда собирать ягоды.

В реальной жизни Ричард предпочитал кувшинчик.

Он вздохнул, и удалил программу, которая на двадцать седьмой секунде испытаний повышала напряжение.

– Функция недоступна, обратитесь, пожалуйста, в сервис-

ный центр, — приятным женским голосом сказал автопилот.

Чертыхнувшись, Кирк вышел из меню. Он не хотел рисковать, не будучи уверен, что в компьютере не останется следов вмешательства. Попробовав подступиться и так, и эдак, и не добившись результата, он решил положиться на обещания разработчиков, что изменения не затрагивают программный код, замедляя лишь скорость обработки сигнала.

При всем разнообразии пиратских девайсов, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы найти именно то, что нужно. Правда, мимоходом, удалось приобрести несколько полезных вещей, которые снимали некоторые ограничения как то максимальная скорость или запрет проезда по дорогам определенного типа. Но использовать их придется, скорее всего, уже на другой машине. Барбара вряд ли согласится ездить на автомобиле после ремонта.

Кирк аккуратно снял заглушку, и увидел под ней разъем, в который с легким щелчком вставил прибор. Убедившись, что рассмотреть его удастся, лишь заглянув под панель приборов, он установил связь, и ввел координаты, на которых должна была сработать задержка.

Он хорошо знал это место. Четырехуровневая развязка как нельзя лучше подходила для его целей. Верхний ярус, казалось, нависал над городом, но был спроектирован настолько грамотно, что даже человек со своими замедленными реакциями, успел бы найти верное решение, чтобы предотвратить падение с высоты. Не говоря уже о компьютере.

Закончив, Кирк еще раз подумал, правильно ли он поступает. Все-таки, с ним будет Барб. Он завел двигатель, и провел диагностику. Все было в норме. Успокаивая себя, что прибор будет работать меньше секунды, он отправился спать. Не самый красивый способ избежать отчета перед акционерами, и, возможно, будь у него больше времени, он бы придумал что-то другое.

Но Кирк терпеть не мог ни мать жены, ни ее дни рождения. И так уж совпало, что завтра у нее юбилей. Это и положило конец сомнениям.

С утра Барбара была в непривычно хорошем настроении, и говорила не замолкая. Кирку стоило значительных усилий поддерживать разговор, пусть даже незначительными, но ожидаемыми репликами.

Он надеялся, что хотя бы в машине Барб отвлечется, и, как обычно, начнет поправлять то прическу, то макияж, поглядывая в зеркало. Но, видимо, этим утром она была согласна с его мнением, что выглядит идеально.

Она все говорила и говорила, а Кирк становился все напряженнее и напряженнее. Наверное, еще немного, и она заподозрила бы неладное, но, наконец-то, сработал прибор. Компьютер продолжал следить за дорогой, но, перехватив управление, пиратское устройство, раз за разом, в течении долгих трехсот миллисекунд, транслировало последнее изображение, а потом отключилось напоследок загрузив процессор автопилота почти на сто процентов.

Оценив резкое изменение дорожной обстановки, компьютер попытался принять решение, но ему не хватало свободных мощностей, и, почти мгновенно, перебрав весь список встроенных протоколов, он принял единственное верное решение.

– Внимание! Аварийный режим! – оповестили динамики, и почти одновременно выстрелили подушки безопасности.

Наиболее соответствующий ситуации протокол предполагал одновременную заботу о безопасности пассажиров и других участников дорожного движения.

Резкий маневр бросил автомобиль к ближайшему декоративному карману, с растущим в нем одиноким деревом, и капот разминулся со стволом буквально на какие-то пару дюймов.

Процессор снова был готов к работе, и, одновременно оценив повреждения, состояние автомобиля, и дорожную обстановку, компьютер вызвал медицинскую и техническую помощь.

Все заняло доли секунды, и только сейчас, когда, опасность была позади, Барбара закричала от испуга.

До прибытия экстренных служб Кирк успел не только извлечь прибор, но и поставить заглушку на место.

Первое о чем он попросил прибывших полицейских, было:

– Пожалуйста, не сообщайте репортерам.

Но именно на то, что они не выполняют его просьбу, Кирк

и рассчитывал.

Еще до того, как Вармер произнес последнюю фразу, Давыдов уже знал о произошедшей аварии. Уже давно ни для кого не было секретом, что практически любое электронное устройство собирает информацию о своем владельце. Правда, люди предпочитали оставаться в неведении какую именно. Большинство считало, что это всего лишь анонимная статистика и поисковые запросы для более точного таргетирования рекламных предложений. Люди с сочувствием смотрели на тех, кто пытался доказать обратное. Денис не хотел ничего доказывать. Он просто пользовался любезно предоставленной информацией.

Просмотрев полученные данные, он тут же узнал адрес больницы, в которую направили пострадавших, и уже оттуда запросил информацию об их состоянии. Убедившись, что Кирку ничего не угрожает, он на несколько минут задумался. Несчастный случай или покушение? Автопилоты, конечно, тоже не на сто процентов надежны, и каждый год, по всему миру, случается две-три сотни аварий по их вине. Но обычно, ошибку вызывает стечение нескольких не совсем банальных факторов. Возможны ли такие совпадения днем, в мегаполисе, на компьютеризированной автотрассе? Возможны, но маловероятны. Денис вызвал Уильяма.

Генерал ответил почти сразу. На этот раз на нем был строгий серый костюм, что сидел как влитой. Всем видом Уильям

демонстрировал решимость и принципиальность, но тренированным взглядом Давыдов определил, что этот спектакль предназначен не для него.

– Приветствую, коллега, – осторожно, сдерживая раздражение, начал русский. – Как я полагаю, вы также обескуражены недавним событием, произошедшим в зоне вашей ответственности?

Генерал коротко кивнул.

– Обескуражены. Точнее не скажешь, – подтвердил он. – Вашей службе об этом что-то известно?

Черт побери! Да он издевается! Денис закипел, но внешне это никак не проявилось.

– Если бы мы хотели решить данный вопрос в таком ключе, сейчас бы следовало ожидать безуспешных реанимационных мероприятий, – холодно ответил он.

Казалось, лицо Уильяма слегка смягчилось.

– Скажу честно: на данный момент, у меня нет правдоподобной версии. Максимум, через сорок минут буду на месте аварии. Как только появятся новые факты – сразу же поставлю тебя в известность.

Денис хотел бы своими глазами осмотреть место происшествия, но перелет из Грайфсвальда занял бы слишком много времени, которое было слишком дорого. Выступления «зеленых» против термоядерной электростанции не принесли желаемых результатов. Разумеется, никто всерьез не рассчитывал, что таким образом удастся сорвать ее запуск, но

ожидаемый общественный резонанс, призванный на долгие годы потопить проект в бюрократической волоките, так и не наступил. Правительство Германии заняло на редкость принципиальную позицию, со свойственной им педантичностью, уже распределив дивиденды от распиаренного предстоящего запуска волны.

Нужно было срочно что-то предпринять, чтобы отсрочить запуск станции. Денис прекрасно понимал немцев, и, даже был с ними согласен: термоядерный синтез если и не будущее энергетики, то уж точно значимая веха в развитии. И он бы не имел ничего против, если бы не желание Вармера использовать ее в качестве батарейки для антенны.

Кому-то в голову пришла, действительно, гениальная мысль. Сама по себе строящаяся станция вызывала лишь осторожный интерес, и робкие попытки в очередной раз обвинить ученых в подготовке апокалипсиса. Руководство института плазмы прекрасно отдавало себе отчет, что в информационный век главное не то, что сделано, а как это подано. При обычных условиях, новость о запуске станции прокатилась бы по миру, заставив среднестатистического читателя уделить ей десять минут времени, а через неделю отошла бы на второй план, полностью выпав из сферы интересов широкой общественности. Если не удастся сразу приковать внимание к термоядерному синтезу, то пройдут долгие годы, прежде чем новый тип станций перестанет вызывать опасения, и люди увидят их преимущества.

Поэтому немцы всеми силами и поддерживали Ричарда Ному. Несмотря на то, что его турбины требовали больше усилий при монтаже и настройке, слово «гравитационные» в их названии должно было оправдать затраченные усилия. А когда речь зашла о волне, это был словно подарок. Количество энергии, необходимое для ее запуска, было столь значимо, что ставило весь проект под сомнение. И не только с финансовой точки зрения: изъять из сети такой объем означало бы оставить без электроэнергии несколько городов миллионов. На этапе проектирования станции даже были внесены изменения, предусматривающие возможность накопления и последующей выдачи энергии в виде импульса. По большому счету, это не только ничего не стоило, но и снимало проблему утилизации энергии: перед включением в энергосеть грайфсвальдской электростанции предполагалось убедиться в ее стабильности при работе без нагрузки.

До тех пор, пока волна оставалась лишь манком, позволяющим людям верить, что их поколение живет в исторический момент, и закрывать глаза на, скажем, некоторые не совсем демократические изменения, призванные их обезопасить в случае ответа, Россию и США вполне устраивало такое положение вещей. Но, слишком положившись на мнение аналитиков, вполне убедительно доказавших, что вероятность реализации проекта исчезающе мала из-за обилия технических и финансовых трудностей, спецслужбы обеих стран не уделяли должного внимания деятельности Кирка, и

даже, более того, сами помогли разжечь ажиотаж.

Теперь Денису приходилось в срочном порядке искать возможности замедлить процесс, пока не найдется окончательное решение. А еще и эта авария.

Давыдов перебирал всевозможные варианты, пытаясь нащупать логику в событиях, и хватаясь за любую соломинку.

Первым делом он перебрал подозрительные события последнего времени связанные с центром Вармера и Кирком лично. Обновление страховки здоровья и жизни, протесты радикальных хоппи, повышение режима секретности испытательного полигона в Номе. Его обучали искать связи между, казалось бы, случайными событиями, но сейчас разведчик нутром чувствовал, что они не имеют отношения к делу. На всякий случай, он решил позвонить Барбаре, и уточнить кое-какие детали.

Денис заготовил подходящие случаю слова сочувствия, но женщина не дала ему и рта раскрыть.

– Подонок! – прошипела она, едва увидев лицо Давыдова. – Я знала, что ты меня не любишь, но не думала, что настолько! Чтоб ты сгорел в аду!

Барбара сбросила вызов, огорошив Дениса столь жесткой отповедью. Ему жаль было терять такую любовницу, но если он и допускал что аварию спланировала жена Кирка, то теперь был абсолютно уверен, что она ни при чем. При всех несомненных достоинствах Барбары, актерским талантом она не обладала.

По крайней мере, одним подозреваемым меньше.

Отложив в сторону другие дела, Денис размышлял об аварии, рассматривая факты под разными углами. Он не сбрасывал со счетов несчастный случай, но, все таки, считал его маловероятным. Если следовать классическому принципу «найди мотив и возможность, найдешь и убийцу», то список получался очень длинным. И возглавлял его сам Денис. Этот ублюдок достал его настолько, что лишь чувство долга удерживало разведчика от того, чтобы решить проблему одним махом. В отличии от руководства, считавшего что устранение Кирка возведет его в ранг святого мученика, и приведет лишь к увеличению количества сторонников, Денис был уверен, как раз, в обратном эффекте.

Он позволил себе отвлечься и немного помечтать, как заходит в палату, накрывает лицо Кирка подушкой...

Закончить ему помешал вызов Уильяма.

– Покушение, – без предисловий начал он. – Технари еще работают, но это был электромагнитный импульс, нарушивший работу процессора.

– ЭМИ? Вы там поблизости ядерных испытаний, случайно, не проводили?

– Шутник, – проворчал генерал. – Сейчас отрабатываем нескольких подозреваемых. Наиболее вероятным вариантом мне кажется жена. Спланировала, а потом вынуждена была сесть в машину, поэтому и не довела дело до конца.

– Барбару можешь исключить. Я уже проверил.

Генерал несколько секунд рассматривал Дениса, потом кивнул. Он знал, что для русского она больше чем агент влияния, но также был уверен, что тот никогда не поставит свои интересы выше интересов службы.

– Жаль. Это была самая многообещающая гипотеза. Когда я найду кто это сделал, лично оторву голову, за то, что не довел до конца, – голос Уильяма оставался абсолютно спокойным.

Денис слегка улыбнулся. Ему нравилось работать с этим американцем.

– Мне кажется, я знаю одного ученого, что испытывает неприязнь к нашему парню, и может собрать электромагнитную пушку.

– Ты имеешь ввиду, мистера Нома из Нома? – прищурился генерал.

– Из Лондона, – автоматически поправил Денис.

Поразмыслив несколько мгновений, генерал согласился:

– Есть в этом здоровое зерно. Думаю, мы можем попросить наших британских друзей проверить эту версию.

– Только проследи, пожалуйста, чтобы они не привлекали к этому делу всю армию, – поморщился Денис, вспомнив любовь англичан к широкомасштабным действиям.

Генерал ухмыльнулся. Несмотря на то, что он считал британских коллег профессионалами высокого уровня, тем не менее, вполне понимал Давыдова. Четыре дня, по просьбе Лондона, используя личные связи, он вел переговоры в паки-

станской деревушке об освобождении высокопоставленных военных, потерпевших авиакатастрофу, и почти достиг успеха. А когда у британцев не выдержали нервы, и они решили что секреты, которыми владеют пленные можно защитить другим способом, чудом вышел из-под минометного обстрела.

– Ты все еще злишься из-за того случая? – притворно удивился генерал. – Они же принесли извинения.

Денис промолчал. Уильям рассмеялся.

– Извини, видел бы ты свое лицо. Не волнуйся, я особенно подчеркну, что операцию нужно провести так, чтобы не возникло лишних вопросов.

– Было бы неплохо, – мрачно отозвался Давыдов. – Если его расстреляет артиллерия, это может навести на подозрения, что правительство недовольно проектом «Рябь».

– У вас все такие параноики, или ты один случайно затесался? – поинтересовался генерал.

– Это необходимое условие. Нормальные люди в офисе сидят, бумаги перекладывают.

– Ну, если это помогает подобрать таких агентов как ты, значит метод действенный. Не беспокойся, – повторил генерал. – Я позабочусь, чтобы они сработали тихо. Конец связи.

– Пока, – отозвался Денис.

Он переключил свое внимание на грайфсвальдскую электростанцию, на время предоставив разбираться с аварией Уильяму.

Погрузившись в изучение документов, Давыдов не сомневался, что напомнив генеральному подрядчику незначительный эпизод из его юности, сможет уговорить его разместить небольшой прибор в фундаменте.

– Ой, вы же тот самый Аш Вармер! Ученый, что придумал как найти инопланетян – восторженно прошептала сестра в регистратуре.

Абигейл предупреждающе сжала руку мужа, но тому сейчас было не до споров о науке и популизме.

– Девушка, Кирк Вармер, где он?

– Ой, извините пожалуйста. Я понимаю вам сейчас не до этого. Он в палате интенсивной терапии. Я так рада встретиться с вами! Вы же просто настоящая легенда! Можно сфотографироваться с вами?

– Девушка, – едва сдерживаясь, сказал Аш. – Что с моим сыном?

– Все хорошо, он в интенсивной терапии, – повторила сестра. – Так можно сфотографироваться?

– Пойдем, – жена, предотвращая взрыв, потянула его в сторону лестницы. – Мне кажется, это где-то на втором этаже.

Поняв, что так действительно будет быстрее, Аш, тяжело ступая, направился за женой.

– Лучше бы делом занималась, – проворчал он.

– Неудивительно, что она обо всем забыла, увидев тебя. Я

ее прекрасно понимаю, – улыбнулась Абигейл.

Аш в очередной раз поблагодарил судьбу, что поехал тогда на конференцию, чтобы услышать доклад Свенсона. Тема его разочаровала, но кто знает, как бы сложилась его судьба, не встретить он тогда Абигейл? Он только собрался ответить, как закашлялся, и остановился, содрогаясь всем телом. Жена ласково гладила его по плечу, пока приступ не прекратился.

– Лучше? – спросила она.

– Да. Идем, – кивнул Аш.

Поднявшись на этаж, он сразу же, выхватил взглядом санитаря, и поинтересовался, как найти палату интенсивной терапии. Тот, для верности сопровождая излишне подробные объяснения жестами, указал направление, и несколько раз повторил, как не заблудится в переходах между зданиями. Поблагодарив, Аш с женой направились к сыну.

Кирк, просматривая новости, не сразу обратил внимание на родителей, и лишь когда мать позвала его, оторвался от экрана.

– Наши акции поднялись на восемь процентов, – сообщил он с радостной улыбкой.

Аш нахмурился, а Абигейл спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – отмахнулся Кирк. – Авария была несерьезная.

– Ровно такая, чтобы акции поднялись на восемь процен-

тов? – приподняв бровь поинтересовался Аш.

Кирк бросил быстрый взгляд на отца, и снова почувствовал себя ребенком. Иногда, заигравшись, и учинив какую-либо шкodu, он придумывал истории, в которых в причиненном ущербе был виноват кто-то другой. Мать почти всегда верила, но отец неизменно докапывался до правды. Вот и сейчас, он снова испытал те же неприятные чувства, что и в детстве.

– Тебе всегда не нравилось все, чем я занимался! Любой мой успех раздражает тебя!

– Успех? – удивился Аш. – Ты открыл новую планету? Или, может быть, изобрел какое-то лекарство? Так расскажи мне, и мы вместе порадуемся.

– Вот! – от избытка чувств Кирк вскочил с кровати. – Именно об этом я и говорю! Все, что не вписывается в твое понимание, ты считаешь недостойным! Только ты всегда прав!

– Прав я всегда потому, что прежде чем что-то сделать, предпочитаю хорошенько подумать, – холодно ответил Аш.

– Так почему же ты не придумал отправить волну? – ехидно поинтересовался Кирк. – Это же очевидное решение.

– Для кого очевидное? – поинтересовался отец.

Абигейл узнала этот тон. Обманчивая мягкость ее мужа часто вводила в заблуждение оппонентов, и, надеясь одержать быструю победу в споре, они бросались в атаку, не продумав как следует аргументы. Аш умело этим пользовался,

точными вопросами помогая недалёковидному противнику вырыть себе яму.

Она хотела отвлечь мужа, переключив его внимание на аварию, но после секундного колебания передумала. Кирк слишком увлекся своей идеей, и, кажется, всерьёз стал верить, что трудится на благо всего человечества.

Небольшая взбучка от настоящего ученого пойдет ему только на пользу.

Кирк рассмеялся.

– Вот уж не думал, что великому Ашу Вармеру придется разъяснять такие банальные вещи! Хорошо, давай по порядку. Ты согласен, что контакт с внеземной цивилизацией будет величайшим событием за всю историю человечества? Ну, разве что, возможно, за исключением явления Христа. Да и то не факт.

– Да, – коротко ответил Аш.

В притворном изумлении Кирк всплеснул руками.

– Мама! – обратился он к Абигейл. – Запиши эти исторические слова! В кои-то веки великий и ужасный Аш Вармер согласился с сыном!

– Не паясничай, – одернул его отец. – Ты хотел мне объяснить очевидные вещи.

Кирк, в шутку, поклонился.

– Как скажете, папа. Даже если мне просто удастся доказать существование чужого разума, это существенно расширит наши представления о мире.

– Согласен, – кивнул Аш.

То, что его высказывания не встретили немедленной критики, несколько остудило пыл Кирка. Зная характер отца, он не сомневался, что тот по косточкам разберет каждое его слово, и усилием воли заставил себя собраться, быстро прокрутив в голове уже сказанное, и одновременно пытаюсь предугадать, куда именно па нанесет первый удар. Заодно он успел отругать себя за то, что позволил эмоциям взять верх. Сделав несколько вдохов, он продолжил уже более серьезным тоном.

– Как ты говоришь – мы топчемся на месте. Мы – общество потребления, которому нет дела до звезд.

– Ты забываешь о хоппи, – возразила мать.

Кирк с досадой махнул рукой.

– Кучка идеалистов, которые только и могут сокрушаться о том, что мир не совершенен, но ничего не делают чтобы это исправить.

– Не совсем с тобой согласен, но продолжай, – задумчиво сказал Аш.

Кирк чувствовал, что чем больше он скажет, тем жестче будет ответ, но остановиться не мог.

– Мы не сможем самостоятельно справиться со своими проблемами. У нас накопилось их слишком много.

Он сделал паузу, и отец попался на удочку.

– И ты хочешь, чтобы их решили инопланетяне?

Кирк мысленно улыбнулся. «Загони врага в ловушку».

Оказывается, в эту игру можно играть вдвоем.

– Я верю, что в будущем, когда мы будем сотрудничать с другими расами, решения новых проблем будут менее болезненны. Но, – он поднял руку, останавливая отца собравшегося возразить, – сейчас важно не это. Как думаешь, что сделают люди, узнав, что мы не одни во Вселенной?

– Меня больше интересует, что думаешь ты, – хмыкнул Аш.

– Вся наша жизнь изменится, – Кирк снова распалялся, забыв, что планировал орудовать только логикой. – Сиюминутные потребности отойдут на второй план. Человечество станет задаваться вопросом: а что, если они лучше нас? Наш вид не может без конкуренции. А что, если мы будем конкурировать не друг с другом, а с другим видом? Пройдет еще сто, может быть, двести лет, прежде чем мы встретимся лицом к лицу. И человечество потратит это время с пользой, совершенствуя и науку, и самих себя, чтобы достойно встретить братьев по разуму!

Кирк осекся, понимая, что его занесло не туда. Отец это не та публика, которую можно раскачать эмоциями. Спокойным тоном, с паузами, словно читая лекцию нерадивым студентам, Аш стал приводить свои доводы.

– Мы с тобой говорили, что ответить может только цивилизация, стоящая на ступени развития не ниже, чем мы. А это, согласишься, сильно сужает область поиска.

Кирк промолчал.

– К тому же, – продолжал Аш. – Вдруг, у них не будет желания или возможности ответить. Ты полагаешься на слишком много «если», а значит не контролируешь процесс.

– По крайней мере, я пытаюсь, – возразил Кирк. К этому времени, он полностью взял себя в руки. – Даже самое большое путешествие начинается с первого шага.

– Справедливый аргумент, – немного поразмыслив, согласился Аш. – Давай тогда поговорим о том, к чему следует готовиться человечеству.

– Об инопланетянах тебе уже неинтересно? – Кирк не упустил возможность уколоть отца.

– К ним мы еще вернемся, – спокойно возразил Аш. – Ты считаешь, что люди изменятся, и ты прав. Например, военные уже объявили о расторжении договора о космическом пространстве, принятом сразу после запуска первого спутника.

– Вообще-то, через десять лет, в 1967-м, – поправила Абигейл. – Я была на этой пресс-конференции в Пентагоне.

– Что-то я об этом не слышал, – сказал Кирк

– Неудивительно, – улыбнулась ему мама. – Кроме меня там было всего человек семь-восемь. Таблоидам неинтересны такие скучные темы.

– Ну и какое отношение это имеет к нам? – Кирк решил занять глухую оборону, пока не поймет куда клонит отец.

– Генерал, ну такой, с четырьмя звездами, сказал, – Абигейл приложила четыре пальца к плечу, и закатив глаза, про-

должила более низким голосом, – «Мы, люди Земли, мирная нация, но это не значит, что мы не должны охранять свои границы на земле, в воде и в воздухе. Теперь, когда человечество шагнуло за пределы планеты, мы должны обратить свои взоры и в космос».

– Это был министр обороны, – улыбнулся Аш.

– Дорогой, – жена вернула ему очаровательную улыбку, – неужели ты думаешь, что я бы пошла на конференцию, не зная, кто именно будет выступать?

На Кирка накатила волна нежности к родителям. Как бы он хотел, чтобы и у них с Барб были бы такие же отношения. Он хотел было предложить отцу компромисс, признав, что и его точка зрения, с некоторыми оговорками, имеет право на существование, и предложить сходить вместе пообедать, как Аш нарушил идиллию.

– Если ты не понял, то он намекал на твою волну.

Вся симпатия мгновенно улетучилась. Всегда отцу нужно было все испортить.

– А землетрясение на Гавайях, случайно, не моих рук дело? – с горечью в голосе спросил он.

– Не ёрничай, – резко ответил отец. – Это лишь одна из бед, которые нас ждут из-за твоей волны.

– Ты говоришь так, словно я войну развязать собираюсь, а не эксперимент провести, – обиделся Кирк.

– Ты может и нет, а вот военные явно готовятся, – ответил Аш.

– Они всегда готовятся. На то они и военные. Если так рассуждать – вообще опасно что-либо делать, – парировал Кирк.

– Пойми, – Аш тяжело опустился в стоящее неподалеку инвалидное кресло. – Ты абсолютно не контролируешь ситуацию. Если кто-то и получает от этого выгоду, то явно не ты.

Вспомнив финансовый отчет за последнее полугодие, Кирк улыбнулся.

– Ты ошибаешься. Здесь выигрывают все. Все жители Земли.

– Твоя теория построена на множестве допущений, – покачал головой Аш. – Если они окажутся неверны, это, в первую очередь, ударит не по тебе, а по настоящим ученым. Своими действиями ты дискредитируешь саму идею научного подхода.

Кирк переваривал услышанное.

– Так вот в чем дело, – наконец, протянул он. – Все, что не одобрено тобой – пустая трата времени.

Аш задумался.

– Не совсем так, но, по сути, ты прав. Сколько средств уже выброшено на эту бессмысленную затею? А сколько теперь пойдет на космос, в ущерб финансированию фундаментальной науки?

Кирк почувствовал, что настал переломный момент. Он лихорадочно подбирал слова, понимая, что следующий аргумент, словно последняя соломинка, ломающая хребет вер-

блюду, может навсегда изменить их отношения с отцом, поставив точку в споре. Скорее интуитивно, чем осознанно, Кирк решил, что доводы разума здесь не помогут.

– Я часто с тобой бывал не согласен, па, – медленно начал он, – но всегда уважал твое мнение. Мне казалось, что ты искренне веришь, искренне пытаешься переубедить меня.

Кирк замолчал, и покачал головой.

– А ты просто боишься, что новые идеи отвлекут внимание от твоей работы, – безжалостно закончил он.

Аш застыл. Кирк смотрел на него со скорбным видом, но в душе ликовал. Есть! Точно в яблочко! Отец не скоро оправится от такого удара!

Абигейл смотрела на сына со смешанным чувством, которое вряд ли смогла бы описать. Здесь была и боль, и отвращение, и жалость, которые пока не могли пробить стену ее любви к сыну, но колотили в нее с такой силой, что стена ходила ходуном.

Аш поднялся и молча вышел. Абигейл хотела что-то сказать, но услышав как закашлялся муж, поспешила к нему.

Кирк словно и не заметил, что остался один. Он никак не мог поверить, что в кои-то веки, одержал победу над отцом в споре.

Щурясь на солнце, Брайан пускал колечки дыма. Судя по старым фильмам, сто лет назад Англия была довольно мрачным и сырым местом. Если это действительно так, то Джек

был только рад глобальному потеплению, об опасности которого вещали в каждом выпуске новостей.

– И что ты об этом думаешь? – спросил он Скотта.

– Обмозговать надо, – ответил Брайан затягиваясь сигарой.

«Да куда же ты денешься», – подумал Джек. Он почти не сомневался, что сможет убедить Скотта, но если не удастся... Что ж, тогда найдется пару тузов в рукаве. Брайан считал себя крутым парнем, но сможет ли он так же пускать пыль в глаза, если Джек отвернется от него?

– Ну смотри, – нарочито безразличным тоном сказал Джек. – Когда он опрокинет тебя своими ценами, поздно будет джагу танцевать. Конкурентов нужно убирать, пока они не убрали тебя.

Шезлонг вдруг показался Скотту очень неудобным, и Брайан завожился в нем, пытаясь найти положение, которое бы его устроило. Несмотря на тон, он догадался, что приятель недоволен появившимся конкурентом, и решил повесить эту проблему на Брайана.

Попивая коктейль, краем глаза Джек наблюдал за Скоттом. Он знал, что тот согласится, вопрос был лишь в том, сколько времени придется потратить. Впрочем, он никуда не спешил. Срочных дел нет, так почему бы не поваляться у моря на солнышке?

Он задумался о том, что наверху его, видимо, считают очень способным сотрудником. Иначе как объяснить, что

задачи ставят такие, что и с подготовленной командой не всегда справишься? Сначала – обеспечить спрос на облигации госзайма. Да если бы, хотя бы, условия предлагали нормальные, а то погашение через пятьдесят лет, с учетом роста инфляции. Да кто на это клюнет? Тем более, что главным конкурентом был Кирк Вармер, а он на обещания не скупился. Правда, он собирался рассчитаться через сто лет, и за счет инопланетных технологий, но на протяжении всего этого времени, гарантировал небольшие дивиденды со всех доходов, что неизбежно возникнут при реализации проекта «Рябь». Глупость, конечно, но глупость завернутая в блестящую обертку. И, судя по результатам, людям идея пришлась по вкусу. Акции центра Аша Вармера пользовались стабильным спросом.

Джек подозревал, что вся эта суeta со сбором информации просто потеря времени. Приказ был какой-то обтекаемый и не содержал никакой конкретики. «Взять под наблюдение Ричарда Номы. Действовать максимально деликатно, не дать объекту обнаружить слежку». Кажется, в главном офисе решили притормозить разработку антенны, и, со свойственной им бюрократической осторожностью, собирают данные о руководителе проекта. Но раз за него взялись – пиши пропало. Практически со стопроцентной уверенностью можно было сказать, что парню не повезло.

Джек не видел смысла оттягивать неизбежное, тратя силы на бессмысленную работу. Какого бы высокого мнения

о нем бы ни были, действовать приходилось в одиночку. Не то, чтобы он не был знаком с принципами выемки информации, но это требовало тщательной подготовки, и, желательно, толкового напарника. К тому же, по собственному опыту, Джек знал, что обычно за приказом «максимально деликатно» следует другой – устранить объект.

– Мы с парнями потолкуем с этим барыгой, – наконец, принял решение Скотт.

– Если что-то понадобится...

– Я тебе скажу, – закончил Брайан.

Он поднялся и пошел по гальке к машине. Дети смеялись, тыкая пальцами в его костюм, но он не обращал внимания, разглядывая их мам. Женщины делали вид, что не замечают его взгляда, хотя одна-две и стрельнули глазами в сторону задорняка, но Брайан сделал вывод, что ловить здесь нечего. Он немного сбавил шаг, когда мужчина, рыжую жену или девушку которого он только что оценивающе рассматривал, сделал попытку подняться. Но женщина, схватив его за руку, усадила обратно, и начала что-то рассказывать. Скотт некоторое время поразмышлял, достаточный ли это повод, чтобы накостылять этому дрыщу, но, поняв, что упустил момент, и в глазах рыжухи будет выглядеть как гопник, сплюнул сквозь зубы, и решительным шагом направился к дороге.

Он был зол на Джека. Что-то тот стал в последнее время слишком много командовать. Брайан больше не чувствовал себя полноправным партнером.

Скотт давно решил, что пора завязывать с таким «сотрудничеством». Все работу делает он, а Джек только и ищет как втравить его в неприятности. Взять хотя бы тот случай, с облигациями. Спору нет, Джек заплатил как и обещал. Но и Брайану пришлось раскошелиться. Тот же Давид, почувствовав что можно срубить денег, отказался продавать по цене, на которую они договорились ранее. А вслед за ним и остальные. Конечно, можно было прикупить еще, и все сдать Джеку, но люди, которых он обманул, этого бы так не оставили. Слухи непременно дошли бы до Джека, и Брайан мог бы поспорить, что он бы остался недоволен. Да и по его собственной репутации это бы сильно ударило. И хорошо, если только по репутации.

В общем, Скотт тогда едва остался при своих, но затаил обиду. Держал его только тирекс.

А теперь Джек подбивал его на мокруху..

Одним из немногих преимуществ этой работы было то, что не приходилось ездить в Ном на поезде: оборудование собиралось в Лондоне и доставлялось на полигон самолетом. Больше никаких очередей на вокзале. Ричарду было бы интересно узнать, за какие ниточки дернул Кирк, чтобы контроль безопасности и таможня, такие же неизбежные как и налоги, превратились в пустую формальность.

В небольшом салоне самолета, кроме него, летели еще четверо коллег. Ричарду было бы стыдно в этом признаться,

но ему нравилась нынешняя должность не только потому, что работа над гравитационной линзой сдвинулась с мертвой точки, но и вечным желанием подчиненных оказаться полезными. Вот и сейчас Сюзан принесла ему кофе, именно такой как он любит: не сильно горячий и в меру сладкий.

– Мистер Ном, – сказала она, – я понимаю, что сейчас не лучший момент, но не посмотрите ли черновик моей статьи?

«Все-то ты понимаешь, – подумал Ричард. – Именно сейчас, когда думаешь, что я расстроен из-за неудачного испытания, подсовываешь статью, где я непременно найду ошибки, а ты мне будешь за это благодарна» .

Впрочем, окинув ее фигуру взглядом, Ричард решил, что не прочь принять благодарность. Он заметил, что остальные трое мужчин затихли, и с завистью поглядывают на него.

«В следующий раз поедете поездом» – решил он. У него не было абсолютно никакого уважения к коллегам. Ричард считал, что работать на Кирка могут либо жадные люди, либо глупые. А еще больше его злило, что в научном мире у него тоже теперь такая репутация.

Он быстро просмотрел статью. Как и следовало ожидать, та была посвящена волноводам, и описывала механизмы возникновения паразитических токов. Профессор Ном хмыкнул. Раньше, когда у него были студенты, Ричард поставил бы за такую работу тройку, да и то с натяжкой. Менторское начало взяло в нем верх, и он уже было собрался жестко отчитать девушку, но взглянув в ее большие, грустные как у ко-

ровы глаза, передумал. В конце концов, она не его студентка.

– Я вижу, что вы старались, – он постучал пальцем по экрану. – Но в таком виде ее подавать в печать нельзя. Нужно доработать некоторые моменты, и обязательно добавить выводы о том, как минимизировать негативное воздействие этих эффектов.

– С моей стороны будет наглостью просить вас выступить соавтором? – она смотрела на него умоляющим взглядом, и теребила мочку уха. Сюзан делала так всегда, когда нервничала.

«Что ж, – с некоторой досадой подумал Ричард. – За удовольствия нужно платить».

– Я подумаю об этом, – сказал он.

– О, я не хотела вас обидеть, – ее глаза стали еще больше и печальнее. – Я понимаю, что вам не очень интересна эта тема, но, может быть, если мы приложим совместные усилия, – она выделила голосом последнюю фразу, – то выиграем от этого оба?

Ричард улыбнулся.

– Не вижу причин, которые бы помешали нам скоротать несколько вечеров за написанием статьи.

От его внимания не ускользнуло, что Сьюз едва заметно поморщилась при слове «несколько». «А чего ж ты хотела? – подумал он – Такие статьи за вечер не пишутся».

– Отлично! – обрадовалась девушка. – Мы могли бы начать прямо сегодня!

Несколькими часами позже, уже в такси, он думал, что Сьюзан не обманула его ожиданий. К тому же, если она хочет построить карьеру таким образом, то он не имеет ничего против.

Впервые за долгое время Ричард почти отвлекся от терзавших его проблем. Безусловно, было бы легче всего объявить о своем открытии, и работать, не скрывая результатов. После того, как он попал в зависимость от Кирка, приходилось все осторожнее отщипывать от выделяемых средств, и все тщательнее это маскировать. А это существенно тормозило работу. И не только его проект: он не собирался заканчивать разработку антенны до тех пор, пока не будут готовы линзы, которые обелят его имя. А там глядишь, и вся эта история с волной сойдет на нет.

Мысли эти никуда не делись, но их значительно приглушали недавние события, и порог дома он переступил в благостном расположении духа, и с приятной усталостью в теле.

Будь он в своем обычном состоянии, то едва открыв дверь, и заметив следы чужого присутствия, тут же вызвал бы полицию. Скорее всего, на этом бы все и закончилось.

Но, погруженный в воспоминания, он совершенно не обратил внимания на некоторый беспорядок, и лишь войдя на кухню, и заметив незнакомца сидящего за столом и пьющего чай, Ричард, наконец, понял, что он в доме не один.

– Старик, – сказал тот, по-видимому, максимально дружелюбным тоном на какой был способен, – так дела не дела-

ются. Мы тебя уже семь часов ждем.

Придя в себя, Ричард крутанулся на каблуках, и бросился в сторону выхода. Но тут же, бесшумно появившийся за спиной бандит, скрутил профессора, и подтолкнув к столу, усадил напротив босса.

– Я приношу извинения, что мы так по-хозяйски расположились, но сами понимаете: мы вас ждали намного раньше.

Несмотря на страх, у Ричарда проскочила мысль, что налетчики, по-видимому, это спланировали за просмотром плохого боевика. Если бы бандиты обладали телепатическими способностями, то удивились бы проницательности профессора.

– Меня зовут Брайан, – представился главарь. – И я вами очень недоволен мистер Ном.

Ричард понимал, что встрял в неприятности, хотя и не мог найти для этого причины, но чем дальше, тем больше это напоминало глупый розыгрыш или театр абсурда. Он даже представил, как кто-то из его друзей (или наоборот, недоброжелателей), кивает, читая сценарий, а потом поднимает взгляд и говорит:

– А вот можно на этом моменте, когда напротив ученого с мировым именем сидит бандит, так можно, чтобы этот бандит был какой-то карикатурный? Найдите, пожалуйста, самого плохого актера.

Шести с лишним футов роста, с бицепсами как у гориллы, и явной проблемой с выражением собственных мыслей,

Брайан явно не тянул на крестного отца. Казалось, что предложения, где больше трех слов, требуют от него невероятно-го напряжения. И эти попытки подражать героям гангстерских фильмов, могли вызвать лишь улыбку. Но в данных обстоятельствах, Ричард решил воздержаться от проявления эмоций. Бандитам явно от него что-то нужно. Это не значит, что жизнь вне опасности, но какие-то шансы есть. Как обычно в критических ситуациях, мозг профессора Нома заработал со сверхъестественной скоростью, подавив эмоции, которые только мешали логическим построениям.

– Чем же я вызвал ваше недовольство, мистер...? – Ричард сам удивился насколько спокойно звучит его голос.

– Скотт, – подсказал Брайан.

– Так чем я вас так расстроил, что вы позволили себе вломиться в мой дом, мистер Скотт?

Возникла секундная пауза. Ричард, не имея никакого опыта в общении с криминальными элементами, побоялся, что перегнул палку. Несмотря на свое увлечение регби в молодости, он весьма скептически оценивал собственные шансы, если дело дойдет до драки.

– Ты барыжишь на моем районе. Так дела не делаются, – повторил Скотт.

Ричард едва сдержал вздох облегчения, поняв, что гангстер просто переваривал его слова. Кажется, диалог налаживается. А раз бандит бросил свои домашние заготовки – значит заинтересован в результате.

Оставалось только понять, что ему инкриминировал Брайан.

– Не могли бы вы не стоять за спиной? – чтобы выиграть время, не оборачиваясь, обратился Ричард ко второму бандиту. – У меня такое чувство, что вы вот-вот ударите меня палкой по голове.

– Сядь, Кот, – бросил Брайан.

Только звук отодвигаемого стула дал понять, что подручный выполнил команду главаря.

Ричард размышлял. В большинстве детективов преступники все отрицали, даже под гнетом неопровержимых улик. Но их противниками были полицейские, которые действовали в правовом поле. А как быть ему? Эти двое могут и мочкануть, если не понравятся его ответы.

Усилием воли Ричард подавил зарождающуюся панику, заставив себя думать четко, без жаргонизмов.

– Видимо, вы предлагаете какое-то решение? – осторожно спросил он.

– А то. Долю мне отстегиваешь и все дела.

Проще всего было бы согласиться, но наверняка за этим последует обсуждение деталей, и он себя выдаст полным незнанием предмета.

– А что я получаю взамен? – тянул время Ричард.

Брайану хотелось пристукнуть этого умника. С любым нормальным человеком он бы уже решил вопрос, а с этим какие-то качели вокруг да около. Так они и до утра не пе-

рейдут к сути.

– Толкаешь колеса, и вообще ни о чем не паришься. Если какие-то проблемы – посылаешь ко мне, – объяснил Скотт очевидные вещи.

Профессор лихорадочно соображал. Таблетки – значит какой-то лекарственный препарат. Что-то запрещенное, с хорошим спросом. Скорее всего – наркотики. Ричард не был специалистом в этом вопросе, поэтому на ум приходило только одно название.

– А что если фараоны прихватят меня с тирексом? – спросил он, надеясь, что правильно использует жаргон.

– Это проблема, – пожал плечами Скотт.

Ричард ожидал продолжения, но его не последовало.

– Слишком сложная схема, – покачал он головой. Видя, что Брайан собирается подняться, быстро продолжил. – У меня есть другое предложение.

Ученый чувствовал себя участником любительского спектакля, и настолько вжился в роль, что чуть ли не всерьез переживал, что его выдавливают с рынка.

– По-видимому, у вас сбыт поставлен лучше, чем у меня. Так почему бы нам не объединить усилия? Что если я буду сдавать вам товар под реализацию?

– Почему? – подавшись вперед, спросил Скотт.

Какую же цену назвать? Недавно на полигоне он стал свидетелем разговора, в котором один из служащих хвастался, что приобрел таблетки за семьдесят долларов, а в его горо-

де они стоят чуть ли не в пять раз дороже. Это получается, триста пядесят долларов. Пусть триста. Черт, откуда же он родом? И сколько это в фунтах?

– Ну, скажем, сто тридцать за штуку, – предложил Ричард, перебирая в голове варианты, как выйти из положения, если Брайану цена покажется завышенной.

– Идет, – тут же согласился Скотт, и Ричард понял, что, кажется, продешевил.

И тут же себя одернул: он не собирается продавать наркотики этому бандиту.

– Пятьсот упаковок сможешь подогнуть?

– Легко, – Ричард даже обиделся на такое маленькое количество. – Через неделю. Тогда и начнем.

Брайан хотел надавить на этого барыгу, но тот предложил хорошую цену, и Скотт побоялся, как бы тот не включил заднюю.

– Договорились, – быстро сказал он.

Он встал и протянул руку. Ричард тоже поднялся, и они обменялись рукопожатием.

– С вами приятно иметь дело, мистер Ном, – Ричард попытался угадать из какого фильма эта фраза, но так и не пришел ни к какому выводу.

Брайан направился к дверям, и хозяин обернулся, чтобы рассмотреть того, кого Скотт называл Котом. Но Кота и след простыл.

Оставшись один, Ричард тяжело опустился на стул. Пер-

вым его порывом было позвонить в полицию. Но что если и они тоже, как и Скотт, решат, что раз он постоянно бывает в Неме, то возит оттуда наркотики? И что предпримет Кирк, узнав, что им заинтересовалась полиция? Ему точно не понравится, что таможня станет гораздо более тщательно досматривать самолеты центра имени Аша Вармера.

Вдруг Ричард застыл. Это же решение всех его проблем! Не только финансовых. Зная, что весь персонал, работающий на Кирка, считает материальную составляющую наиболее важной мотивацией, он подумал, что вряд ли кто-то на полигоне откажется от взятки. Придумать более или менее правдоподобную историю, да сунуть немного денег – вот и готова площадка, где можно провести эксперимент, не опасаясь чужих глаз.

В приливе чувств, он хлопнул ладонью по столу. Решено. Риск конечно, есть, и немалый, но он полностью оправдан.

Ричард бросил взгляд на дверь, и решил что первое что нужно сделать начиная сотрудничество с Брайаном – это поменять замки и установить сигнализацию.

Воздух в осеннем парке был в меру теплый и пах опавшими листьями. Денис не спеша шел по алее, наслаждаясь природой, и разглядывая людей. Мама с колясками, влюбленные парочки, спортсмены, молодежь, не знающая чем себя занять. Приятно иногда забыться и почувствовать обманчивую неспешность жизни.

Он вышел к озеру, и, пройдя вдоль воды, опустился на скамейку рядом с Уильямом, кормящим уток.

– Ты просто так выбрал место, или птицы должны символизировать электорат, который проглатывает то, что мы им скармливаем? – с улыбкой сказал Денис.

– У тебя отравление кислородом? – покосившись, спросил генерал. – Отвык от нормального воздуха?

– Устал я от этой возни, – после паузы ответил Давыдов. – Китайцы обратились к нам с предложением о совместной разработке недр Марса. Они строят базу, а мы обеспечиваем охрану транспорта при выходе в космос и до лунной орбиты.

– Нам поступило аналогичное предложение – равнодушно ответил Уильям.

– Я абсолютно не удивлен. Это как раз в их стиле: чем меньше стоит товар, тем больший ажиотаж они создают вокруг.

– Ну, справедливости ради, стоит заметить, что они при-

шли не с пустыми руками. Китайцы предлагают техническую и материальную помощь в оснащении конвоев.

Мимо проехал велосипед с двумя седоками, и Денис усмехнулся пришедшему на ум сравнению.

– Это как тандем в космосе: пока едем в горку – педали крутим вдвоем, а когда вышли на ровную трассу – вторая ступень отбрасывается.

– А разве они говорили о равноценном партнерстве? – пожал плечами генерал. – Если на Марсе и найдется что-либо дельное, что стоит затрат на транспортировку, то могут возникнуть технические трудности, которые их партнеры не смогут преодолеть самостоятельно.

– Ну да. В любом случае, за счет расширения жизненного пространства, выигрывает только Китай.

– И еще неизвестно, чем они там будут заниматься, – заметил Уильям.

– Мне, все-таки, кажется, что более правильно было бы развивать свои базы, а не выдумывать этот бред с волной, – проворчал Денис.

– Мы это с тобой сто раз уже обсуждали, – устало заметил Уильям. – Да. Лучше. Но ни твое, ни мое правительство не готовы вбрасывать в это дело такие же средства как Поднебесная.

– Поэтому, мы лучше потратим деньги на космические крейсера? – продолжил его мысль Денис.

– Скажу тебе по секрету, хорошая армия еще никогда не

мешала, – ослепительно улыбнулся Уильям.

– Ну да, кому как не вам об этом знать, – в тон ему ответил Давыдов.

– Сейчас – это единственный верный выход, – посерьезнев, заметил генерал. – И США, и Россия заинтересованы в паритете, и достигаем мы его привычным нам способом, а именно...

– ...старой доброй гонкой вооружений, – закончил Денис.

– Именно, – кивнул Уильям. – Тем более, если на наш призыв ответят агрессивно настроенные цивилизации, мы должны быть готовы к обороне.

Денис поморщился.

– Мне-то хоть эту чушь не рассказывай.

– Кстати, хорошие новости. Наши аналитики пришли к выводу, что Вармер собирается кардинально изменить условия эксперимента.

– Ничего удивительного, что он сейчас сам не свой, – хмыкнул Давыдов. – У парня сейчас другие заботы.

– Нет, тут что-то другое, – покачал головой Уильям. – Ты давно смотрел отчеты по Ному?

– Каждую неделю просматриваю. Кажется, они никак не сдвинутся с мертвой точки.

– Именно. На фоне этого запросы Кирка в сети выглядят несколько странно.

Давыдов заинтересовался.

– Насколько странно?

– Если хочешь, могу перекинуть статистику, – сказал генерал.

Денис отрицательно покачал головой.

– Так или иначе, все равно придется читать в отчетах. Дай лучше краткое резюме.

– Ну, если коротко, – Уильям сделал вид что задумался. – Кажется, наш любитель внеземных цивилизаций, собирается соскочить с собственного поезда.

Генерал улыбнулся, заметив, что новость огорошила русского.

– Это было бы очень здорово, – осторожно заметил Давыдов. – Может быть, мы сможем оказать ему какую-нибудь помощь, на пути к этой замечательной идее?

– Пока рано об этом говорить: не совсем ясны его мотивы. Но, в крайнем случае, у нас остается мистер Ном, о маленькой слабости которого к наркоторговле так кстати рассказали наши британские друзья.

При упоминании о МИ–6, Денис скривился.

– Слушай, может вы с ними на разном английском разговариваете? Насколько я помню, мы просили у них информацию о причастности профессора к покушению, а не о его увлечениях. Мне глубоко плевать, пусть он хоть котятм головы откусывает.

Уильям улыбнулся.

– Второго покушения мы не допустим, по крайней мере, пока Кирк не отойдет от дел, а иметь возможность прихва-

тить технического руководителя проекта в ключевой момент на продаже наркоты, если дела обернуться совсем уж худо, согласишься, может оказаться весьма кстати.

Денис промолчал. Генерал протянул ему пакет с кормом.
– На, покорми электорат.

Давыдов взял несколько хлебных шариков, и бросил в воду, наблюдая как сквозь едва заметно расходящуюся волну, к ним со всех сторон устремились утки.

Капли холодного дождя били по непокрытой голове, но Кирк ничего не чувствовал. Он стоял над разрытой землей, упершись невидящим взглядом в опускающийся гроб. В кармане было старомодное бумажное письмо, текст которого он уже успел выучить наизусть.

«Дорогой Кирк, – говорилось в нем. – Возможно, это покажется странным, но я люблю тебя».

Конверт лежал в столе отца, и лежал, по всей видимости, давно.

«Наверное, я сам виноват, что не воспитал тех качеств, что хотел бы видеть в своем сыне, – писал Аш. – Возможно, часто был несправедлив к тебе, и мне следовало бы злиться на себя, вместо того, чтобы лишний раз подчёркивать твои ошибки».

Читая письмо первый раз, Кирк испытывал легкую грусть, что они так и не нашли с отцом общего языка. Несколько первых страниц показывали папу таким, каким Кирк нико-

гда его не знал: человеком, который признавал, что может допустить ошибку.

Он понял, что скучает по отцу. Но потом младший Вармер дошел до слов, которые пригвоздили его к месту. Аш вспоминал как именно он проводил расчеты после конференции, где Свенсон представлял свою кластерную теорию. Ресторан, салфетки – Кирк сто раз слышал как родители об этом рассказывают. Отец потому, что именно тогда у него зародилась мысль, каким образом можно модулировать гравитационную волну, а мать потому, что поняла, что влюбилась в Вармера.

Но следом отец говорил, что его никогда не интересовала кластерная теория. На данном этапе, она не представляла никакого практического интереса, и Аш признавался, что сдал статью в печать, понадеявшись на редактора, и не проверив как следует расчеты.

И лишь когда понял, что проект «Рябь» вызвал серьезный резонанс в обществе, он вернулся к старым записям.

При наличии неведальеке от источника сигнала звёзды, с массой близкой к массе Солнца, неизбежно возникнет гравитационный резонанс.

Отец предупреждал, что это вызовет повышенную активность светила, но Кирка поразили сам механизм резонанса.

По словам отца выходило, что Солнце ответит мощным возмущением в четырёхмерном континууме, и словно разорвет волну на части. Призывный крик Земли превратится в

едва различимый писк комара.

Дальше отец приводил свои расчеты, из пояснений к которым, Кирк вычленил интересующую его информацию. И окончательно пал духом. Выходило, что для запуска волны нужна энергия, превосходящая расчетную на четыре порядка.

Кирк несколько раз просмотрел формулы, надеясь, что просто неправильно понял. Но Аш Вармер не углублялся в пояснения, посчитав, что даже если и ошибся на порядок-другой, то это не имеет значения, так как такие энергии просто напросто разорвут звезду, нарушив происходящие внутри нее процессы.

Кирк горько усмехнулся. Даже если разница всего в два порядка, в его распоряжении все равно нет ста грайфсвальдских электростанций.

«Я чувствую, что есть способ избежать резонанса, и обойтись минимумом энергии, и я над этим работаю. Я не изменил своего мнения по поводу всей этой затеи, и продолжаю считать, что она принесет больше вреда чем пользы, – писал отец. – Но я уважаю твое стремление, и сделаю все, чтобы не подвести тебя». Но следующие слова забивали последний гвоздь в гроб проекта «Рябь»: «Все расчеты ты найдешь в моем домашнем терминале».

Едва дочитав до этого места, он бросился в кабинет отца. Как и следовало ожидать, работа была не окончена. Опираясь на знания, полученные в университете Оклахомы, он

всю ночь пытался разобраться в формулах. В конце концов, Кирк вынужден был признать свое поражение. Куда уж ему. Отец определенно был гением, раз более чем за тридцать лет никто не смог найти ошибки. А работы его изучались очень многими выдающимися учеными.

Он поднялся и подошел к прекрасно оборудованному бару. Отец очень редко употреблял алкоголь, но когда возникало такое желание, предпочитал иметь широкий выбор. Не найдя бурбона, Кирк плеснул шотландского виски, видимо, какого-то особенного года, и, сделав глоток, скривился. Он предпочитал напиток, производившийся в Теннесси.

Сидя с бокалом в руке, он напряженно размышлял. Без сомнения, множество, так называемых «настоящих ученых», будут наблюдать за экспериментом, и не упустят случая во всеуслышание заявить, если что-то пойдет не так. Смогут ли они отследить падение интенсивности волны?

Кирк не очень хорошо разбирался в этом вопросе, но пришел к выводу, что скорее да, чем нет. Опосредованное наблюдение за небесными телами, реакция границы кластера – кто знает, что придумают эти «светлые» умы.

Как можно заполучить больше энергии? Ответ прост: никак. Одна электростанция – это все, что у него есть.

А что если передать наработки отца Ричарду? Кирк не сомневался, что тот разберется в формулах Аша Вармера, и, скорее всего, доведет работу до конца. Но он не тешил себя иллюзиями. Работа займет несколько лет, после чего, ско-

рее всего, проект придется начинать чуть ли не с нуля. И что еще более важно, Кирк прекрасно знал как профессор Ном относится лично к нему, и к проекту в целом. А при его злопамятности совершенно бессмысленно просить держать выводы отца в тайне. Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться что произойдет, когда репортеры раструбят о том, что Солнце может взорваться. И пусть отец говорил лишь об увеличении интенсивности излучения, это будет концом проекта «Рябь».

Желая больше узнать о том, как работают гравидетекторы, Кирк подключился к сети, и начал просматривать соответствующие разделы энциклопедии. С некоторым удивлением он пришел к выводу, что основным инструментом наблюдения за распространением волны будут оптические и радиотелескопы, с помощью которых будут фиксироваться реакция массивных объектов.

Кирк оживился. Иногда, ответ скрывается в самом вопросе. Электроника этих приборов крайне чувствительна, и вспышка на Солнце может внести помехи, которые не дадут однозначно истолковать результаты. Осталось только дожидаться подходящей магнитной бури. И уговорить Ричарда оттянуть запуск проекта.

Все еще размышляя над письмом, которое он выучил наизусть, Кирк стоял над могилой полностью погруженный в свои мысли, и не замечая ничего вокруг.

– Спасибо, па, – вырвалось у него.

Барбара, не уловив сарказма, на секунду почувствовала искреннее сочувствие, и взяв мужа под руку, прижалась к нему, слегка наклонив голову в противоположную сторону, чтобы не помять широкополую шляпу. Сегодня представился случай надеть ее впервые, и Барбара хотела, что бы та оставалась в идеальной форме до конца церемонии.

– А чем именно он болел? – спросила она мужа.

– Спроси мать, – ответил Кирк. – Она точно знает.

Он обдумывал предстоящий разговор с профессором Номом.

И едва закончились похороны, Кирк вылетел в Лондон.

На обратном пути, Кирк испытывал противоречивые чувства. Он ожидал насмешек, обвинений, шантажа – да чего угодно, но не быстрого согласия. Конечно, Ричард поторговался ради приличия, но не выдвинул ни одного невыполнимого или хотя бы неудобного условия. Кирк, зная, что профессор продолжает понемногу подворовывать, хотел предложить значительную премию, но того, кажется, не особо интересовали деньги.

Видимо, опасаясь, что проект могут окончательно закрыть, и он останется не у дел, Ричард предложил проводить испытание второстепенных узлов, создавая видимость работы, но отложив разработку самой антенны на неопределенный срок.

Хотя Кирк и остался доволен результатами, его беспоко-

ила такая покорность ученого. Понятно, что он не хочет терять доходное место, но Вармеру казалось что за этим кроется что-то еще.

Перебрав все возможные варианты, и не увидев для себя непосредственной опасности, Кирк успокоился.

Да и черт с ним, с этим хоппи. Какие бы интересы он не преследовал, наверняка, все упирается в деньги. Видимо, старик просто хочет подольше оставаться главным у кормушки.

Кирк решил, что может себе позволить пожертвовать парой десятков тысяч долларов на нужды Ричарда.

Это намного лучше, чем потерять все, не вовремя запустив волну.

Закончив читать письмо, Брайан ударил кулаком по столу. Он получил некоторое удовлетворение, заметив, что на пластике образовалась заметная вмятина, и от нее зазмеились трещины. Прав был Джек. Надо было сразу валить этого гада. И что теперь делать?

Ещё пару недель тому все было нормально, и теперь, ни с того ни с сего, мистер Ном заявляет, что «дальнейшее сотрудничество не имеет перспектив». Скотт несколько раз перечитал эту фразу, пытаясь понять, что именно имел ввиду профессор.

Объяснение могло быть только одно: старикан решил его кинуть.

Он изучил все схемы Брайана, и теперь без проблем мог закрутить свои.

Скотт оторвал взгляд от вмятины, и рывком перевернул стол.

Мало того, что он остался без товара, так ещё у Номы оказались записи, которые попадут в полицию, если с ним что-то случится. Даже если Брайана после этого не посадят, то фараоны возьмутся за него всерьез.

А может старый шакал блефует? Да нет. У него хватит ума устроить такую подлость.

Тирекс давал такой баш, что Брайан забросил остальные

темы. А теперь, получается, остался ни с чем.

С Джеком, как ни странно, у него остались неплохие отношения. Несколько раз они даже вместе пили.

Тем не менее, Скотт понимал, что тот не захочет снова вести с ним бизнес.

Но, может быть, что-нибудь посоветует.

Брайан поднялся. Терять ему уже нечего, так почему бы не встретиться со старым приятелем.

Ричард сам не ожидал, что настолько быстро добьется успеха. Его так и подмывало плюнуть на договоренность с Кирком, и собрать действующую антенну.

Тогда он слишком обрадовался неожиданной удаче, и не предусмотрел никаких рычагов давления. Ричард с радостью согласился затянуть работы. Казалось, что он только выиграет от этого. Но теперь, когда линзы готовы, профессору не терпелось увидеть лица представителей ученого мира, когда антенна воспарит на антигравитационном луче.

Ему так хотелось поделиться своим открытием, что Ричард всерьез раздумывал над тем, чтобы опубликовать результаты.

Но он понимал разницу между статьей в журнале и зрелищным экспериментом. А для этого нужна энергия, которую Кирк собирается так бездарно разбазарить. К тому же, оспорить его авторство будет намного сложнее, если сразу после запуска никто кроме Ричарда не сможет объяснить

возникший эффект.

Расчеты давно были закончены, и передатчик можно было включать хоть прямо сейчас. Собственно говоря, он стоял полностью собранный, оставалось лишь подключить несколько модулей. Разумеется, на предстартовом испытании, он выдаст мощность гораздо меньшую проектной.

Как это воспримет Кирк Ричарда мало интересовало.

Он закрыл сообщение от Клауса, в котором тот поздравлял его с окончанием монтажа турбин, и подошёл к окну. Всё таки жаль, что в его новой квартире нет балкона. Впрочем, окно от пола до потолка, почти полностью компенсировало этот недостаток.

Признаться честно, в какой-то момент он засомневался а не стоит ли оставить научную карьеру? Карьера наркоторговца, конечно же, не предел мечтаний, но в ней есть свои плюсы. Например, этот пентхаус. Ричард испугался, когда всерьез об этом задумался. Он убеждал себя, что занимается этим неблагоприятным делом только ради своего открытия, но работа была завершена, а Ричард продолжал возить тирекс. Всегда нужно было ещё чуть-чуть то на отпуск, то на новую машину, то на квартиру. На самом деле, он просто привык к лёгким деньгам. Впрочем, переселение в элитный жилой комплекс с круглосуточной охраной было необходимо в любом случае: продолжил ли бы он заниматься опасным бизнесом, или же решил выйти из игры. Решение далось Ричарду нелегко, но он понимал, что когда продемонстрирует свое

открытие, его руки должны быть чисты. Слишком многие захотят порыться в грязном белье профессора Нома.

Да и не стоит искушать судьбу. И так все идёт слишком хорошо, за исключением того, что Кирк тянет время.

Ричард усмехнулся. Сколько раз он желал, чтобы Вармер немного ослабил свое внимание к проекту, и дал спокойно поработать над линзами. А теперь сам его торопит. Видимо, нужно чётче формулировать желания к сверхъестественным силам.

И, словно в ответ на его мысли, раздался вызов.

– Хэллоу, – поздоровался Кирк. – Не отвлекаю?

– Ничуть, – ответил Ричард. – Чем обязан?

– Я хотел бы поговорить о нашем проекте.

– А что о нем говорить? – пожал плечами профессор. – Работа движется слишком медленно. Я вообще не уверен, что в ближайшие несколько лет мы добьемся успеха.

Ричард находил даже где-то забавной уверенность своего собеседника в том, что их прослушивают, и даже получал некоторое удовольствие, подыгрывая ему. В любом случае, Вармер настоял на этом пункте, когда они заключали соглашение.

Кирк кивнул.

– Да, и это меня сильно беспокоит. Возможно, нам следует вместе подумать над альтернативными вариантами, где мы сможем добиться большего успеха.

Ученый насторожился.

– И что вы предлагаете?

Казалось, Вармер задумался.

– У меня есть несколько потенциально интересных идей, которые я хотел бы с вами обсудить. Не могли бы вы приехать в Нью-Йорк? Разумеется, все расходы я беру на себя.

Ричард старался казаться равнодушным.

– Как вы знаете, в ближайшее время прорывов в работе у нас не намечается. Думаю, могу себе позволить отлучиться на несколько дней.

– Очень хорошо, – удовлетворенно кивнул Кирк. – Я попрошу чтобы моя секретарша связалась с вами.

– Хорошо. Буду ждать звонка.

– Ну, тогда до встречи.

– До встречи, – попрощался Ричард и завершил вызов.

– Кто звонил? – поинтересовалась появившаяся в дверях Сью.

– Вармер. Звал в гости. Хочет поговорить о ходе испытаний.

– О! – обрадовалась Сюзан. – Мы едем в штаты?

– Ты – нет, – отрезал Ричард, указав глазами на ее округлившийся живот.

Немного подумав, женщина решила не обижаться.

– Ну и ладно. Терпеть не могу долгие поездки.

Ричард сделал мысленную пометку не забыть привезти ей подарок. Заметив, каких усилий ей стоит казаться безразличной, он добавил к будущему подарку еще и сережки.

Нет, определенно в его жизни началась белая полоса. Судя по всему, какой бы пасьянс Кирк не складывал, карты сошлись, и пришло время запуска.

– Самое сложное – это создать стабильное магнитное поле, которое бы удерживало плазму, – рассказывал гид. – Ведь шутка ли, в активной зоне температура достигает нескольких миллионов градусов. По сути, под вашими ногами находится небольшое рукотворное Солнце.

Туристы с опаской покосились на пол, и гид улыбнулся, заметив как одна из девушек, стуча каблучками, засеменила к выходу.

– Потрясающе! – гид едва сдержал проклятия, вновь услышав противный голос этого шумного американца. – А если бахнет?

Томасу нравилась его работа. Гибкий график позволял не пропускать занятия, зарплата, пусть и не очень большая, помогала оплачивать счета. Но, самое главное, ему как студенту физического факультета, было приятно чувствовать, что он вносит свою лепту в популяризацию любимой науки.

– Уверяю вас, – сжав зубы, сказал он. – Этот тип станций совершенно безопасен.

– Ага. Про атомные говорили то же самое.

Прежде чем ответить, Томас несколько раз глубоко вздохнул.

– Главное отличие, в этом плане, реакции синтеза от ре-

акции расщепления, что при возникновении нештатной ситуации, первая затухает, а не превращается в цепную.

– А как же тритий и дейтрий? – не сдавался турист.

– Дейтерий, – поправил Томас.

– Пусть так, – махнул рукой американец. – Даже если хоть одна капля попадет в океан, всему живому конец на Земле.

Такие твердолобые люди невероятно раздражали Томаса. Им невозможно было что-то доказать, и, хуже того, совершенно не разбираясь в вопросе, они обладали просто каким-то даром заражать других уверенностью в собственных заблуждениях. Едкое замечание уже было готово сорваться с его губ, как внимание туриста резко переключилось на бутаторский пульт.

– Сфотографируйте меня на фоне кнопок, – ткнул он пальцем в пульт, и с привычной бесцеремонностью схватил соседа за рукав.

Тот обреченно поплелся за американцем, а Томас с облегчением вздохнул.

Другие туристы разбрелись по залу, но большинство облюбовали играющий огнями пульт. Длинноволосая девушка примеряла каску, придирчиво рассматривая свое отражение и выбирая как бы поэффектнее стать, группка иностранных школьников смеялась, тыкая пальцем в табло «Achtung», пожилая пара тихо переговаривалась, обсуждая то, что успел рассказать гид.

Когда Томас позвал продолжить экскурсию, американец,

видимо увлекшись, продолжал позировать у пульта. Гиду было немного жаль парня, который продолжал фотографировать американца, но вместе с тем, он испытывал огромное облегчение. В конце концов, это был всего лишь павильон, построенный специально для туристов, и ничего страшного не случится, если они продолжат дальнейший осмотр самостоятельно.

– Ну и чего ты к пацану прицепился? – спросил Денис, когда группа скрылась из виду. – Или ты принципиально теперь всех немцев ненавидишь?

– Раз уж мы все равно здесь, почему бы не провести небольшую агитацию? – улыбнулся Уильям.

– Так ты бы тогда уже лучше напирал на гиену огненную, которая распахнет ворота в ад усилиями отдельно взятых ученых.

– В этом направлении мы тоже работаем, – серьезно кивнул американец. – Церковь даст нам с тобой сто очков вперед в плане формирования общественного мнения.

– Это точно, – согласился Давыдов. – Пошли на свежий воздух, что ли. Надоело мне по этому музею бродить.

Они вышли на улицу, и присели в ближайшем кафе.

– Как-то тут немногочисленно, – Уильям обвел недовольным взглядом пустой зал. – Вряд ли здесь хорошая кухня.

– Рабочий полдень, – пожал плечами Денис. – Все на работе.

Он вызвал на экран коммуникатора меню, и начал резво

щелкать по позициям. Американец нехотя пролистал до напитков и выбрал колу в бутылке.

– Ну, чем порадуешь? – спросил генерал, сделав заказ.

– Как мы и ожидали, немцы помогать не станут.

– Это понятно, – кивнул Уильям. – Мы предлагали полное возмещение затрат на строительство, но они посчитали еще и упущенную прибыль. А сумма там получается астрономическая.

– Вы, как всегда, не мелочитесь, – скривился Денис. – Наше предложение было скромнее: открыть северный путь для торгового флота, если первые три года после запуска будут продавать всю энергию исключительно странам Балтии.

– Хорошее предложение, – подумав, согласился Уильям. – И что?

– Отказались, – вздохнул Денис. – Видимо, считают что смогут извлечь больше пользы, связав запуск станции и волны.

– Может быть, все это и не понадобится. Агент в Номе сообщает, что исследования практически свернули, а сам Вармер, похоже, переключился на поиск других проектов.

– У нас такая же информация, – кивнул Давыдов. – Предлагаешь все пустить на самотек?

– Разумеется нет, – возмутился генерал. – Предлагаю взять тайм аут, встретить Рождество, а потом вернуться к этому вопросу.

– Знаешь, – после долгой паузы сказал Давыдов. – Мне

кажется, зря мы заварили эту кашу. Вармеру, конечно, мы не дадим послать сигнал, но сама идея носится в воздухе.

– Теперь идея с «агрессивно настроенными цивилизациями» не кажется тебе глупой? – усмехнулся генерал. – Раз уж ты засомневался, значит обыватели и подавно нуждаются в защите космическим флотом.

Группа на сцене орала что-то бессвязное, и Брайан никак не мог уловить о чем песня. Какая-то королева, которую хранит Бог, и поэтому ни для кого нет будущего.

Он перевел взгляд в битком набитый зал. Зрители бесновались и подпевали. Скотт решил, что они соревнуются, у кого получится наиболее гадко. Выигрывал пока солист.

Брайан подозревал, что Джек просто хотел над ним поиздеваться, позвав на этот концерт. Но, посмотрев на него, решил, что тому действительно нравится. Они были в самой гуще толпы, и Брайан то и дело отталкивал скачущих фанатов, когда те, прыгая и вопя, цепляли его. Джек орал и скакал вместе со всеми, и только это сдерживало Скотта, от того, чтобы разбить кому-нибудь морду.

Брайан с трудом дождался окончания, и вывалился на улицу. Следом за ним вышел Джек.

– Классная музыка! – сказал он.

– Ага, – без энтузиазма согласился Скотт.

– Ты вообще хоть слышал о «Секс Пистолз»? – вздохнул Джек. – Это же классика.

Скотту было глубоко наплевать и на этих пистолетов и на всю классику в целом. Для него было важно, что Джек, кажется, наконец-то, готов с ним работать. После того, как этот долбанный хоппи его кинул, дела шли не очень. Когда деньги текли рекой, Брайан, скорее из прихоти, открыл ломбард и прикупил долю в ночном клубе. До старого Давида ему было далеко, а доход с дискотек почти полностью уходил на зарплату персоналу. По крайней мере, так говорил управляющий. Скотт подозревал, что это не совсем правда, но поговорить с ним по душам никак не доходили руки.

Старая банда потихоньку расползалась. Парни были недовольны что в последнее время рисковать приходится много, а выхлопа получается мало. Они уже успели привыкнуть к непыльной работенке с хорошим вознаграждением, и не хотели понимать, что лафа закончилась: у Брайана больше не было ни тирекса, ни Джека, которому постоянно требовалась его помощь.

Если это поможет наладить отношения, Скотт готов был слушать хоть «Секс пистолз», хоть пение дельфинов.

Джек, исподтишка наблюдая за Брайаном, прекрасно понимал ход его мыслей. Он не питал иллюзий, и знал, что все его «партнёры» люди крайне не надёжные, и в первую очередь оценивают собственную выгоду. Скотт не был исключением, но на его лице явно читалось отчаяние. Джек не сомневался, что Брайан сделает все от него зависящее, чтобы вернуть доверие.

– Ладно, концерт тебе не понравился, надеюсь, против выпивки ты возражать не будешь? – спросил Джек. – Кстати, у меня к тебе есть дело.

Заметив как загорелись глаза Брайана, он решил, что нужно держать Скотта поближе, на случай, если возникнет необходимость в не очень умном, но в меру преданном парне.

– Я бы тебя спросил, как ваше управление проморгало всю подготовку, но думаю ты, как и я, уже устал отвечать на этот вопрос, – мрачно сказал Денис.

– Знал бы я ещё что отвечать, – угрюмо отозвался Уильям.

Весь предварительный анализ говорил о том, что Кирк не надеется на удачное завершение проекта, а агенты на полигоне утверждали, что Ричард Ном не может сдвинуться с мертвой точки. Скорее всего, устав от всей этой возни, и расслабившись в преддверии праздников, они просто не уделили достаточно внимания деталям, подумал Денис.

Где-то там была центральная площадь Грайфсвальда, украшенная едва ли не пышнее чем на Рождество. Рестораны и магазины, желая завлечь туристов, блистали огнями гирлянд и соревновались в оригинальности слоганов, убеждая, что будет громаднейшей ошибкой не посетить именно их заведение. Куда бы прохожий не повернул голову, на него обрушивалась назойливая реклама. Спасением были лишь развешанные повсюду огромные экраны, демонстрирующие снимки с телескопов, перемежающиеся компьютерной графикой. Все сюжеты были посвящены либо предположениям как могут выглядеть инопланетные формы жизни, либо описывали принципы, что используются для их поиска.

Но и этот островок спокойствия был весьма неустойчив. В

один момент все экраны взрывались рекламой, захлестывая уже успевших расслабиться людей.

Местные жители старались без лишней необходимости не появляться в центре, но вездесущие туристы, словно муравьи, не зная чем занять себя до запуска, слонялись по небольшому, словно сошедшему с картинки городку, заглядывая в каждую щель. Их в равной степени интересовали и похожие на игрушки средневековые домики, и новостройки, и порт. И было совершенно неважно, что антенна, и электро-станция питающая ее, расположены почти в двадцати милях южнее.

– Нужно было ликвидировать обоих и дело с концом, – проворчал Уильям, имея ввиду Кирка и Ричарда.

– А также всех, кто работал над проектом, а потом их родственников, а потом домашних животных, – кивнул Денис.

– И рыбок, – согласился генерал. – Эти самые болтливые. По крайней мере, хуже бы точно не было.

Давыдов скривился. В чем-то он был согласен с американцем. Вряд ли при их жизни проявятся последствия запуска, но в том, что они будут – Денис не сомневался. Он считал маловероятным, что инопланетяне услышат сигнал, хотя и такое развитие событий нельзя сбрасывать со счетов. Но гораздо более опасной была сама идея поиска. Не приходилось сомневаться, что адепты нового знания не дадут угаснуть интересу к волне, и с каждым годом все больше энтузиастов будут находить доказательства веземной жизни.

Денис не сомневался, что, в конце концов, это серьезно аукнется всему человечеству. Эксперимент, на который было потрачено столько усилий, прочно войдет в мировую культуру, и станет постоянным источником головной боли. Наверняка найдутся и сумасшедшие, что возомнят себя мессиями, услышавшими глас иных цивилизаций.

Он не хотел себе даже представлять, с какими проблемами, вызванными сегодняшним запуском, столкнуться его коллеги в будущем.

Любая идея должна вызреть, постепенно занимая положенное ей место, а не врываться словно локомотив, круша все на своем пути. Что было бы, если, например, дешевые электромобили сразу бы заполонили рынок? Коллапс, вызванный резким падением цен на нефть, и усиленный дефицитом электрической энергии.

Так и сейчас – нужно немного придержать прогресс, направить его в нужное русло. Китай, как всегда, едва почувствовав начавшую меняться конъюнктуру, очертя голову бросился вперед, спутав карты остальным игрокам. Не завтра, так послезавтра ресурсов станет не хватать и людям придется отправиться за ними в космос. И было бы глупо ограничиваться одним лишь Марсом. Сейчас важно сформировать структуру, которая будет обладать реальной силой, и не допустит повторение Дикого Запада в масштабах Солнечной системы.

А населению Земли был нужен космический флот, спо-

собный защитит от пришельцев.

И совершенно не нужны пришельцы. По крайней мере, настоящие.

Полицейская форма сидела просто идеально, не в последнюю очередь благодаря тому, что от волнения спина Брайана была невероятно напряжена, а сам он вытянулся словно струна. Пытаясь отмазаться, Скотт сказал, что он не знает немецкого, но Джек только рассмеялся.

– Не волнуйся. На форме будут знаки отличия отдела внутренних расследований. Ни один полицейский не захочет с тобой разговаривать.

Видя, что Брайана не убедили его слова, Джек вмиг стал серьезным.

– Пойми, старик, такие бабки нам вряд ли еще когда-нибудь заплатят. Было бы глупо отказываться.

«Вот сам бы и поставил», – подумал Скотт.

– Ты же сам говорил, что смотреть там нечего, – проворчал он.

– Нечего, – пожал плечами Джек. – Это же не запуск ракеты. Вот каналы и лезут из кожи вон, чтобы хоть как-то выпендриться.

Брайан промолчал. Ему не слишком нравилась эта затея, но отказываться было нельзя. Джек и так держал его на голодном пайке, лишь время от времени подкидывая какую-никакую работенку, а деньги от продажи «Бентли» уже

заканчивались. При воспоминании о том, сколько он вывалил за эту колымагу, и за сколько ее удалось толкнуть, Скотт поморщился.

По крайней мере, пока все шло по плану. При виде его полицейские сторонились, словно от прокаженного. Лишь один метко сплюнул на ботинки, прежде чем отвернуться.

Брайан на мгновение забыл где находится, и собирался предъявить претензию по поводу испорченной обуви, но одобрителный гогот за спиной, вперемешку с немецкой речью, вовремя заставили его одуматься.

Внутри кипел гнев, но чувство самосохранения не давало ему выплеснуться наружу. Сжав зубы, Скотт продолжал шагать вперед, сосредоточив внимание на вышке.

Выглядела она так же, как и на изображениях, без которых не обходились ни выпуски новостей, ни социальные сети: почти точная копия основания Эйфелевой башни, с водруженным на нее ажурным шаром. Сооружение стояло на небольшой возвышенности, и Скотт с облегчением отметил, что поблизости нет ни полицейских, ни журналистов.

Он бросил взгляд на часы, и убедился что до запуска оставалось чуть менее часа. Минут пятнадцать чтобы дойти, еще минут десять на установку, итого, он как раз укладывается во время, оговоренное с Джеком. Еще немного, и он отправится домой, и как следует оторвется, когда получит свою долю.

Мечтая о том, какую вечеринку закатит, Скотт настолько расслабился, что даже начал насвистывать мелодию. Эти

«Секс пистолз» оказались не так уж и плохи. После концерта он скачал несколько треков, и теперь думал, что было бы неплохо врубить их для гостей. Да, определенно. Управляющий снова будет ворчать, что не гарантирует прибыли, если Брайан постоянно устраивает закрытые мероприятия, но заткнется, если напомнить о предшественнике, отъехавшем с переломанным носом.

Погруженный в свои мысли, он не сразу заметил солдата, словно выросшего из-под земли. Тот преградил ему путь, и что-то спросил. Единственным понятным словом было «аусвайс».

Брайан словно врос в землю, вцепившись в кейс с камерой. Джек говорил, что будут только полицейские, а с ними проблем не будет.

Солдат повторил вопрос, и не дождавшись ответа, бросил короткий приказ в сторону. Скосив взгляд, Скотт заметил едва заметное движение в кустах неподалеку. Скорее почувствовав, чем разглядев направленное на него дуло автомата, он задержал дыхание.

Несколько секунд спустя из-за холма выскочил джип, подлетел к ним, и едва оттормозился, как двери распахнулись, и появившиеся солдаты взяли его на прицел.

Раздалась команда, и Брайан, так ни слова и не поняв, осторожно поставил кейс, и поднял руки.

«Нет, все-таки, «гравитационные накопители» более пра-

вильное название», — думал Ричард, проводя тестовый прогон систем управления. Он мысленно достал лист с предстоящей речью и везде исправил «линзы» на «накопители». Видимо, такое название закрепилось в его сознании во время работы над турбинами. Когда идея только зародилась, он представлял единственную область применения — гравитационный луч фокусируется внутри корпуса и поддерживает ротор.

Ричард улыбнулся. С некоторой натяжкой, можно сказать, что именно так все и получилось. Двенадцать накопителей располагались равномерно под антенной, и на всех схемах были обозначены как «фокусирующее устройство гравитационной волны». В этом не было ни слова неправды, а то, что данная часть не имеет отношения к устройству формирования и отправки сигнала, легко было понять ознакомившись со схемой. И не его вина, что ни Вармер, ни кто-либо другой не имели ни достаточного желания, ни квалификации, чтобы утруждать себя такими мелочами.

Когда они высвободят свою энергию, и создадут антигравитационное поле — зрители решат, что парящая антенна тоже часть шоу.

В отчете (или точнее презентации), он ничего не скрывал, и в дополнениях были приведены все характеристики с математическим обоснованием, в которых, в частности, и описывался принцип действия накопителей. Там же было указано, что около четырех процентов мощности электростанции

будет направлено на обеспечение их работы, что, свою очередь, не приведет к существенному снижению энергии волны.

Немного поколебавшись, Ричард включил в отчет часть, где говорилось, что на практике не удастся достичь необходимых параметров, которые теоретически рассчитал Аш Вармер, и существует вероятность, что детекторы не смогут зарегистрировать отраженный сигнал.

Кирк же просто отмахнулся от данного замечания. Его больше интересовало как сделать отправку зрелищной.

Вспомнив монтаж почти шестидесяти тысяч светодиодов и аппаратуры управления на шар антенны, Ричард скривился. Это была не самая сложная работа, но самая муторошная точно. Впрочем, немного подумав, он пришел к выводу, что это и к лучшему: когда шар поднимется на луче антигравитации (он снова скорчил мину, отметив, что нужно будет придумать менее заезженный термин), мощная иллюминация добавит драматический эффект.

Профессор рассмеялся, напугав копошащихся рядом техников. Все-таки, общение с Вармером не прошло зря.

Один за другим загорались сигналы, подтверждающие готовность систем, и Ричард, произнеся про себя короткую молитву, дал питание на антенну.

– Начинается, – сказал Денис. Несмотря на все усилия, в его голосе слышалось напряжение.

Ульям, также находящийся на взводе, вместо того, чтобы рывкнуть «Сам вижу», спокойно ответил:

– Рано. Подождем пока закончится тест.

Давыдов бросил на него мимолетный взгляд, и подавил желание ответить колкостью. Оба испытывали одинаковые чувства, заставляющие сомневаться в собственной пригодности. Несмотря на то, что они подготовились к такому развитию событий, как ни крути, допустить чтобы проект дошел до финальной стадии было верхом непрофессионализма.

Снизу донесся рев толпы, и Денис перевел взгляд на антенну.

По всей поверхности шара хаотично загорались и гасли белые огоньки, перемигивались, создавая постоянно меняющийся рисунок, который словно вот-вот должен был сложиться в какую-то структуру, и вновь распадался. Денис вынужден был признать, что зрелище получилось эффектное.

Шум стал какой-то ритмичный, и Денис понял, что это уже не рев толпы. По-видимому, включились низкочастотные динамики, чтобы дополнить светопредставление. Через несколько мгновений ритмы огней и звуков синхронизировались, и люди отреагировали восторженным возгласом, что едва не обрушил балкон под ногами Дениса и Уильяма.

Огни погасли, а вместе с ними стих и шум. Несколько секунд спустя шар едва заметно засветился голубым светом, и постепенно стал разгораться.

– Пошел заряд конденсаторов, – ни к кому не обращаясь, прокомментировал Денис.

– Не бойся, солдат. У нас в запасе ещё четыре минуты, – Уильям улыбнулся, но Давыдов не обратил внимание на шутливый тон, и все так же продолжал смотреть на антенну.

Генерал набрал пароль на коммуникаторе, и перед ним появился пульт с единственной кнопкой красного цвета.

Заметив голограмму, Денис наконец улыбнулся.

Как только началось накопление энергии для импульса, внимание Ричарда привлекла флюктуация во второй турбине. Сбой был незначительным, едва на пороге чувствительности, и длился менее секунды. Обычный оператор на его месте не обратил бы особого внимания на это событие, отметив лишь в журнале: «Замечена исчезающее малая прецессия ротора».

Профессор Ном не мог себе позволить игнорировать даже намек на неисправность, и вызвав на дисплей данные, нахмурился, не в силах понять в чем причина. Определенно, это был небольшой скачок напряжения на гравитационных подшипниках, но чем он вызван – сказать было решительно невозможно.

Подхватив терминал, Ричард бегом бросился в зал с турбинами, то и дело поглядывая на экран. Обе кривые были идентичны, и именно такими, как им и полагалось быть.

Несмотря на то, что до машинного зала было не более

трехсот футов, дыхание Ричарда сбилось, а руки дрожали настолько, что он смог лишь со второго раза подключиться к разъему аппаратуры контроля, на который поступали данные с обвешанных всевозможными датчиками турбин. Вармер скрепя сердцем согласился на дополнительные расходы, и чуть было не отказался когда услышал стоимость необходимого оборудования, но Ному удалось его убедить. Если в обычных условиях вполне достаточно стандартного контроля, и в случае необходимости можно уменьшить мощность при возникновении нештатной ситуации, то в их случае, когда дорог каждый квант энергии, лучше перестраховаться, и иметь возможность следить за всеми параметрами, какими только возможно.

Ричард лихорадочно перебирал показания от разнообразных датчиков, тратя лишь несколько секунд на данные в каждом из окон, всплывающих бесконечным потоком. Ничего. Ничего. Ничего. Замедление вращения. Ничего. Стоп!

Он вернулся к показаниям момента силы и замер. Разум отказывался верить. По всему выходило, что на несколько фемтосекунд Земля стала тяжелее в несколько раз, и сместилась куда-то в сторону. По крайней мере, об этом говорил гравитационный вектор. Взяв себя в руки, Ричард отбросил эту абсурдную мысль, и проверил датчики расположенные в других местах. Само собой, ему и в голову не пришло размещать приборы для измерения гравитации, но быстрая проверка нескольких устройств не показала каких либо измене-

ний в работе на том же промежутке времени. Впрочем, ничего иного он и не ожидал, но убедиться было необходимо.

Откинув в сторону все версии, не выдерживающие критики, профессор Ном пришел к единственному верному решению: изменения характеристик поля напрямую связаны с включением антенны. Он проверил время возникновения флуктуаций, и удовлетворенно кивнул. Так и есть. На несколько секунд он забыл и о Вармере, и о волне, и о накопителях. Он может дополнить теорию самого Аша Вармера! При всей его гениальности, он пропустил явление резонанса! А ничем другим это быть не могло.

Ричард улыбнулся. Он уже представил себе, как будет разъяснять широкой публике суть своего открытия. Начнет он, пожалуй, со школьного примера, когда солдатам на переправе отдается приказ идти не в ногу, чтобы собственная частота моста и частота шага не совпали, бесконечно усиливая амплитуду колебаний, и доводя энергию до таких значений, что, в конце концов, она разрушит мост.

Впрочем, это не совсем правильно, тут же поправил он себя. Судя по всему, этот эффект (эффект Ном), преобразовывает доступную энергию в гравитационную, а следовательно, возможен и обратный процесс.

У Ричарда перехватило дыхание. Неужели это путь к конвертации энергии? Такое открытие не только бы поставило его в один ряд с Вармером и Энштейном, но и полностью преобразило бы современную физику!

Он рывком поднялся, собираясь бежать к антенне, чтобы выяснить, что именно способствовало возникновению этого эффекта. Ричард уже было сделал шаг в сторону, когда возобладали здравый смысл.

Даже в лаборатории не всегда удастся контролировать процессы, а уж работающая электростанция совершенно неудачное место для опытов. Кто знает, к каким последствиям может привести абсолютно неизученный эффект.

Эксперимент нужно прекращать.

Шар разгорелся до максимальной яркости, ненадолго погас, и иллюминация сменилась полосами. Периметр шара опоясывало голубое свечение снизу, и потом устремлялось вверх, по пути меняя цвет на зелёный, потом красный, и исчезало на верхушке антенны.

– Закройте уши, сейчас будет большой бум, – сказал Уильям, собираясь нажать красную кнопку.

– Ставлю сотню, что мы ничего не услышим, – мрачно отозвался Денис.

– Идёт, – тут же согласился Уильям.

Ему было все равно, как сработает устройство, помещенное под фундамент второй турбины при строительстве. Нельзя сказать, чтобы это было изящное, или хотя бы, ведущее к предсказуемым последствиям решение, но других альтернатив просто не существовало.

Сработает ли автоматика отключения, или же вся станция

взлетит на воздух – генералу было без разницы. Он слишком устал от всей этой возни, и хотел побыстрее получить заслуженный выговор или награду, и отправиться в полагающийся отпуск на тропический остров, чтобы целый месяц валяться с семьёй на пляже и ни о чем не думать.

Денис же надеялся, что результаты не будут катастрофическими. Он проследил за тем, чтобы устройство поместили на максимально допустимую расчетную глубину, не только чтобы уменьшить вероятность обнаружения, но и потому, что это снижало шанс вызвать критические разрушения.

На самом деле маскировка не была так уж необходима: если даже и произойдет взрыв, который разворотит фундамент, устройство вряд ли удастся опознать. Кроме индукционных катушек, платы управления, аккумуляторов и конденсаторов, внутри было несколько емкостей с кислотой, которые после включения раскроются и уничтожат все следы.

Но вот что произойдет после срабатывания – оставалось загадкой.

Чтобы фиксировать ротор, было необходимо поддерживать мощное переменное магнитное поле, и несмотря на несколько слоев экранирования, оно распространялось далеко за пределы турбины.

В спящем режиме мина, используя явление электромагнитной индукции, должна была зарядить аккумулятор, а потом в едином импульсе выбросить накопленную энергию, создав собственное магнитное поле, нарушающее работу гра-

витационных подшипников.

Вслед за этим (здесь мнение всех аналитиков сходилось), автоматика должна была попытаться компенсировать возникшие силы, вызвавшие биение оси, а вот дальше шли исключительно догадки. Одни предполагали, что произойдет аварийное отключение, другие же считали, что алгоритмы построены так, что в приоритете обеспечение работы при любых условиях.

Денис не сомневался в словах специалистов, когда те говорили, что конфигурация поля будет такова, что ни один компьютер не сможет принять правильного решения. Но он искренне надеялся на первый вариант. В любом случае станция прекратила бы свою работу, надолго похоронив в разбирательствах идею волны, но, по крайней мере, не повредив идее термоядерного синтеза.

– Чего ты тянешь? – раздраженно бросил Давыдов. – Запускай давай.

Словно только и ожидая этих слов, Уильям активировал магнитную мину.

Ричард не сомневался в правильности принятого решения. Если эксперимент невозможно контролировать – его нужно прекращать. И тем не менее, он никак не мог решиться сделать последний шаг. Гравитационный резонанс обесмертит имя Ричарда Нома, но пока он не проведет необходимые расчеты, придется побыть посмешищем. Человеком,

что напортачил с волной.

Ричард смотрел на терминал, экран которого отображал панель контроля турбин, и боролся с искушением подождать две минуты. Картинка была идеальная: генераторы работали ровно.

Всего две минуты необходимых чтобы создать пул энергии, и отправить волну. Две минуты, до того, как антенна станет не нужной, и шар поднимется на гравитационном луче.

Ричард с тоской подумал, что если бы смог продержать турбины включенными, то больше не пришлось бы ломать голову, где добыть финансирование: после такой демонстрации научные центры наперебой умоляли бы его взять руководство лабораторией.

Отбросив мечты, и смирившись с тем, что нужно будет восстановить сотрудничество со Скоттом, Ричард дал команду на аварийное отключение. Пошел обратный отсчёт, и чтобы не было соблазна его отменить, Ричард заложил руки за голову.

Как и любое устройство, созданное для военных, это обладало изрядным запасом прочности. Когда из-за возникшего резонанса система управления резко увеличила напряжённость магнитного поля, и почти незаметная для турбины энергия расплавила индукционные катушки и практически уничтожила изотопную батарею, мина уцелела, и получив

команду на срабатывание, смогла выдать почти четверть запланированной мощности, прежде чем катушки окончательно сгорели.

Едва заметив биение ротора, Ричард инстинктивно подался вперед, и перехватил управление.

Уступая компьютеру в скорости, он обладал интуицией, которая позволяла предугадать как измениться тензор, и внести коррективы ещё до момента изменения.

По вискам профессора тек пот, мышцы спины свело, но ось вращения начала стабилизироваться.

Ричарду казалось, что любое движение занимает если и не часы, то десятки минут, и он успевал продумывать свои действия наперед, строя планы, и на ходу внося в них изменения.

Несмотря на уверенные движения, он ежесекундно боялся совершить непоправимую ошибку.

Лопасты на вершине турбины стали разогреваться, и Ричард добавил хладоген, одновременно снижая давление внутри статора, чтобы уменьшить трение.

Это позволило снизить температуру, но одновременно увеличилась и скорость вращения.

Система, имевшая четкие указания сколько энергии, когда и на какие цели направлять, не зная что делать с возникшими излишками, направила их на подшипники.

Ричард зарычал.

Поле внутри подшипника сдавило вал, создавая сопротивление. Теперь ротор стал разогреваться снизу.

Он быстро переключился на антенну, ища как можно утилизировать энергию. Все модули работали с максимально допустимой перегрузкой, и дополнительное увеличение почти наверняка вывело бы какой-нибудь из них из строя.

Хлынувшая обратно на подшипник энергия заставила бы ротор мгновенно остановиться, и не зная куда девать высвободившуюся кинетическую энергию, стотонная болванка сорвалась бы с креплений, круша все на своем пути.

Ричарду ничего не оставалось, как направить излишки на гравитационные накопители.

Накопитель номер семь при монтаже был децентрирован, и вместо того, чтобы добавить свою энергию к гравитационному зеркалу, созданному остальными одиннадцатью, стал его закручивать, превратив в сингулярность, размером едва превышающую атом.

За несколько мгновений своего существования, она успела поглотить волну, выбравшую именно этот момент, чтобы устремиться в космос.

Миллиарды непостижимых процессов, не поддающихся математическому описанию, произошли внутри за это время, и, по видимому, выполнив свое предназначение, сингулярность распалась.

Побочным эффектом стала тысячекратно усиленная вол-

на, выброшенная к звёздам.

В соответствии с программой управления, система, зарегистрировав отправку, автоматически перешла ко второй фазе, и снова подала питание на накопители.

Но конфигурация была нарушена, и хлынувшая энергия ушла на формирование микроскопической черной дыры, на несколько порядков превосходящей сингулярность.

Несмотря на то, что устройство сработало, Уильям продолжал раз за разом нажимать на кнопку.

Денис быстро просматривал отчеты из разных источников, пока не убедился, что они окончательно провалили задание. Станция продолжала работать, а несколько обсерваторий уже успели сообщить, что зафиксировали отправку волны. Он отключился от сети, и достал две кубинские сигары, что поберег именно для этого случая. Правда, выкурить их Давыдов рассчитывал в более торжественной обстановке. Одну сигару он протянул Уильяму.

Глядя на абсолютно спокойного русского, генерал чуть было не взорвался. Он собирался высказать все, что думает по поводу этого задания, высоких договоренностей, умственных способностях руководства, но как-то, в один миг, осознал, что это не имеет значения. Глядя на Дениса, он понял, что несколькими минутами ранее тот испытывал такие же чувства. Генерал ощутил как на него наваливается безразличие. Все кончено. Задание провалено.

Он взял предложенную сигару, достал гильотину, и, после того, как обрезал край, протянул Давыдову. Тот отрицательно покачал головой, и просто откусив, выплюнул кусок за край балкона.

– Вот меня, после того как разжалуют, отправят в Сибирь убирать снег, – мрачно сказал Денис, выпустив облако дыма. – А ты чем займешься?

Уильям пожал плечами.

– Если не расстреляют – пойду в супермаркет охранником.

– Расстреляют? Я думал, у вас на электрический стул сажают, – удивился Давыдов.

– Я же офицер, – обиделся генерал. – Мне расстрел положен.

Ричард продолжал бороться с биением ротора. Амплитуда неуклонно сокращалась, но все еще представляла серьезную опасность, с которой вряд ли бы справилась автоматика. Он совершенно забыл о накопителях, пытаясь стабилизировать турбину.

Крепление лопнуло, и болт исчез поглощенный черной дырой. Ее масса росла, и не в силах противостоять гравитации, опоры антенны стали искривляться. Все больше мелких деталей втягивались внутрь искривленного пространства, и, наконец, масса достигла критического значения.

И перед тем как взорваться, словно в агонии, она нащупала подшипник турбины, и возник резонанс.

Если бы Ричард Ном смог проследить этот процесс, то, пожалуй, убедился бы, что пример с солдатами и мостом весьма и весьма удачен.

– Ты знаешь, – задумчиво выпустив очередной клуб дыма, сказал Денис, – я всегда думал об этом как о задании. Сформировать общественное мнение. Помешать Китаю. Сама волна для меня оставалась некой абстракцией, словно какой-то фильм, который никогда не снимут.

Уильям нехотя кивнул.

– Как-то не очень умно было сообщать всей Вселенной собственные координаты.

– Зато на ура справились с задачей убедить общественность в необходимости флота.

Генерал фыркнул.

– Вот теперь это уже точно не наша забота. Мы с тобой не доживем до межзвездной войны.

Денис хотел возразить, что теоретически возможны путешествия выше скорости света, но тут антенну окутала вспышка, и несколько секунд спустя, их сбила с ног взрывная волна.

В гостинице не осталось ни одного целого стекла, а само здание заходило ходуном, осыпаясь штукатуркой.

В наступившей следом звенящей тишине, Денис осторож-

но поднялся, и спросил:

– Британцы?

– Не похоже, – ответил Уильям поднимавшийся, держась за стену. – Насколько я знаю, они планировали сжечь опору термитом.

Раздался второй взрыв, и они повернули головы в сторону станции. На месте машинного зала висело облако пыли, внутри которого плясали языки пламени.

– Турбины? – удивился американец. – Там же сейсмозащита.

– Точно британцы, – со злостью сплюнул Давыдов. – Как всегда вовремя и со спецэффектами.

Со времени запуска прошло почти восемь минут, и Землю накрыл небывалый солнечный шторм.

Скотт смотрел на Джека, и думал, как же так получилось, что один из них не лежит в канаве с пробитой головой? После того, как немцы засадили Брайана в каталажку, он поклялся, что свернет шею этому любителю древней музыки. А вместо этого они сидят в пабе и мирно беседуют.

Нет, конечно, если бы Джек просто заявился, и предложил забыть прошлое – Брайан не стал бы его и слушать.

Вернувшись в Лондон, Скотт всюду разыскивал бывшего приятеля, но тот словно в воду канул. И тем обиднее было, когда он появлялся то тут, то там, передавая через общих знакомых просьбы проверить то или иное дельце.

Первое время Брайан бесновался, и гонцы, несущие вести от Джека, бывали биты. Но понемногу он остыл, и, скрепя сердцем, взялся перегнать грузовик на побережье. Работа оказалась непыльной, а заплатили более чем прилично.

После нескольких таких «операций», Скотт сообразил, что жить как-то нужно и согласился на встречу. И тем не менее, только мордовороты, которых привел с собой Джек, что сейчас мирно сидели за соседним столом, сдерживали Брайана от того, чтобы открутить приятелю голову.

– Пойми, старик, – лицо Джека выражало искреннее сочувствие. – Я сам был не в курсе. В конце концов, ты же открывал кейс.

Брайан вынужден был согласиться. В чемодане действительно была камера, и по этому поводу он ничего не мог предъявить Джеку.

– Думаешь я специально? А кто, по-твоему, нашел журналогу?

Что правда, то правда. Брайан подозревал, что как бы он не придерживался версии, что всего лишь хотел обеспечить прямую трансляцию запуска, вряд ли бы это прокатило, если бы книга не наделала столько шума.

Поняв, что Скотт колеблется, Джек спросил:

– Ты мне веришь?

Поколебавшись, Брайан кивнул:

– Да.

Джек протянул руку, и Брайан без особой охоты ее пожал.

Бывший агент британской разведки мысленно улыбнулся: как, все-таки легко с этими парнями. Стоит подбросить немного денег, немного подправить историю, чтобы удовлетворить их самолюбие, и получаешь дружественных подрядчиков, готовых, как они считают, работать на взаимовыгодных условиях.

Джеку давно осточертела работа на правительство. Пять лет он рвал жилы на этом задании, а что в итоге? Золотые часы и выходное пособие. Спасибо хоть не обвинили что не предусмотрел и не предотвратил шторм. С них бы случилось.

Что ж, тирекс обеспечит ему безбедную старость, если Брайан будет играть на его стороне.

– Книга зачетная, – буркнул Скотт.

– Ты же не думаешь, что я абы кого подрядил на это дело? – сделал вид что обиделся Джек.

На самом деле, ему даже было бы интересно посмотреть на этого журналиста: книга получилась весьма стоящая. Ричард Ном – чуть ли не воплощение мирового зла, не гнушающийся ничем, чтобы навредить человечеству, и парень с окраин, делающий все, чтобы остановить его. Наверное, она даже представляет какую-то литературную ценность: как никак, все-таки, мировой бестселлер.

– Эй! Поакуратнее! – перекрывая шум раздался откуда-то сбоку хорошо поставленный голос.

Как нельзя кстати. Джек, не поворачивая головы, мог бы с уверенностью сказать, что виноват в заварухе кто-то из банды Брайана. Самое время проверить, готов ли Скотт выполнять приказы.

– Разберись со своими парнями, – бросил он.

Брайан молча встал и направился к стойке.

Джек откинулся на стуле, и с интересом наблюдал за развитием событий. Быкоподобный подручный Брайана как раз дал хорошего пинка шуплому посетителю, и тот отлетел на добрые полдюжины ярдов.

– Не вякай, – громила сплюнул на пол, и развернулся, чтобы уйти.

Джек покачал головой. Кажется, крупный недооценил противника. Скотт едва успел сделать пару шагов, как шуп-

лый, бросившись словно змея на обидчика, сбил того с ног.

Секунду спустя он вскочил, и схватив подвернувшуюся бутылку, разбил ее о край стола.

Брайан, понимая, что Джек наблюдает за ним, громко сказал:

– Хватит! Я Брайан Скотт. Слышал про такого?

Мужчина, уже готовый бросится в атаку, остановился, и немного подумав, отбросил бутылку, после чего кивнул.

– Который «Моя судьба»? – спросил он.

Брайан скривился.

– Я предлагал назвать книгу «Моя борьба», но журналюга не согласился.

Мужчина рассмеялся, и сделав шаг вперед протянул руку:

– Винсент Хьюз. Викарий протестантской церкви.

– Святоша? – Брайан покосился на разбитую бутылку, которая еще недавно была в руке священника. – Такая церковь мне подходит.

Джек решил, что со Скоттом можно работать.

Джек не ограничивался тирексом. В свое время, выполняя задание британского правительства, он пытался организовать что-то вроде сети по всей стране, и вспомнив о команде из Ливерпуля, вышел через ребят на людей в порту. Дешёвые китайские товары, алкоголь и сигареты, беженцы – ему было без разницы чем заниматься. Разумеется, этого добра в Британии и так хватало, но конкурентным преиму-

ществом Джека было отсутствие ввозных пошлин и акцизов. К тому же, не было необходимости оформлять какие-либо бумаги.

Основным рынком сбыта был Лондон, но бывший разведчик стал задумываться о расширении территории. Благо, здесь конкурентов у них уже почти не было – банда Скотта подчинила себе практически весь город. А сам он, кажется, сумел научиться на своих ошибках. Брайан больше не пытался проворачивать собственные темы, осознав, что без Джека ему ловить нечего. К тому же, Винсент Хьюз оказывал на него положительное влияние. Джеку было не до конца понятно, отчего эта парочка так сдружилась, но результат его полностью устраивал. Викарию, по-видимому, давно осточертела церковь, и он ушел громко хлопнув дверью, и набив, напоследок, морду пастору. Но годы службы наложили свой отпечаток, и Винсент то и дело, при каждом удобном случае, цитировал отрывки из Библии. Его новые знакомые, оказавшись прихожанами поневоле, поначалу, кривили лица, но возражать не пытались, и со временем привыкли. Иногда, они даже стали отпускать безобидные шутки.

– Эй, пастор, благослови бухло, которое мы вкушаем, – выкрикнул кто-то из парней на очередной пьянке.

Брайан хотел осадить слишком резкого подопечного, но Винсент опередил его:

– Сын мой, благословляю еду и напитки си, да не пронесешь ты их мимо своей хлебоборезки.

Парни довольно заготовили.

– Отожги ещё что-нибудь, святой отец!

Бывший викарий отставил стакан, и начал хорошо поставленным голосом:

– Одного священника очень любила паства. Он славился своей набожностью и благочестием, никогда и никому не отказывал в помощи. И вот однажды, перед самым Рождеством он пропал. Не было его ни в церкви, ни дома, и прихожане сбились с ног в его поисках. И вот спустя месяц, он, как ни в чем ни бывало, появился на проповеди. Когда он закончил, люди окружили его, и стали спрашивать: «Где же вы были, пастор?». «В тюрьме», – невозмутимо ответил тот. «Как в тюрьме?», – опешила паства. «Я поехал на Бромптон-Роуд, за подарками для бездомных детишек, и закончив с покупками, стал разглядывать витрины. Два часа спустя, я опомнился, и подумал, что все это время мог провести в молитве за тех, кто сейчас в опасности. Сколько ж людей погибло по моей вине? Тут появилась какая-то старуха в сопровождении полицейских, указала на меня пальцем, и сказала: «Это он во всем виноват!». Я подумал, что она права, и кивнул».

– Ха-ха! Пастор в тюрьме! Умора!

Глядя на веселящихся бандитов, Джек повернулся к Брайану и спросил:

– Когда вы к «Рыбакам» собираетесь?

– На четверг с главным договорились, – ответил Скотт.

– До послезавтра как раз и протрезвеете, – рассмеялся

Джек.

– А что ты хочешь? – с подозрением спросил Брайан.

– Преподобного взять не планируешь? Смотри, как заливает.

– Да я и сам уже думал, – пожал плечами Скотт. – Со священником оно вроде как солиднее. Типа как настоящие переговоры.

– Вот-вот. Кстати, не считаешь, что вам тоже не помешало бы какое-нибудь громкое имя? Типа, «Драконы» или «Меченосцы»?

– Нас и так все знают, – проворчал Скотт.

– Может быть, «Дети божьи», – улыбнулся прислушивающийся к беседе Винсент.

– Маловато экспрессии, – рассмеялся Джек. – Тогда уж «Пасынки Зевса».

– Нет. Его родственники плохо заканчивали, – ответил священник.

Джек, а следом за ним и Скотт, так и не понявший шутки, рассмеялись.

Через день, за два часа до встречи Джек принес сутану.

– Это католическое облачение, – сказал Винсент.

– Тебе какая разница?

– И то правда, – сказал священник, облачаясь поверх брошежилета.

– Ты что, с нами поедешь? – удивился Брайан. Обычно, Джек не лез в разборки, планируя тактику и пути отхода.

– Да. Вот захотелось кости размять.

Скотт только хмыкнул.

«Рыбаки» ждали их на окраине Лондона, на берегу Темзы. Они с напряжением следили за выбирающимися из машин людьми, и многие, помимо воли, запустили руки под куртки – поближе к расстегнутой кобуре. Брайан был прав: их действительно знали, и не с самой лучшей стороны.

Вышедший вперед щуплый человек в черной сутане, со стоячим белым воротничком, поднял руки над головой, и зычным голосом произнес:

– Мир вам, братья мои.

Норд, главарь «рыбаков», побывал на множестве сходов, но со священником столкнулся впервые.

– Ты это, если варежку раскрыл – говори по делу, – пододвинул он наиболее подходящий ответ.

– Базар фильтруй, – рявкнул Скотт.

Винсент покосился на друга одновременно с неодобрением и благодарностью. За всю жизнь не было никого, кто бы искренне переживал за него. В школе будущий викарий, обладающий хрупким телосложением, завидовал игрокам в регби, но как ни старался, так и не смог нарастить мышечную массу. Тем не менее, он научился неплохо драться, давая отпор школьным хулиганам.

Брайан видел, на что способен бывший священник, и искренне восхищался его бесстрашием. Но понимал, что тот не сможет тягаться на равных с парнями, с которыми им, обыч-

но, приходится иметь дело. И считал, что должен за ним приглядывать.

С Винсентом было легко. В отличии от его старых приятелей, с ним было интересно поговорить. И не было этой зауми, как у Джека.

– Ты считаешь, что зазорно называться братом человека, который не дал разразиться апокалипсису? – вкрадчиво спросил священник, складывая руки на груди.

– Святоша, оставь свои проповеди для церкви!

Джек подумал, что, кажется, ошибся. Он не раз замечал, что другие банды относятся с большим уважением, узнавая, что у них есть собственный капеллан. Но с «рыбаками» это не сработало. Джек незаметно снял пистолет с предохранителя.

– В храме божьем разговоры о делах небесных, мы же по земле ходим, – ответил Винсент. – Но, иногда, эти сферы пересекаются. Пример тому – Брайан Скотт. Он был послан самим небом, чтобы предотвратить трагедию.

– Какую? Не дать яйцеголовому толкать тирекс на своей территории? – рассмеялся Норд.

Священник покачал головой.

– Брайан был единственным человеком, кто понял, чего хотят эти безумные ученые. Сговорившись между собой, они планировали подать сигнал одной из древних рас, враждебной ко всему живому. Мало того, они хотели ослабить Землю, спланировав вспышку на Солнце.

Скотт слушал, открыв рот. Священник, вроде бы, и пересказывал книгу, но как-то, своими словами, что ли. По крайней мере, Брайан такого не помнил. Но в целом, он не противоречил написанному.

– И че? Ты нам привел показать последнего святого? – голос Норда звучал немного менее уверенно.

Он почувствовал, что парни с интересом слушают, а он не может ничего противопоставить словам священника.

– Брайан такой же человек, как и мы с вами. Но он отмечен Богом. Господь направлял руку его, и Брайан не дал завершить работу. Рискую собственной жизнью, он подобрался к антенне в момент запуска, и смог ослабить сигнал. Если бы не он, нас с вами здесь бы уже не было.

– Да вроде, «Моя судьба» не об этом. Там, вроде, про Ричарда Ному, который своими экспериментами чуть не уничтожил Лондон и половину Германии, – Норд почувствовал себя так, словно начал оправдываться.

– Цензура, брат мой. Не обо всем можно говорить прямо. Всякому, – Винсент повысил голос, и продолжил, поочередно обводя взглядом каждого из «рыбаков», – кому это интересно, я готов растолковать непонятные моменты, в любое удобное время.

– Ну, это немного не по адресу, святой отец, – Норд понимал, что с каждым словом священника теряет инициативу. – Мы в ваши христианские штучки не играем. Наши предки верили в Одина, а мы не меняем привычек.

– Бог един, – пожал плечами Винсент. – Неважно, следуете ли вы учению Иисуса, являетесь ли сынами Тора, или идете по пути, указанном пророком Мухамеддом. Важны лишь ваши дела.

Джека словно громом поразило. Он уже не сомневался, что избранная священником тактика оказалась весьма удачной. В памяти мгновенно всплыли годы обучения, и перспективы дальнейшей работы его просто ошеломили. Без сомнения, «Рыбаки», пусть не сегодня, но обязательно присоединятся к ним. После этого, у них не останется серьезных конкурентов, и слово Брайана станет решающим.

Нужно будет подобрать толковых ребят в помощь Винсенту. Пусть возглавит небольшой клан капелланов, который будет сам по себе, нейтральной стороной, не входящей ни в одну группировку.

Книгу – переписать для внутреннего использования.

Брайан – над бандитами, капелланы – словно цемент и независимые арбитры, и Джек во главе всей этой конструкции, под названием «Сыны Тора».

Кирку не хотелось тащиться на кладбище, да еще и в дождь. Но мать нашла очередной повод посетить могилу, и так уж совпало, что он выбрал именно это время для разговора.

– Знаешь, мне кажется, что Ричард Ном продвинулся дальше чем отец, – сказал он, подвигаясь ближе к Абигейл,

держашей зонт.

– Твой отец создал теорию, благодаря которой стали вообще возможны работы в этом направлении, – бросила она на сына колючий взгляд.

– Пусть так, – Кирк решил не спорить. – Но ты бы видела работы Ричарда! Его гравитационные подшипники – золотое дно! В тех статьях, что он публиковал, речь идет об удержании вращающегося вала в магнитном поле, и использовании гравитационной составляющей для его контроля. Но в рабочем терминале материалов гораздо больше. Это настоящий Колондайт! Он вывел уравнения, которые позволят создать принципиально новый двигатель для космических кораблей!

Абигейл смотрела на каменную плиту, и в ее памяти одна за другой всплывали картины из счастливого прошлого.

– Почему же он не опубликовал их? – рассеяно поинтересовалась она.

– Кажется, Ричард вел какие-то собственные исследования. Когда он понял, что натолкнулся на что-то важное, стал работать над этим в тайне, – нехотя ответил Кирк.

Он подозревал, что во время запуска Ричард хотел провести собственный эксперимент, благодаря которому и произошло усиление сигнала: электростанция просто не могла дать необходимую мощность. Скорее всего, это было как-то связано с резонансом. Но не в силах обосновать теоретически свои догадки, он решил этот вопрос не поднимать. Тем более, все доказательства уничтожены.

– Над чем именно? – Абигейл проявила вялый интерес.

– Не знаю – мы не можем найти записей.

– Он был женат? Может что-то знает жена?

– Вряд ли – она не блещет умом. К тому же, она исчезла, – отмахнулся Кирк. – Ма, там и без этого материалов хватает. Их немного довести до ума, и мы станем первыми, кто построит космический корабль с гравитационным двигателем!

Абигейл перевела взгляд на сына. По крайней мере, смерть Аша на нем никак не сказалась.

– Ма, я вот что подумал. Может проведем вечер памяти отца? Ты могла бы выступить с речью, рассказать каким он был ученым.

– Тебе снова нужны инвесторы? – грустно улыбнулась она. Некоторые вещи никогда не меняются.

– Товарищ Ном, вас ждут.

Сьюзан вздохнула. Вытянувшийся в струнку ушколицый солдат не соизволил даже постучать. Она уже привыкла к своему положению, но можно же соблюдать хотя бы видимость приличий!

– Сейчас иду.

Солдат кивнул и молча исчез.

Сьюзан снова вздохнула. Из работ Ричарда она ухватила лишь самую суть, но этого оказалось достаточно, чтобы убедить правительство Китая в перспективности разработок ее покойного мужа. Ричард Ном стал козлом отпущения, и все

стало только хуже после выхода книги.

Сью пыталась себя убедить, что у нее не было другого выхода. Лучше уж жить в золотой клетке, чем каждый день ждать, что тебя и ребенка сожгут вместе с квартирой.

Она совершенно не понимала как работают гравитационные накопители. Формулы были слишком сложны и не доведены до конца, а пояснения почти полностью отсутствовали. Но самое главное она поняла: с их помощью можно создать управляемый гравитационный луч. И не только. Антигравитация, преобразование силы тяжести в другие виды энергии – перспективы были безграничны.

И это только в той части, что ей удалось спасти! После смерти Ричарда, когда началось следствие, специалисты центра Аша Вармера, наконец, решили ознакомиться с работой ее мужа в области гравитационных подшипников, и тут же военные все засекретили. К счастью, она все еще числилась в штате, и смогла получить доступ к результатам. С ними она и пришла в китайское посольство. С ними, и другими работами мужа.

Сюзан смогла убедить новых работодателей, что будет полезна при расшифровке записей Ричарда Нома.

И будет над этим работать, если понадобится, – то всю жизнь.

«И не важно, добьюсь ли результата», – мысленно добавила она.

Сюзан улыбнулась. Кажется, она начала проникаться во-

сточной философией. Главное – не сама цель, а путь к ней. По крайней мере, пока в дороге кормят.

Денис опустил в кресло и сразу же застегнул ремень.

– Слышал, китайцы отправили автоматический корабль со строительными конструкциями на Марс, – сказал он соседу.

– Можно подумать, у вас всегда все гладко, – скривился Уильям.

Денис промолчал.

– Двойной агент оказался не таким уж и двойным, и все эти годы кормил нас дезой, – после паузы сказал генерал.

– Да вся эта операция сплошная история провалов, – махнул рукой Давыдов. – Стоило ли вообще начинаться? Китайцы – на Марсе, флот не построен, мы с тобой – на Луну летим.

– А может солнечный щит не такая уж и плохая идея? – пожал плечами генерал.

– А, хоть ты не начинай, – скривился Давыдов.

Шторм, который так неудачно совпал с запуском, стал новым пугалом для Земли. Как обычно и бывает в таких случаях, последствия были несколько преувеличены. Самолеты не падали, животные не гибли, пострадали лишь страны третьего мира, где электронику давно уже пора было списать в утиль. Были, конечно, сбои, но без катастрофических последствий. В современном мире техника слишком умная

чтобы умирать.

– По крайней мере, как мне кажется, это лучше чем убирать снег в Сибири, – в голосе генерала звучала едва заметная насмешка.

– Кстати, – не остался в долгу Давыдов. – Все забываю спросить. Так тебя расстреляли?

Часть II

2181

Судя по показаниям датчиков, температура продолжала падать. Немного подумав, Нара отправила в бак весь оставшийся резерв хлорофильных бактерий. Когда они выйдут из спячки, колония как раз достигнет минимально необходимого уровня. И вскорости погибнет, если воздух в системе рекуперации будет и дальше остывать.

План казался полностью безопасным, но, по-видимому, вместе с частью обшивки оказались повреждены и теплоизоляционные элементы в глубине корпуса. И теперь, несмотря на то, что лишь несколько дюймов воздушной магистрали были не защищены от космоса, охлаждение шло по гораздо большей площади, чем рассчитывала Нара.

Убедившись, что релейная станция находится в зоне уверенного приема, она включила микрофон.

– Говорит Нара Ли, свободный старатель, корабль «Горизонт-17», корпорации «Вармер». На борту возникла неисправность, которую я не могу устранить собственными силами. Всем кто меня слышит, просьба оказать помощь, в соответствии с кодексом освоения космического пространства 2113 года.

Закончив голосовую передачу, она сбросила груз, и по зашифрованному каналу отправила работодателю полную характеристику и траекторию камня. Маяк на осколке астероида позволит корпорации без труда его подобрать, и заорет на весь обитаемый космос, если это попытается сделать кто-нибудь другой. Так что за свои деньги Нара не переживала. Другое дело, что «Вармер», без сомнения, выставит ей счет на кругленькую сумму за «содействие в доставке», но по сравнению с премией, штраф должен оказаться довольно незначительным.

Конечно, корпорация постарается содрать с пилота по максимуму, скрупулезно подсчитав весь ущерб нанесенный кораблю, не забыв и об амортизации, но тем не менее, награда все равно должна оставаться до неприличия огромной, чтобы поддерживать интерес у желающих отправится почти на три года в одиночный полет к поясу астероидов.

Хотя недостатка в желающих и не было, нельзя сказать, чтобы пилоты выстраивались в очередь. Безусловно, один рейс был способен обеспечить безбедное существование до конца жизни, но не у каждого был «стартовый процент».

Этот процент служил дополнительным барьером. Корпорации не хотели нести убытки ни при каких обстоятельствах, и установили «страховой взнос» на случай, если корабль не вернётся. Разумеется, вряд ли нашелся бы пилот, располагающий такой суммой, и при этом желающий провести несколько лет вдали от цивилизации. Зато были люди, не

желавшие никуда лететь, но не против подзаработать на этом деле. Обычно несколько компаний делили между собой риски, получая часть дохода, когда старатель возвращался с добычей. Корпорации строили все больше кораблей, но это не принесло ожидаемой прибыли: к астероидам стало отправляться множество авантюристов, из всех необходимых навыков обладающих, разве что, желанием разбогатеть. И слишком многие не возвращались.

Нара училась на последнем курсе, когда страховые компании стали требовать от пилотов долевого участия в покрытии финансовых рисков. Ей тогда это было безразлично: она, как и отец, хотела стать пилотом лунного грузовика. Уже в ее детстве эти полеты были настолько обыденными, что отцу казалось проще обойти несколько правил и взять дочь с собой, чем искать с кем ее оставить на время рейса. Крошечная каюта и рубка казались огромным миром, а чернота космоса завораживала. Два дня полета, огромные доки на Луне, где можно было прыгнуть чуть ли не до потолка, запах озона, от не успевших остыть двигателей... Вопрос «кем быть» для нее не стоял, и отец всячески поддерживал ее желание стать пилотом. В четырнадцать лет он впервые пустил Нара за штурвал, каким-то чудом оформив ей удостоверение стажёра. Весь опыт пилотирования свелся к простейшим маневрам в открытом космосе, но это было самым ярким впечатлением в жизни девушки. Она не раз помогала отцу, когда возникала необходимость в ремонте, и думала что срод-

нилась с кораблем, но только в кресле пилота почувствовала себя с ним единым целым.

Окончив с отличием школу пилотов, Нара отправилась прямиком в «Халлибартон». У нее не было ни капли сомнений, что крупнейшая транспортная компания по достоинству оценит ее способности. И отказ оказался полной неожиданностью. Постоянно снижая требования, она обращалась ко все менее значимым перевозчикам, но даже заштатные компании, которые вечно испытывали нехватку пилотов, отказывались брать её на работу.

– Космос любит сильных, – сказал владелец одной из них, окинув взглядом ее хрупкую фигурку. – Это тяжёлый труд. К тому же, у вас совершенно нет опыта. Но мы вас можем взять в качестве секретаря. И ваше образование будет весьма кстати.

Нара молча проглотила обиду. По крайней мере, она узнала, что на Земле у нее нет шансов.

Луна же была менее консервативна в этих вопросах. Селениты, рождённые на лунной базе, были непривычны к высокой гравитации и перегрузкам, неизбежным при маневрировании. И найти там хорошего пилота было не проще, чем богача в столовой для нищих. И она оказалась права. Наре даже не пришлось покидать Нью-Йорк, чтобы получить предложение от «Кохито». Она была вне себя от счастья, когда компания посулила ей должность второго пилота на орбитальном транспорте.

Первые сомнения возникли уже на базе, когда Наре показали каюту с четырьмя койками.

Нара изо всех сил пыталась скрыть отвращение. Комната была настолько крошечной, что все ее обитатели могли бы разместиться только лёжа на своих постелях. Картину дополняло разбросанное белье и мерзкий кислый запах, разбавленный ароматами больше всего напоминающими горелую резину.

– Вещи сложишь в раздевалке, ключ от шкафа у коменданта. Душ на втором уровне, у тебя два посещения в неделю по десять минут. С соседями тебе повезло: у двоих вахты по десять дней, а Виктор вообще практически здесь не бывает.

– Виктор? – удивилась Нара.

– Места у нас не так уж много, – пожал плечами старший смены. – А женский персонал большая редкость.

– И как долго мне придется здесь пробыть? – кое-как справившись со своими чувствами, спросила Нара.

– В смысле? – удивился мужчина.

– Ну, когда я отправлюсь на Луну?

Ее провожатый рассмеялся, но тут же оборвал себя.

– Извини. Ты будешь работать на буксире, здесь, на орбите. Компания считает, что слишком накладно возить пилотов сюда с Луны. Так что, добро пожаловать домой.

После этих слов у Нары подкосились ноги. Она просто не выдержит здесь год, на который подписала контракт.

Всю первую ночь она даже не плакала, а беззвучно выла,

уткнувшись в подушку.

Утром, перед встречей с первым пилотом, она постаралась взять себя в руки. Ей это почти удалось, но все ее самовладение пошло прахом, при виде Вильсона.

– Это что за чучело? – ткнул он в сторону Нары толстым кривым пальцем. – Если бы мне нужен был стофунтовый кусок балласта, я бы просто не чистил толчок после рейса.

– Успокойся, – сказал начальник станции. – Она показала великолепные результаты. А ты знаешь, как строго компания относится к отбору пилотов.

– Да мне по барабану, с кем она там соотносилась! – закричал Вильсон. – Ноги ее на моем корабле не будет!

– Хочешь личный корабль – иди в старатели. А пока будешь летать куда и с кем скажут.

Вильсон вскочил. Казалось, он решает кого ударить первым. Но вместо этого пилот быстрым шагом вышел из кабинета.

– Ничего, сработаетесь, – криво усмехнулся начальник.

Но он ошибся. Корабль совершенно не походил на грузовик отца. На нем царили те же вонь и беспорядок, что и на орбитальной станции. Видно было, что ремонты делались кое-как, по принципу «и так сойдёт». Вильсон не допускал ее к пилотированию, нагружая бессмысленной работой, но и ее не давал делать нормально. Он вечно кричал, что девушка хочет угробить корабль, вырывал инструмент, ругался, грозился оторвать руки. Это была не работа мечты. Это была

пытка.

Через месяц, Нара смирилась. По крайней мере, средства которые она заработает за год, позволят перевести дух, и, в этот раз, уже более вдумчиво поискать работу. Но не смотря на довольно высокую зарплату, деньги уходили как вода сквозь пальцы. Компания обеспечивала всем необходимым, но это необходимое было просто отвратительного качества: комната где невозможно жить, еда, которую невозможно есть, воздух, которым невозможно дышать.

Нара с удивлением обнаружила, что станция не такая уж и бедная, как ей показалось вначале. При желании, здесь можно было найти практически что угодно. А если чего-то не было, то это можно была заказать рейсом с Земли. Она была просто обескуражена количеством контрабанды. Не было ни одного пилота, который не торговал бы выпивкой, продуктами или прочим товаром, который запрещено доставлять на станцию. На ее памяти лишь однажды был скандал, когда и без того вонючий сыр испортился у кого-то в шкафчике, и вечно неисправная система воздухообеспечения добавила еще одну отвратительную нотку в очаровательный букет мерзких запахов.

Но и тогда дело замяли, из чего Нара сделала вывод, что сложившееся положение всех устраивает.

Когда выяснилось, что каждые полгода пилоты обязаны подтверждать навыки, Нара Ли с радостью завалила тесты, предпочтя, пусть и со штрафами, но вырваться со станции.

Кое-как компания согласилась оплатить ей дорогу на Луну, где она снова оказалась никому не нужна. Полугодовой опыт поначалу казался интересным потенциальным работодателям, но после того, как всплывали результаты внутренних тестов, в стопроцентной конфиденциальности которых уверяла «Кохито», интерес пропадал.

Луна была слишком маленькой, чтобы позволить себе тайны.

Нара оказалась в едва ли не худшем положении чем полгода назад. У Земли не было орбитальных доков, и соответственно, не было нужды и в буксирах. К тому же, сами космонавты были уверены, что эта работа для тех, кому не по силам открытый космос.

Если и был какой-то шанс построить карьеру, то только здесь, на Луне.

Время шло, средства стремительно таяли, а перспективы становились все более призрачным. Ей предстояло решить возвращаться ли домой, или попытаться добиться своей цели.

Когда денег осталось лишь на билет до Земли, Нара обратилась к «Вармеру» с просьбой выделить ей корабль.

Процент невозврата на этот момент оказался довольно низок, к тому же, ей повезло выторговать довольно удачные условия, сократив свою часть выплаты до менее одного процента от стоимости корабля, что примерно равнялось стоимости дома, оставшегося после смерти отца.

И сейчас она сидела в рубке, и скрестив пальцы, ждала ответа.

С видимой неохотой, спустя гораздо больше времени, что нужно сигналу, чтобы проделать путь до Марса и обратно, она получила разрешение зайти на Фобос для ремонта.

Возможно, план был не таким уж и безнадежным.

Количество зрителей постоянно менялось. Одни отключались, потеряв интерес к беседе, другие же, наткнувшись в сети на свежий перл Одри, спешили присоединиться, в надежде одними из первых услышать очередную остроту ведущей.

Казалось, Майкл не понимал, что над ним издеваются, и с серьезным лицом отвечал на каверзные вопросы, все больше выставляя себя на посмешище.

– Другими словами, вы утверждаете, не Марк Твен, не Фицджеральд, не Достоевский, а именно Брайан Скотт написал наиболее значимую книгу в истории человечества?

Майкл сцепил пальцы в замок, и немного склонил голову, словно собираясь кивнуть, но не довел движение до конца, застыв в позе, воплощающей всю благообразность, на которую был способен.

– Я всего лишь считаю, что когда Богу есть что сказать людям, он выбирает простых парней. В них нет лукавства. Они донесут слова Его, не исказив их из корысти, не украсив из тщеславия, а перескажут их так, как слышали.

Одри едва заметно улыбнулась. Вместо подготовки к интервью, она могла бы заняться, например, маникюром: результат был бы тот же. Этот простак не просто не замечал ее ловушек, а так и норовил вскочить в них с разбега. А если каким-то чудом ему удавалось обойти расставленные силки, то он блуждал вокруг до тех пор, пока капкан не срабатывал.

– Вы хотите сказать, что Брайан слышал голоса? – проникновенным голосом спросила она.

Кто-то хихикнул. Ведущая отметила перемену настроения в зале. Если вначале зрители не испытывали особого интереса к ее собеседнику, и подключились к шоу привлеченные авторитетом Одри, то сейчас Майкл стал мишенью, человеком, вопиющая глупостью которого позволяла почувствовать обывателю свое интеллектуальное превосходство.

– Сложно сказать, как именно откровения открываются праведным. Это известно только им и Богу.

– От простого парня до святого меньше чем за минуту, – Одри выждала, пока для зрителей сделали наезд, чтобы она оказалась крупным планом. – Ничего себе у Брайана карьера!

Взрыв хохота подтвердил, что она выбрала правильный момент, чтобы изменить русло беседы.

– Скажите, а чем еще знаменит Брайан? Может быть, он ходил по воде, или метал молнии?

Зал снова взорвался хохотом. Казалось, вопрос совершенно не смутил Майкла. Он улыбнулся, и подождав пока стих-

нет смех, ответил:

– Кажется, вы путаете его с другим парнем из Назарета.

Одри позабыла что хотела напомнить, как церковь Небесных сфер выросла из движения «Сыны Тора», стыдливо спрятав под сукно скандинавские мотивы, и переиначив христианские притчи. Как охотничья собака, почувствовавшая добычу, она сделала стойку.

– Кого именно вы имеете ввиду? – она быстро перебирала в уме всевозможные варианты. Разумеется, Майкл попытается уйти от ответа. Шансов мало, но она должна попробовать заставить его назвать имя. К сожалению, она понимала, что это маловероятно.

– Иисуса, разумеется, – ответил Майкл. – Сына простого плотника, который написал Библию.

На несколько секунд повисла тишина, а потом зал взорвался настоящим броуновским движением. Люди смеялись, кричали, грозили кулаками, срывались со своих мест. Одри пожалела, что не выбрала для записи реальную студию: в ней бы точно началась драка. А так шум скоро стихнет, и как бы она не старалась, вряд ли удастся довести беседу до такого же накала. Одри дала сигнал отключаться. Свет начал тускнеть, зазвучала финальная музыка, и голос редактора зачитал резюме:

– Спасибо что были с Одри, Майклом Брестовым, и простым парнем из Назарета, написавшим хорошую книгу.

Студия растворилась, оставив висеть в воздухе логотипы

спонсоров, и Одри улыбнулась. Мало кто смотрит записи от начала до конца. Да и по большей части это нудные научные или политические передачи, к которым, к счастью, ее шоу не относится.

Одри знала, что буквально через полчаса появится короткая, не более десяти минут, версия шоу. Ровно такой продолжительности, чтобы включить наиболее удачные моменты, и при этом зритель не успел заскучать. И она совершенно не была против. Более того, Одри считала, что вполне можно было бы ограничиться одним Иисусом, написавшим книгу.

Определенно это было ее лучшее интервью.

Получив команду, вживленный коммуникационный модуль отключился от нервной системы, и Майкл несколько раз моргнул, восстанавливая зрение.

В целом, он был доволен своим выступлением: от Одри мало кто уходил не осмеянным. Именно этим шоу и привлекало огромную аудиторию, в которой он нуждался. Можно не сомневаться, что максимум через неделю церковь «Небесных сфер» будет индексироваться и в других сегментах Сети, а не только лондонском.

Перебирая в уме заготовленные для интервью фразы, Майкл пришел к выводу, что вариант с Иисусом был наиболее удачным.

Приглашение к Одри было значимым событием с точки зрения продвижения идеи, но это не значит, что больше не

нужно работать в других направлениях. Навскидку он мог бы назвать с десятков более приятных занятий, включая и наряды на кухню в свою бытность кадетом, чем воскресные проповеди в Арчбишопс парке. В отличие от шоу Одри, где было совершенно не важно что говорить, лишь бы зрители услышали о его церкви, в лагере приходилось выкладываться на полную. Он не тешил себя надеждой, что сможет переубедить этих атеистов. Майкл хотел, чтобы не католическая, не протестантская, а именно его церковь стала их главным врагом. Нельзя сказать, чтобы хоппи были какой-то значимой силой, но они приковывали внимание общества, пусть большинство и считало их всего лишь забавными чудаками.

Честно говоря, Майкл и сам относился к ним с некоторой долей иронии. Казалось, они придерживаются тех же идеалов, что и Аш Вармер или Ричард Ном, но по его мнению, здесь как нельзя лучше подходило слово «обезьянничать». Наука, прогресс... Из уст современных хоппи эти слова звучали как заученные клише, лишённые смысла.

И, разумеется, их протест был популярен в молодежной среде. Разумеется, как объект для шуток.

Майкл улыбнулся. Он не сомневался, что большинство завидует привольной жизни коммуны.

Выйдя из дома он поежился. Дело было даже не в погоде, просто зима не его любимое время года. Майкл на мгновение ощутил злорадство, представив каково хоппи в их палатках, но тут же себя одернул: он все же священник, и такие мысли

ему не к лицу.

Майкл собирался просмотреть список свободных машин, но залюбовавшись желтыми листьями, решил идти пешком. Вряд ли случится что-то ужасное, если проповедь начнется на час позже. Он сильно сомневался, что у него есть постоянные прихожане среди обитателей лагеря или посетителей парка.

Священник шел по улице, наслаждаясь свежим воздухом, и нисколько не торопясь. В выходной день город был практически пуст. Возможно, наверху над крышами домов сейчас и оживлённое движение, но он не стал поднимать голову, чтобы это проверить.

Майкл размышлял о том, с чего начнет свое выступление. Не было смысла готовить проповедь заранее. Буквально с первых минут она превращалась в дискуссию, где домашние заготовки совершенно не годились. Иногда ему хотелось плюнуть на все, и просто пообщаться, держа в руках кружку горячего грога. Его собеседники, в своем большинстве, были не глупы, с хорошим кругозором, и по-детски уверены, что знают все на свете.

И это был бы конец. Им нужен кто-то, кто стал бы олицетворением того, что они ненавидят. Злом и невежеством, которое нужно победить, чтобы сделать этот мир лучше. Им не нужен простой человек, с которым можно говорить на равных.

– И ненавистью своей они вознесли его. И ненависть их

обратилась в любовь, и оттого вспыхнула сильнее.

Проходящая мимо молодая женщина с ребенком на руках испуганно шарахнулась в сторону, и Майкл понял, что говорил вслух. Смущенно улыбнувшись, он ускорил шаг, и вскоре вошёл в парк.

Обилие палаток совершенно не отпугивало гуляющую публику. С невозмутимым спокойствием горожане степенно шагали по дорожкам, всем своим видом показывая, что парк остаётся парком, несмотря на огромное количество иностранных людей, живущих в нем.

Больше года шло судебное разбирательство, которое должно было дать однозначный ответ: должны ли хоппи покинуть Арчишоупс.

Их палатки стояли на местах для пикников, и формально соответствовали этому определению. Хоппи никому не мешали, и даже наоборот: оказывали посильную помощь всем, кто об этом просил. При этом даже не спорили, если кому-то понравилось их место, а просто перебирались в другое.

И суд никак не мог решить, что же это такое: вопиющее беззаконие или затянувшийся пикник?

Навстречу ему попался молодой парень в куртке ярко желтого цвета. Майкл бросил мимолетный взгляд на рисунок, состоящий сплошь из линий и треугольников, и уже собирался отвернуться, когда узоры сложились в картинку. Два тонких треугольника сверху напоминали брови, два под ними – узкие глаза, и обрамляли это штрихи, придающие ли-

цу сходство одновременно и с китайцем, и с инопланетянином, как принято изображать их в комиксах. Надпись снизу гласила: «Спроси своего сенатора, почему так выглядит марсианин».

Майкл покачал головой. Такое впечатление, что им мало проблем с властями.

Он вошел в палатку старшего коммуны, и Алекс радостно поднялся навстречу, широко расставив руки, словно хотел обнять весь мир.

– Рад тебя видеть, старик. Что ты нам принес на этот раз?

Несмотря на то, что Майклу было всего тридцать два, эти юнцы не упускали случая подчеркнуть разницу в возрасте. Священник протянул сумку, и Алекс тут же забыв об объятиях, бросил ее на стол, и начал разбирать содержимое.

– О, хорошая вещь, – хоппи достал автономный чайник, и критически осмотрев, спросил. – Что с ним не так? Здесь же нечему ломаться.

Майкл промолчал. Он знал, что ответа и не требуется.

Алекс коснулся выключателя. Как и следовало ожидать, ничего не произошло. Подковырнув сенсорную панель, и заглянув внутрь, хоппи нашел контакт и замкнул его лезвием ножа. Чайник радостно засветился.

– Работы на пять минут, но обывателю проще купить новый, – проворчал Алекс.

Майкл вспомнил парня, которого встретил перед палаткой. Забавно, что человек выступающий, среди прочего, за

разумное потребление, носит куртку, которая стоит раз в пять дороже хорошей, качественной вещи.

Бренд «Contra», который предпочитали хулиганы и хоппи, среди прочих слоев населения имел дурную славу. Но именно на этом и была построена их политика: вещь, которую осмелится одеть далеко не каждый. И цена, чтобы подчеркнуть исключительность.

– Ну, старик, ты явно заслужил сегодня выйти на сцену, – благодаря проявленной смекалке, Алекс был в хорошем расположении духа.

Он никогда не отказывал, но Майкл все равно решил, что поставить в церкви ящик для хлама было хорошей идеей.

– Благодарю, – сказал священник.

Майкл вышел из палатки, и степенным шагом направился к поляне, где обычно читал свои проповеди. Завидев толпу, он едва не сбил с шага: еще никогда ему не приходилось выступать перед столь многочисленной паствой.

Вокруг поляны столпилось множество народу, причем на этот раз немалую их часть составляли отдыхающие. Тут и там в воздухе висели изображения, вызывавшие живейший интерес. Завидев его, люди улыбались, кивали, а некоторые без стеснения тыкали пальцами.

На ватных ногах Майкл вышел в центр толпы и поправил сюртук, заменявший ему рясу.

– Друзья, – взяв себя в руки, начал священник. – Мы все привыкли к комфорту, и воспринимаем как должное все то,

что нам дает цивилизация.

— Расскажи про Иисуса, — раздалось из толпы, и люди засмеялись.

Майкл растерялся. В молодости он, как и многие подростки с окраин, состоял в одной из многочисленных банд. Его родители были не особенно набожны, поэтому его знакомство с религией началось посредством капеллана «Сынов Тора». Немного позже, сравнив его проповеди и проповеди протестантского священника, Майкл сделал вывод, что одинаковые слова нужно говорить по-разному для разных людей.

Так, для своих немногочисленных прихожан он делал упор на жадности работодателей, стремившихся максимально автоматизировать производство. И хотя никто не бедствовал (по крайней мере, в тех местах, где бывал Майкл), он, обращаясь к Библии, приводил примеры, что человек создан для того, чтобы трудиться и получать за это вознаграждение.

Когда же выступал перед хоппи, он делал акцент на недопустимости опасных открытий. Майкл больше опирался на Брайана Скотта, как на человека, который пытался не дать кучке безумных ученых отправить сигнал, который может погубить человечество.

А сейчас он не знал что сказать. Толпа, привлеченная выступлением священника на шоу Одри, жадно пожирала глазами долговязого человека, ожидая от него громких заявлений.

Майкл понимал, что на него смотрят как на клоуна, но не собирался становиться посмешищем. Одно дело шоу: все знали, что видео монтируется таким образом, чтобы набрать максимальный рейтинг, а никак не для того, чтобы донести информацию. Что ж, Одри свое дело сделала: люди услышали о церкви Небесных сфер. Теперь дело за Майклом. И он должен не разочаровать зрителя, но при этом и не выглядеть глупо.

– Друзья, – повторил Майкл. – На нас лежит огромная ответственность. Ибо мы единый, исключительный замысел божий, единственные, среди бесчисленных мертвых звезд во Вселенной, в ком теплится жизнь.

Парень в желтой куртке рассмеялся, и сказал стоящему рядом Алексу:

– Во старик дает! Недавно он рассказывал, что Брайан пытался предотвратить конец света, а теперь оказывается, что и нет никого, кто мог бы нам устроить апокалипсис.

Алекс задумчиво кивнул. Его старшая сестра была знакома кое с кем в суде, и этот кое кто ей рассказал, что на днях будет принято решение не в пользу хоппи.

Кажется, только что Брестов подсказал ему выход из положения.

– Это недопустимо! – в подтверждение своих слов Чжоу Зихао ударил кулаком по столу.

– Но мы обязаны оказывать помощь, если...

– Вы обязаны докладывать мне! – проревел глава службы безопасности.

Оператор вжался в кресло, и впервые за долгое время был рад, что работает на забытом богом Фобосе, где Чжоу не так просто будет его достать.

– Когда был получен сигнал? – спросил он.

– Двадцать два стандартных дня назад.

Лицо Чжоу стало пунцовыми, и оператор подумал, что, возможно, Фобос недостаточно удаленное место.

– Почему я узнаю об этом, только когда корабль оказался в доках?

– Наша служба отправила все положенные уведомления, как только...

Зихао выключил приемник. Его раздражало, что на больших расстояниях приходится использовать гравитационные передатчики. Будучи на связи через коммуникатор, он бы выбил всю дурь из этого недотепы. Чжоу давно заметил, что хорошая взбучка в виртуальном пространстве действует почти так же хорошо, как и в реальном мире, а побои не оставляют следов. К тому же, такой красивый удар с разворота у него уже давно не получается в спортзале. При мысли об этом, Зихао, помимо воли, бросил взгляд на свой живот.

В отличие от остальных колонистов, он был низкорослым, но это с лихвой компенсировалось мышцами, какими мог мало кто из марсиан похвастаться. Как сказал один человек – на Земле Чжоу был бы карликом. Это сказал один человек.

И только один раз.

Зихао прихватил самоспасатель, без которого ни один марсианин не покинет комнату, и направился к станции.

Лет двадцать назад он бы дошел пешком, но тоннели все разрастались, и пришлось построить несколько линий, по которым бегали примитивные электрические вагонетки.

Его служба располагалась в наиболее престижной части, и путь к станции лежал через оранжерею. Зихао прошел через аллею жасмина, и это его немного успокоило.

Глава службы безопасности был деятельным человеком, и терпеть не мог тратить время на такие бессмысленные занятия как дорога. Иногда он завидовал наземникам. Их чахлые купола были настолько маленькими, что до ангаров можно было добраться за десять минут.

Подкатилась вагонетка, Зихао вошёл внутрь, и опустился на жёсткую скамейку. Двое случайных попутчиков тут же прекратили разговоры, и усиленно старались не смотреть на Чжоу. Одному срочно понадобилось подключиться к сети, а второй зевнул, и сделал вид, что собирается подремать.

Зихао не обратил на них никакого внимания. Он вызвал часы на край поля зрения, и прикинул, что доберется до корабля не ранее четырех. Как это ни смешно, но до Фобоса он доберется быстрее, чем до ангара. И тут же выругался. Придется взять корыто земной постройки, предназначенное для долгого полета между планетами, а не маленький курьерский корабль, который обычно используют для полетов на спут-

НИК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.